№ 13—14 № 13

30 ИЮЛЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

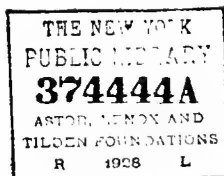
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ИЮЛЯ 13—14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 40.701 Москва. Тираж 40.000
Типогр. изд-ва „Правда" и „Беднота", Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Вопросы проведения нашей политики в деревне.

В течение последнего года наша партия много внимания уделила тому, чтобы выработать такие формы союза с крестьянством, которые бы отвечали новой, достигнутой нами теперь ступени хозяйственного и политического под'ема. Эти формы должны были обеспечить все большее вовлечение крестьянской массы в наше советское и хозяйственное строительство и дать партии возможность использовать активность и самодеятельность миллионов для продвижения нашей страны к социализму. Развертывание в деревне советской демократии, «оживление советов», т.-е. максимальное вовлечение в их работу середняцкого и бедняцкого актива деревни, об'единение крестьянства в кооперацию, основывающуюся опять-таки на активности и самодеятельности масс—таковы то новые звенья рабоче-крестьянского блока, которые были выкованы партией в результате учета всех новых условий нашей внутренней и международной обстановки.

В связи с установлением этой общей линии в деревне, партией был поставлен вопрос и об изменении методов руководства крестьянством. Развертывание советской демократии в деревне в области советской и в области хозяйственной (кооперативной) работы н е в о з м о ж н о при сохранении прежних методов руководства крестьянством, являющихся пережитком военного коммунизма. Нечего и думать о развитии самодеятельности, инициативы бедняцкой и середняцкой массы, пока остаются прежние формы администрирования, пока советская работа идет лишь на основе приказа, нажима, командования. Рабочий класс и наша партия не «ослабляют» руководства крестьянством. Наоборот, по мере нашего роста мы должны усиливать это руководство. Однако новая обстановка и новые задачи, стоящие перед партией и рабочим классом в деревне, требуют более гибких методов руководства. На место приказа выдвигается теперь больше элемент «у б е ж д е н и я», доказательства, примера, показа. Убедить крестьянскую массу в необходимости того или другого мероприятия и всей нашей политики в целом, доказать ей это,

добиться, чтобы она сама сознательно шла за нами и не только пассивно поддерживала, но сама активно осуществляла эти мероприятия,—в этом состоит сущность руководства в новых условиях.

Эти новые задачи нашей политики по отношению к крестьянству, ясно и четко сформулированные уже около года тому назад на октябрьском пленуме ЦК партии, были подтверждены и углублены последующими пленумами ЦК и XIV партконференцией. В течение нескольких месяцев партийными органами была проведена большая работа по раз'яснению новых принципов нашей политики в деревне и ознакомлению с ними как членов партии, так и беспартийных крестьян и рабочих. Партии пора теперь дать себе отчет в том, как практически осуществляются новые решения на низах, какие препятствия и затруднения встречаются в проведении этих решений, имеются ли отклонения от правильной линии, словом, учесть опыт первых шагов проведения нового курса в деревне для того, чтобы лучше, систематичнее, тверже проводить его в дальнейшем. Ибо новые решения не представляют чего-то случайного показного, скоропреходящего; они определяют линию партии «всерьез и надолго».

В этом отношении большое значение приобретает производимое членами ЦКК обследование низовой советской и партийной работы: это обследование, без сомнения, поможет партии в учете опыта первых шагов проведения нового курса и определении того, что в этом деле требует исправления и выпрямления.

Приходится прежде всего констатировать, на основе этого обследования, что на низах практическое осуществление новых решений партии лишь только начинается, и пока мы не можем еще похвалиться большими успехами в этом отношении. Лишь теперь только на местах—пока далеко не везде—от общих разговоров, общих лозунгов, агитационных кампаний начинают постепенно переходить к проведению на деле новых методов работы: выискивать конкретные меры оживления советов, организации работы советских комиссий и секций, выделения и привлечения к работе бедняцкого и середняцкого актива. Такая медлительность в переходе к новым приемам работы об'ясняется целым рядом обстоятельств. Нужно было время, чтобы низовые партийные и советские работники усвоили новые задачи и принципы работы. Старые навыки работы глубоко вкоренились; приходилось и приходится преодолевать инерцию, косность в этом отношении. Решения партии идут настолько вразрез с образовавшимся за эти годы «традициями» в деревенской работе, что некоторые работники рассматривали эти решения лишь как агитационный маневр и сомневались в том, что они имеют дело с «серьезной» политикой. Другим они казались настолько «смелыми», что они не решались первое время говорить о них и обсуждать их даже на партийных собраниях. Так секретарь одного из укомов на вопрос о том, где прорабатывались решения октябрьского пленума ЦК и какие давались в связи с этим указания деревенским работникам, ответил: «мы просто не решились ставить этот вопрос, так как он казался нам смелым даже после смягченного (!?) доклада представителя губкома». Вместе с тем необходимо время и для выработки конкретных, практических методов работы на новых началах, для того, чтобы практически осуществить втягивание крестьянского актива—не на-показ, а деловое втягивание—в советскую работу. Разумеется, что быстро, в два счета, организовать работу по новому нельзя: для этого требуется продолжительный, систематический и упорный труд. Положение дел на низах приходится поэтому сейчас оценивать не с точки зрения готовых результатов—а с точки зрения того, насколько серьезно, глубоко, систематически низовые парторганизации ведут работу в указанном партией направлении.

Некоторые моменты, которые задерживают проведение нового курса в деревне, требуют в настоящее время серьезного внимания со стороны наших партийных организаций. Прежде всего то обстоятельство, что до сих пор на местах вопросы новых методов руководства крестьянством, развертывания советской демократии и проч. все еще ставятся в общей форме, агитационно, теоретически. Еще и теперь в протоколах волостных (районных) советских с'ездов можно встретить такие постановления: «Слушали: советское строительство. Постановили: приветствовать Соввласть в области очередного советского строительства». Такое постановление выносит с'езд, который прежде всего должен бы обсудить и решить вопрос, как практически осуществить это «очередное советское строительство» в пределах своей волости! Этой болезнью общих формулировок, общих лозунгов и положений страдает вся система наших организаций, часто начиная с губкома и кончая деревенской ячейкой. С этой болезнью нужно бороться! Теперь пора уже перейти от общих резолюций, постановлений, от общих лозунгов к практическому осуществлению новых решений партии, к конкретной разработке, как, какими мерами в местных условиях работы, лучше эту политику осуществлять, как подойти к крестьянину, как выделить и организовать крестьянский актив и проч. По этой линии должна строиться сейчас работа наших партийных организаций в деревне. Над этими вопросами должны работать деревенские комиссии и совещания губкомов и укомов. Они должны учитывать имеющийся опыт проведения новой политики—выделять из него то ценное, нужное, заслуживающее дальнейшего развития,

что было сделано местными организациями. Иначе мы не сдвинемся с места! Такое конкретное, практическое обсуждение вопросов работы в деревне необходимо именно теперь, чтобы подготовиться к осеннему оживлению этой работы и чтобы развернуть ее по новому, когда крестьянин вернется с полевых работ и сможет больше отдаваться общественным делам.

* * *

Необходимо отметить далее вопрос о руководстве низовым аппаратом—советским и партийным—в новых условиях работы.

Успех проведения нового курса партии в значительной, если не в решающей, степени определяется тем, насколько низовым работникам удастся справиться с новыми задачами работы, преодолеть старые навыки и «традиции» администрирования, найти практические пути развертывания советской демократии и проч. Вопрос о низовом аппарате, о его подборе, инструктировании его и руководстве им приобретает в этих условиях первостепенное значение. Уже достаточно много говорилось о том, сколько еще непонимания политики партии, а иногда и полного незнакомства с ней, сколько неумения подойти к осуществлению ее можно встретить на низах. Преодолеть это непонимание, помочь низовому работнику в проведении новых решений партии можно только деловой, практической постановкой руководства деревенскими организациями и инструктирования их. Между тем обследование ЦКК выявляет, что часто низовые организации не только не имеют непосредственного, практического руководства, но вообще не получают никаких указаний, как проводить работу по новому. В одной из центральных губерний РСФСР член ЦКК т. Караваев констатирует, напр., следующее: «За шесть месяцев волостная организация не была посещена ни одним членом укома. Ни одна ячейка не имела также письменных директив и указаний на способы и пути проведения основных задач партии по работе в деревне. Ячейками не были получены как резолюции октябрьского пленума ЦК по работе в деревне, так и указания на необходимость проработки решений губернского совещания по этому вопросу и последних пленумов укома. Точно так же секретари ячеек не вызывались за последние полгода на заседания укома для докладов о работе в новых условиях и получения указаний по проведению задач партии в деревне и выпрямления недочетов и ошибок в своей работе». И это в момент, когда партия производит труднейший и важнейший поворот в деревенской работе! Такая оторванность мест, отсутствие руководства, бюрократическая постановка работы представляют в новых условиях величайшую опасность и с такого рода явлениями необходимо бороться самым решительным образом.

Можно думать, однако, что в большинстве парторганизаций дело обстоит лучше. Но что является общим недостатком— это перевес бумажного, циркулярного руководства над живым, непосредственным, деловым. Между тем именно теперь, больше, чем когда бы то ни было, нужно усиление живого, непосредственного руководства местами. Циркулярно-бумажным способом, одними резолюциями и постановлениями, делать новую политику нельзя. Нужно на месте проверять, как проводятся новые решения партии, нужно, исходя из местных условий и особенностей, давать низовым работникам практические указания и советы, что исправить и как вести работу. Только таким путем мы сможем двинуть вперед дело осуществления нового курса партии в деревне. «Без систематического, постоянного, живого руководства со стороны укомов и уисполкомов (а последними—со стороны губкомов и губисполкомов) — улучшение советской работы пойдет слишком медленно»—делает вывод т. Магидов, обследующий деревенскую работу в Пензенской губ. В связи с этим необходимо поставить соответствующим образом работу инструкторского аппарата.

* * *

«Лицом к деревне»—это не есть лишь агитационный лозунг; это—лозунг, который определяет направление нашей политики. Вместе с тем он далеко не исчерпывается такими мероприятиями, как «оживление советов», укрепление деревенской кооперации и помощь крестьянскому хозяйству. «Лицом к деревне» означает в то же время необходимость улучшения тех частей нашего советского аппарата, которые обслуживают крестьянство. Об этом часто забывают. Сплошь и рядом, повторяя всякие хорошие слова насчет союза с крестьянством и необходимости внимания к крестьянским нуждам, допускают в то же время рядом—в земельных, финансовых и др. органах—такой бюрократизм, волокиту, расхлябанность, взяточничество, которые в корне подрывают доверие крестьянства к нашим словам. Чего стоят в глазах крестьянина эти общие разговоры, когда в органах, обслуживающих его самые непосредственные жизненные интересы, нет порядка, и он неделями и месяцами не может добиться толку; если в земельно-судебных комиссиях дела лежат годами; если они по несколько раз пересматриваются в результате некомпетентности, неумения

работников, поставленных там; если проведение какого-либо даже пустяшного дела, получение помощи, справки, указания невозможно в некоторых местах без дачи соответствующей «мзды»? «Лицом к деревне» это значит больше внимания земельному, финансовому и другим отделам, обслуживающим крестьянство или соприкасающимся в работе с самыми острыми его интересами; это значит, что необходимо улучшить состав работников этих отделов, посылать туда хороших работников, давать им возможность ознакомиться с делом и не перебрасывать без толку и без нужды на другую работу; это значит, что нужно следить за постановкой дела в этих учреждениях и не из «прекрасного далека» своих кабинетов, а присматриваясь на месте к работе и прислушиваясь, как отзываются о ней крестьяне; искоренять в этих учреждениях бюрократизм, волокиту, расхлябанность...

Тут необходимо остановиться на материальном положении низовых работников. Что это положение не блестящее — всем известно. Общие условия были таковы, что не давали нам возможности в полной мере обеспечить низового работника. Однако, что по теперешним временам совершенно недопустимо, с чем нужно бороться самыми решительными мерами—это до сих пор существующая в некоторых губерниях задолженность по зарплате низовым работникам. Зарплата иногда даже теперь задерживается на два-три месяца. Именно на почве этой задолженности произрастают всякие злоупотребления, взяточничество, «позаимствования» из кооперации и проч., что деморализует и разлагает советский аппарат. Первым элементарным условием какого бы то ни было улучшения низового советского аппарата является ликвидация задолженности по зарплате и своевременная выплата последней в дальнейшем. Это условие необходимо и возможно обеспечить в ближайшее время, в противном случае все наши разговоры об улучшении советского аппарата будут пустой болтовней.

* * *

У нас много говорится и пишется о недостатках низового аппарата, о безответственности, о бюрократизме, волоките, злоупотреблениях и проч. О том, что такие недостатки действительно существуют, свидетельствуют происходившие и происходящие судебные процессы. Обсуждаются разные меры борьбы с этими недостатками: улучшение состава работников, смена их, укрепление начал революционной законности. Нужно сказать однако, что основным наиболее действительным средством борьбы с безответственностью, головотяпством, злоупотреблениями является

развертывание в деревне начал советской демократии. По мере того, как советы все больше будут обрастать крестьянским активом, будут решать и обсуждать местные дела, а не только вопросы международного положения и Доброхима; по мере того, как будет устанавливаться общественный контроль рабочих, бедняцкого и середняцкого крестьянства над представителями власти,—будут постепенно выводиться и все эти недостатки, будет создана прочная основа для улучшения советского аппарата, превращения его в аппарат, который еще больше, чем теперь, будет «сливаться» на низах с активом середняков и бедноты.

Доказательством этого положения является та роль, которую играет в деле улучшения советского аппарата в деревне такой важный элемент советской демократии, как селькоровское движение. Здесь мы уже имеем действительный контроль низов, контроль масс над советским аппаратом. Корреспонденции селькоров являются сейчас лучшим зеркалом, отражающим настроения, нужды, сомнения деревни и работу наших советских органов. И именно теперь, в связи с переходом к новым методам работы в деревне и руководства крестьянством—роль селькоров становится еще значительнее: селькор бичует косность, старые навыки работы, но он отмечает и то новое, ценное, чего удалось достигнуть в деле осуществления советской демократии. Поэтому наши партийные организации должны больше прислушиваться к голосу селькоров и бороться со всякими попытками связать их по рукам, заставив ограничиваться лишь «вопросами поднятия сельского хозяйства».

Другим немаловажным орудием в борьбе за улучшение советского аппарата являются органы КК и РКИ. В настоящий момент вопросы проведения политики партии в деревне, учета опыта мест, выпрямления линии низовых организаций должны быть в центре внимания этих органов. Роль их, однако, ослабляется тем, что они еще мало связаны с массами; массы их не знают, и они еще мало (на местах) зарекомендовали себя в глазах крестьян. Основная задача, стоящая перед КК и РКИ, состоит в том, чтобы войти в связь с крестьянской массой, ближе к ней подойти и, опираясь на нее вести основную свою работу по искоренению бюрократизма, волокиты, головотяпства, по борьбе за честный, правильно и скоро работающий советский аппарат.

* * *

Новые решения партии отнюдь не означают «ослабления» руководства крестьянством. Наоборот, наша задача состояла и состоит в усилении этого руководства. Однако руководство

должно осуществляться при помощи иных, более гибких методов работы, дающих возможность все больше вовлекать крестьянскую массу в наше социалистическое строительство и все больше расширять и углублять влияние партии на эту массу.

Эти новые задачи пред'являют большие требования к нашим низовым парторганизациям. Нет сомнения, что необходимо усилить эти организации путем пополнения их работниками из города. Однако было бы ошибкой думать, будто это усиление можно провести, организовав одну-две мобилизационных кампании. Теперь необходимо ставить дело иначе: нужно систематически работать над подбором и отбором работников для деревни, выделяя туда выдержанных товарищей, могущих ориентироваться в деревенской обстановке, подойти к крестьянину, руководить им по новому. Только путем такого систематического отбора работников нам удастся действительно усилить низовые организации и помочь им подняться на уровень больших и сложных задач, стоящих перед ними.

Д. Марецкий.

Отто Бауэр и государственная власть.

(К русскому переводу книги Бауэра: „Австрийская революция 1918 г.").

Госиздатом выпущена книга Бауэра: «Австрийская революция 1918 года» (XIV + 294 стр.). Эта книга, как пишет о ней в предисловии т. Ротштейн, представляет собой «талантливое отображение пошлости, трусливости и морального банкротства австрийской социал-демократии, одной из лучших выразительниц международного меньшевизма. По этой причине ее стоило перевести и стоит читать». Мы не собираемся здесь останавливаться на конкретном материале, привлеченном Бауэром в его новое произведение (впрочем, не совсем новое: оно было написано уже более двух лет тому назад); нас интересует больше своеобразный теоретический стержень работы Бауэра. Сам Бауэр полагает, что его книга может служить «вкладом» в «большую работу» по «развитию социализма XX столетия», и это потому, что Бауэр пытается развить совершенно новую, по его мнению, трактовку проблемы классов и государства. Мы увидим, впрочем, что «новая» теория Бауэра, представленная им в «Австрийской революции» (равно как и в некоторых других работах), теория интернациональная по своему значению, носит специфически австро-марксистский характер, более того, она имеет даже известный национально-австрийский отпечаток.

Дремлет в Австрии экономика, зевает ее парламент, не слышно шума больших социальных битв, ржавеют в ножнах политические мечи, и спит пока еще ленивым социал-демократическим сном австрийское рабочее движение. Понятно и то, что коммунизм в Австрии развивается относительно медленно, и то, что коммунистическая партия Австрии не стала еще массовой, на манер Германской или Чехо-Словацкой. Коммунизм теперь мировое явление. Но это не значит, что коммунизм рождается автоматически, что он сам собой, внезапным откровением нисходит в головы пролетариев любой отдельной страны или передается им путем слепого психологического подражания по схеме какого-нибудь профессора Тарда. Коммунизм вызывают на свет большие экономические потрясения, подземные социальные толчки, политические грозы. До чрезвычайности форсируют появление и развитие коммунизма хорошие уроки реакции или капитальная, бьющая в глаза измена «вождей». Период голода, период существования Советской Венгрии, период министерских портфелей в руках Реннера и Бауэра был периодом разлива коммунистических настроений в Австрии. Но отсутствие организационного кристаллизующего ядра для этих настроений, отсутствие компартии, послужило счастливым громо-

отводом для австрийских эс-деков, которые сохранили свои «исторические позиции», а последовавший затем период тихой стабилизации и «санирования» подтвердил право социал-демократии на дальнейшее существование. Впрочем, это свое историческое право на существование австрийская социал-демократия ознаменовала целой полосой систематического обмана и развращения рабочего движения как в сфере практически-политической, так и в сфере идейно-теоретической.

Переживаемая эпоха намечает, так сказать, особые типы социал-демократического вредательства. Предательство это практикуется ныне либо в откровенном, цинически-оголенном злобствующем антикоммунистическом духе, либо же в рафинированном, невинно-безобидном, порой замаскированном виде, при чем суть дела в обоих случаях, конечно, одна и та же. Образцом, можно сказать, шедевром предательства первого рода является современная Германская социал-демократия, типичным образцом предательства второго рода может служить австрийский бауэровский меньшевизм.

При характеристике Австрийской социал-демократии во идеологической линии сразу же натыкаешься, конечно, на «маститую» фигуру Отто Бауэра. Если и для всего Второго Интернационала в целом Отто Бауэр, без сомнения, является звездой первой величины— в особенности на фоне старческого заката Карла Каутского, — то в рамках своей крошечной национальной цитадели фигура Бауэра склонна принимать прямо-таки библейские очертания. Бауэр— общепризнанный теоретический столп так называемой австро-марксистской школы. В течение десятилетия набивавший себе руку по части теоретического жонглерства, создавший себе приятную репутацию искателя «собственных путей», всегда подстрекаемый щекотливой претензией «двигать марксизм» вперед—Бауэр бесспорно обладает достаточным талантом и фантазией для того, чтобы с налету, так сказать, создавать теоретические концепции, ради потребности текущего момента на-спех сооружать всякого рода «системы» и даже самые незначительные оппортунистические зигзаги своей партии санкционировать мановением жезла «исторической необходимости».

На первом плане в сомнительной сокровищнице «новинок» Отто Бауэра стоит, разумеется, его теория государства, иначе его теория «равновесия классовых сил». Зародыши этой теории, ее отдельные элементы можно прощупать уже в прежних произведениях Бауэра, например, в его «Bolschewismus und Sozialdemokratie», 1920 г. В завершенном, зрелом виде, в качестве связной концепции Бауэр представил свою теорию в упомянутой работе об «Австрийской революции».

«Новое» свое понимание государства Бауэр в деталях обосновал данными конкретной эволюции государственной власти в Австрии за послевоенный период. Однако то, что теоретическое детище Отто Бауэра выросло в таких относительно ничтожных территориальных и социально-государственных границах—Бауэру нисколько не помешало в дальнейшем размахнуться в планетарном масштабе и сделать свою теорию универсально-значимым научным построением, проливающим лучи яркого света как на мрачные дни Средневековья, так и на весь будущий период исторического приближения к социализму, равно как и на столь причудливый социально-политический переплет современности. В лаконической

сжато-систематизированной форме существо своей теории, подкрепленной соответствующей аргументацией, Бауэр изложил в одной статье в венском «Der Kampf», направленной против профессора Кельзена, который выступил с полемикой против «учения» Бауэра.

Вот основные штрихи бауэровской теории государства.

Что такое государство, где лежит определяющий признак государственной власти?—спрашивает Бауэр. Ответ на вопрос дает общая марксистская формула: государство есть социально-классовый институт, государственная власть есть не что иное, как политический инструмент классового господства. Но политическое есть функция социального. Рождается дальнейший вопрос. Как возможно, при каких условиях мыслимо господство данного класса в государстве, наличность в его руках государственного аппарата? Это мыслимо, очевидно, тогда, когда данный класс настолько мощен, настолько созрел организационно, чтобы быть в состоянии подавлять все другие классы, держать их в подчинении,—при решающем, следовательно, перевесе социальной силы этого класса. Всегда ли, однако, наблюдается такое состояние социальной системы, при котором какому-либо из классов ее был бы гарантирован такой решающий перевес силы, такой определяющий социальный приоритет, который вручил бы ему заветные ключи от государственного механизма? Разумеется нет. Такой метафизической гарантии история дать не может. Иногда один класс господствует над другим, иногда же создается нейтральная историческая комбинация классовых сил, при которой ни одна из них не является доминирующей, и общество впадает в специфическое состояние «равновесия классовых сил (Gleichgewicht der Klassenkräfte). Какая участь постигает при таком «состоянии равновесия» государственную власть? В этом случае, отвечает Бауэр, мы получаем дилемму. Либо возможно, что произойдет ассимиляция государственной власти обоими соперничающими классами, другими словами, произойдет дележка госвласти между классами, каждый из которых получит как бы свою долю из государственного пирога. Либо же состояние равновесия классовых сил не приведет к такому мирному переделу госвласти между классами—тогда государство станет силой самостоятельной по отношению к классам: «состояние равновесия» превратит государственную власть в независимый институт, государственная машина приобретет самодовлеющее, надклассовое бытие и, как таковая, начнет царить в социальной среде. Конкретная историческая динамика государственной власти, полагает Бауэр, блистательно оправдывает его социологическую схему. В самом деле, разве не разыгрывается живой исторический процесс неуклонно «по Бауэру»? Возьмем, например, большую историческую эпоху формирования и развития буржуазии. В начале ее,—говорит Бауэр,—«государство было организацией господства только класса помещиков, в конце ее государство стало организацией господства буржуазии. Между феодальным и буржуазным государствами лежал период равновесия классовых сил, в котором оба класса или подпали под господство сделавшейся по отношению к ним обоим самостоятельной государственной власти (einer gegen beide verselbständigten Staatsgewalt), или же должны были разделить власть между собой». Абсолютная монархия на Европейском континенте

дает нам образец государства первого, надклассового типа: своим появлением и историческим пребыванием она обязана исключительно лишь наличию состояния равновесия классовых сил, так гениально просто раскрытому Отто Бауэром. Государство второго типа, когда был на-лицо случай разделения государственной власти, представлял собой порядок вещей, воцарившийся в Англии после «glorious revolution» 1688 года, когда возникло полюбовное сожительство между буржуазией и классом крупных земельных собственников. «Историческую проверку» в далеком прошлом Бауэр считает для своей теории на 100% выдержанной. Точно также он обеспечивает ей полный успех и на экзамене модернизированном, смело вводя ее на очную ставку с современностью. «Можем ли мы,—вопрошает Бауэр,—развитие государства в эпоху под'ема пролетариата представлять себе по аналогии с развитием его в эпоху под'ема буржуазии? Можем ли мы, следовательно, принять, что между капиталистическим классовым государством и государством, которое будет только организацией господства пролетариата, окажется переходный период равновесия классовых сил, в котором оба класса буржуазия и пролетариат или попадают в подчинение самостоятельной по отношению к ним государственной власти, или делят ее между собой?» Конечно, можем. Почему бы услужливой истории не повториться. Она действительно «повторяется» прямо-таки у нас на глазах.

Ибо отличительной чертой нынешней эпохи как раз и нужно считать бауэровское состояние равновесия классовых сил. Государственная власть поэтому в переживаемое время чаще всего либо «делится», либо конструируется в самостоятельную надклассовую касту. Примеров Бауэр видит так много, что при выборе их он испытывает настоящее затруднение. Государство, в котором власть «поделена» между рабочим классом и капиталистами—это раньше всего, разумеется, Австрия «коалиционного» периода [1]). Брантинговская Швеция и Макдональдовская Англия, это тоже, по Бауэру, государства, пребывающие в его очаровательном равновесии, и где потому «труд» и «капитал» сообща, на паритетных началах, ворочают рулем государственной власти. Классическим типом современного государства, также характеризующимся нейтральным состоянием равновесия классовых сил, но с совершенно другим государственным знаком, Бауэр считает фашизм в Италии. «Итальянский фашизм 1922 г.,—говорит Бауэр,—это повторение (Gegenstück) французского бонапартизма 1851 г. В обоих случаях авантюрист, опирающийся на банду вооруженных авантюристов, разогнал буржуазный парламент, чтобы опрокинуть политическое господство буржуазии и установить собственную диктатуру над всеми классами».

Итак, теория Бауэра, его учение о равновесии классовых сил, о надклассовом и двуклассовом государстве целиком подтверждается, по его мнению, эмпирически, живыми историческими иллюстрациями. Но, прокламируя свою теорию, отказывается ли Бауэр от старинного марксистского взгляда на государственную власть,

[1]) Период после Женевского договора Бауэр склонен обозначать как «реставрацию буржуазного господства», но уже теперь ему вновь грезится скорое приближение «равновесия классовых сил» в Австрии, когда можно будет опять «поделить» власть между «буржуазией» и «пролетариатом» и вместе с тем одним ударом как реализовать лишнюю эффектную иллюстрацию «теории государства», так и утешить понятную тоску по министерскому креслу.

как на орудие классового угнетения, как на политическое средство классового насилия? Оказывается нет. Он как небо от земли далек от такой ревизионистской мысли. Совсем напротив! Знаменитое положение «Коммунистического Манифеста» сохраняется Бауэром в своей прежней девственной чистоте. Одной из своих самых важных задач Бауэр считает предохранение тезиса Маркса от вульгарного опошления, от превращения его в «ходячее популярное представление». Как следует, по мнению Бауэра, подлинно научно интерпретировать классовую формулировку сущности государственной власти, данную Марксом и Энгельсом? Конечно, не как всеспасительную догму, годную в любом конкретном случае, но лишь как некий абстратно-теоретический предел. Маркс дает в «Ком. Ман.» только общую формулу государства, а потому, следовательно, и значимость этой формулы надо истолковывать лишь в обобщенном смысле, в смысле некоторой тенденции. Что же касается собственно теории Бауэра, то ее значение, по его личному признанию, сводится к тому, что она лишь заполняет общее положение Маркса адэкватной конкретно-исторической плотью. Формула Маркса, говорит Бауэр, это своего рода «общая теорема» (allgemeiner Lehrsatz) и, как таковая, лишь в отдаленной степени может служить приближением к сложности и пестроте и необычайному разнообразию элементов действительности. Поэтому на-ряду с общей теоремой необходимы теоремы вспомогательные, особые социологические леммы, которые перекинули бы железный мостик между реальностью и «общей теоремой», «индивидуализировали бы», «модифицировали бы» последнюю, применительно к данному конкретному социальному рисунку. Цитаты, которые по этому поводу Бауэр берет у философа Эрнста Маха, только подкрепляют в его глазах правильность такой интерпретации марксовой «теоремы», и в конце-концов он приходит к утешительному результату, одновременно обеспечивающему самое почетное положение его теории равновесия и вместе с тем сохраняющему и Карлу Марксу кое-какое место под луной.

Обращаясь к критической оценке «государственных» взглядов Бауэра на государство, с самого начала приходится констатировать, что они, конечно, ни в коей мере не могут похвастать качеством «новизны», как бы ни старался изобразить это сам их автор. Теория надклассового государства имеет настолько почтенный исторический возраст, что никакая софистическая эквилибристика не в силах ее сделать новой. Она так же стара, как сама **буржуазная** государственная наука вообще. Отнюдь не нова также и бауэровская затея сосватать буржуазную теорию государства с учением о классовой борьбе. Можно скорее считать своеобразной исторической закономерностью то обстоятельство, что параллельно процессу общего оппортунистического перерождения марксизма происходила, если употребить термин юриспруденции, рецепция буржуазных теорий государства в его среде. В своих больших исторических экскурсах, например, при социологической характеристике абсолютной монархии накануне Великой Французской Революции Каутский совершенно недвусмысленно становится на позицию надклассового государства. Что и нашего покойного Плеханова надклассовый змей не преминул смертельно ужалить, в этом может легко убедиться каждый, кто ознакомится с его воззрениями на государство хотя бы по его введению к «Истории

русской общественной мысли». А в работах русских меньшевиков, посвященных революции 1905 г., столь же явственно слышится та же надклассовая мелодия. И не даром буржуазный проф. Кельзен, к чести которого выпало первое дезавуирование антимарксистского существа теории Бауэра—дальнейшее «развитие» Бауэром Маркса обозначает, как идейный поворот, на всех парах мчащий его «назад к Лассалю». Перед лицом обычной марксистской логики, концепция Бауэра моментально теряет малейшую тень правдоподобия. Не забираясь в пыльные исторические лабиринты XVII и XVIII веков, попробуем разобрать актуальную проблему государственной власти в нынешний переходный период. Теперь, уверяет нас Бауэр, воцарилась картина классового равновесия, вследствие чего ни одному из классов невмоготу владеть монопольно государственной властью, а потому классы делят ее между собой. О каких классах тут идет речь? В основном, конечно, о буржуазии и рабочем классе. Ни буржуазия, стало быть, не владеет госаппаратом, ни пролетариат, но они владеют ей сообща. Современное государство, значит нельзя, по Бауэру, назвать капиталистическим, еще меньше его позволительно именовать пролетарским. Оно ни то и ни другое, и вместе с тем и то и другое. Единственным логическим выводом, который позволит нам выбраться из этого забавного псевдо-«диалектического» болота, будет тот, если мы об'явим современное государство «пролетарски-капиталистическим» или «буржуазно-пролетарским». Но словосочетание «*капиталистически-пролетарское государство*» настолько оригинально, что уже с чисто-фонетической точки зрения оно в состоянии прослыть за чудо. Даже сам злополучный автор новейшей теории «разделения власти» не в силах его произнести, выпуская измышленное им самим «буржуазно-пролетарское» государство под менее шокирующими ухо псевдонимами: либо под застарелым термином «народная республика», либо под более изящной кличкой «функциональная демократия». Подобная словесная маскировка, конечно, только усиливает комизм положения Бауэра, ибо, из его бедной теории устраняется даже марксистская терминология. Но разрешим себе быть посмелее Бауэра, возьмем его «буржуазно-пролетарское государство» и спросим, какие конкретные, какие осязательные ручательства—мы отмечаем здесь его мистически-неуловимое «состояние равновесия»,—Бауэр предлагает в качестве свидетельства того, что данное «буржуазно-пролетарское государство», действительно, является таковым. Указание на тот социальный момент, что в данном случае делят между собой власть оба класса: буржуазия и рабочий класс, нельзя, конечно, считать конкретным признаком. Ибо никогда класс буржуазии и класс пролетариев всем своим коллективным скопом «держать власть» не могли и никогда не смогут. Остается чисто *политический* критерий: у власти—*партия* буржуазии вместе *с партией* пролетариата, по крайней мере, вместе с партией, называющей себя пролетарской. Итак, коалиционное правительство, политический блок партии, именующей себя рабочей, с буржуазией, таковы остаются единственные верховные определяющие признаки, позволяющие аттестовать данное государство переходным, «буржуазно-пролетарским». Дело в сложной проблеме государства сводится, следовательно, не к социальным функциям государственной машины, а к ее внешней партийной вывеске. Опровергать дальше такую умо-

рительную «коалиционную» «модификацию» «общей теоремы» бедного Маркса совершенно излишне: и теоретическая глубина его и политическая тенденция сами говорят за себя. Не без ехидства выявил у этой теории как ее социологический эквивалент, так и «персональную» подпочву для нее у Бауэра проф. Кельзен. Посудите сами, заметил Кельзен, разве гоже для Отто Бауэра подходить к правительству, в котором он сам заседал в качестве министра с меркой Марксовой «общей теоремы» и считать себя действительным членом «исполнительного комитета по делам буржуазного класса»? Поистине «индивидуализирующая модификация», здесь по-человечески извинительна, а дряхлая гипотеза «народной республики» здесь тоже как нельзя более кстати. Основной ляпсус Бауэровской концепции очевиден. Политический туман застилает в ней подлинную расстановку социально-классовых сил, реальное экономическое ядро проблемы. Горе Бауэра в том, что плененный фетишизмом политических оболочек, он не в силах даже подойти по-марксистски к существу вопроса о государстве.

Какой марксистский критерий должен лежать в основе нашей оценки данной государственной системы? Конечно, критерий общественно-производственный. Господствующий тип производственных, в первую голову *классовых*, отношений и функциональная связь госаппарата с этими отношениями—вот что в действительности является конституирующим признаком. Данное государство—*буржуазное* потому, что государственная власть в нем служит орудием активной поддержки, укрепления и расширения капиталистических производственных отношений, особым гигантским надэкономическим (а порой срастающимся с экономикой) механизмом расширенного воспроизводства буржуазной системы в целом. Наоборот: данное государство—*пролетарское*, диктатура пролетариата, потому что правительственный аппарат в нем функционирует, как могучий рычаг революционной трансформации социально-экономических связей, как надэкономический инструмент расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений. Под таким углом зрения Бауэровская гипотеза буржуазно-пролетарского государства — чистейшее противоречие: государство, несущее одновременно диаметрально-противоположные функции, государство, с одной стороны, активно воспроизводящее капитализм, а с другой—также активно воспроизводящее социализм,—такая потусторонняя «антиномия» явно нелепа, а, значит, химерой является Бауэровское переходное буржуазно-пролетарское государство. Бледный метод исторической аналогии, которым Бауэр пользуется для обоснования этой химеры, несостоятелен от начала до конца. Из того, что возможно было когда-то «переходное» буржуазно-помещичье государство, возможность существования *буржуазно-пролетарского* государства отнюдь еще не вытекает. Буржуазно-феодальная государственная организация была организацией насилия блока двух *эксплоатирующих*, экономически сожительствующих классов,—в этом состоял ее социально-исторический raison d'être (смысл существования). Но государству буржуазно-пролетарскому—такому волшебному «аппарату», который разом служил бы и богу и черту, и как орудие эксплоатации эксплоатируемых, и как средство насилия над эксплоататорами во славу эксплоатируемых—такому чудодейственному «аппарату» нет места на нашей грешной земле. Это лишь праздная и бесцветная игра слов. По существу же выходит, что для

квалификации изобретенного им государства, как «переходного», у Бауэра ничего другого, кроме чисто внешне-политического, так сказать, чисто «министерского» признака нет.

Но что на одном политическом, оторванном от социально-классового базиса, моменте при анализе проблемы государства далеко не уедешь, за это ручаются головой элементарнейшие факты недавней интернациональной политической жизни. Ведь если о социальной природе государственной власти данной страны без всяких оговорок непосредственно умозаключать от партийного декорума правящего кабинета, то неизбежно придется признать, например, макдональдовскую Англию «пролетарским государством»: рабочая партия у власти, и сама персона Макдональда разве не является для этого «достаточным основанием»? Однако преподносить Англию в качестве образчика пролетарского государства—это чересчур зазорно даже для Отто Бауэра. И Бауэр пытается выпутаться из положения, вспоминая в порыве непоследовательности об определяющей роли социально-классового начала и бросая в примечании такую звучащую «по-марксистски» фразу: «нельзя смешивать с о ц и а л ь н о г о состояния равновесия классовых сил с его п о л и т и ч е с к о й формой выражения». В Англии эпохи Макдональда «политическая форма выражения» дана социалистическим правительством, тогда как социальную суть английского государства следует обозначать, как некоторое «равновесие сил», а поэтому макдональдовской Англии Бауэр милостиво разрешает довольствоваться ролью «переходного» пролетарски-буржуазного государства. Почему, однако, в макдональдовской Англии он усматривал «состояние равновесия»—читателю неизвестно, если не считать глухого намека на то, что «рабочим» министрам Великобритании, не располагавшим своим большинством в парламенте, приходилось считаться с требованиями либеральной и консервативной партий. Но так как «равновесие» между правящим кабинетом и партиями в парламенте может быть опять-таки только «политической формой выражения», но не самим «состоянием равновесия классовых сил», то последнее вновь улетучивается от нас, как лучезарный фантом. О социально-классовой природе английского государства судить нужно, в первую голову, по его социально-экономической физиономии и по решающим тенденциям его внутренней и иностранной политики. А так как недавние «рабочие» машинисты английского государства двигали его согласно славным традициям своих буржуазных предшественников по тем же самым империалистическим рельсам,—то «рабочая» государственная власть в Англии оставалась типично-капиталистической.

Таким образом мы воочию убедились, как печально обстоит дело с бауэровской теорией государства в том варианте ее, где трактуется переходная государственная организация, как система «разделения власти» между буржуазией и пролетариатом. Что касается другого «надклассового» варианта его теории, то за его исторической давностью подвергать его в тысячу первый раз критическому обстрелу мы считаем трудом крайне непроизводительным. Единственно, на чем интересно несколько остановиться, что носит на себе некоторый отпечаток свежести и теоретической «оригинальности»,—это социологическая трактовка современного фашизма, которую пытается развить Отто Бауэр. По мнению Бауэра, фашизм представляет собой простую реставрацию бонапартизма 1851 года и только. «Фашизм—это не диктатура буржуазии», думает Бауэр, но он—политическое господство особой диктаторской касты, при чем путь к такому господству расчищает опять-таки не что иное, как парализующее политическую мощь враждующих классов, томительное «состояние равновесия». Чудо надклассовой фашистской диктатуры рождается из такой своеобразной социально-классовой установки, при которой силы борющихся классов, по непреложным законам социальной алгебры Отто Бауэра, взаимно уничтожаются.

Что можно сказать по поводу Бауэровской теории фашизма—раньше всего по поводу отождествления фашизма с бонапартизмом? Разумеется, такое отождествление, как бы удобно и соблазнительно оно ни было, страдает непозволительным упрощенством. В самом деле, не нужно владеть даром большой теоретической прозорливости, чтобы между фашизмом и бонапартизмом 1851 г. узреть дистанцию огромного размера. Бонапартизм может быть составным элементом фашизма, и какой-нибудь политический выскочка стиля Наполеона Малого как нельзя более подходит в качестве венца фашистского творения. Но одним только бонапартизмом, но одним «гороховым шутом» во главе страны — исчерпать фашизм невозможно. Природа современного фашизма и социально и исторически слишком специфична, чтобы быть отмеченной по обветшалой рубрике бонапартизма. Напомним для начала, что фашизм вовсе не национально-итальянское явление. Марка «made in Italy (сделано в Италии)» не годится с тех пор, как фашизм перешагнул границы своей родины. И теперь черный призрак фашизма бродит повсюду. Масштаб фашизма теперь если не мировой, то, по крайней мере, всеевропейский. Даже в обетованную Австрию залетели уже первые ласточки фашизма. Фашизм вполне законное дитя послевоенной эпохи, настолько законное, что все особенности его начисто, без остатка разлагаются на особенности эпохи. Решающей чертой переживаемой эпохи являются небывалое обострение процессов распада, деградации и кризисов, разъедающих империалистический капитализм во всех порах его бытия. Из этих процессов и вырастает фашизм, рождается из этих непрерывно сотрясающих капитализм кризисов, как феникс из пепла. Разве не ясно всякому, что фашизм является продуктом исторически неслыханного, ползучего и неугомонного к р и з и с а парламентаризма? Хроническая импотенция современных парламентов действует, как призывный сигнал к фашистской диктатуре. Разве не ясно далее, что фашизм с другой стороны продукт единственного в своем роде раскола в мировом рабочем и социалистическом движении, который открылся с начала войны? Разве не является фашизм продуктом разложения и краха социал-демократии, разве по отношению к этому краху фашизм не служит постоянно «сопутствующим процессом»? А массовая и, следовательно, материальная сила фашизма разве не черпается из того обстоятельства, что переживаемый период принес с собой величайшее дискредитирование социал-демократии в глазах масс? Только для Бауэра, в олимпийском «равновесии», свысока третирующего всякую разницу в историческом контексте, достаточно заявления, что фашизм—это бонапартизм... и баста. Ведь если при слабости французского пролетариата в 1851 г., при отсутствии массовых организаций, Наполеону во главе с десятком тысяч «алчущих сосисок» хулиганов можно было на спине ворчащего французского крестьянина въехать в королевский дворец, то совре-

менному фашистскому Бонапарту нужно нечто большее. Нужна измена социал-демократии, обрекающая на бессилие рабочий класс, нужна неподготовленность компартии, нужна самостоятельная **массовая** фашистская организация, нужен для этой цели временный классовый маскарад фашистской партии, нужно временное антикапиталистическое лицемерие и много других вещей, о которых никому не могло даже сниться в 1851 г. «**Фашизм** не есть диктатура буржуазии», берется утверждать Бауэр. В действительности, фашизм, конечно, диктатура буржуазии, самая модная форма буржуазной диктатуры. Нелепо было бы думать, что существует одна какая-то метафизически-непременная форма диктатуры буржуазии. Вариации, «модификации» тут мыслимы и неизбежны. Ведь сам Бауэр признался нам, что «политическая форма выражения» и «социальная» сущность не могут быть идентичными. Под ширмой ли Носке, под ширмой ли Муссолини, буржуазия одинаково успешно в состоянии отправлять все функции своей диктатуры. Буржуазия достаточно умна, чтобы не брезговать массовыми механизмами политического влияния. В XX веке, веке массовых организаций, нельзя сделать большого политического дела, не ведя «счета миллионами». И если история стала разрывать традиционные социал-демократические сети, если отсталый пролетарий или мелко-буржуазный попутчик уже в них не попадают, то буржуазный рыбак бросает их прочь и закидывает новые, на-спех сплетенные, фашистские сети. Лишь бы спастись от угрожающей лавины коммунизма, а каким путем, при помощи каких организаций массового растления удастся водрузить знамя буржуазной диктатуры—это принципиальной роли для капитализма играть не может! Поэтому, вопреки Бауэру, фашизм—это буржуазная диктатура, это специфическая историческая форма диктатуры буржуазии. Для Бауэра, полностью игнорирующего историческое своеобразие анализируемого явления, все то, исторически новое, что заложено в фашизме попросту не существует. Фашизм—это лишь бонапартизм! Больше ничего не хочет слышать, не хочет чувствовать запрятавшийся в своей тихой австрийской будке Отто Бауэр. Его глаза направлены в прошлое, для него фашизм—это бонапартизм, ему история показывает только свое a posteriori точно так же, как она когда-то показывала свое a posteriori тем глашатаям исторической школы права, которых с таким уничтожающим сарказмом бичевал Карл Маркс.

Над тезисом, в котором фашизм изображается, как надклассовый продукт состояния классового равновесия, сам Бауэр произносит смертный приговор неожиданным сопоставлением фашизма и большевизма. Вот, как выглядит этот перл Бауэровских построений:

«Большевизм в России,—вещает Бауэр,—бывший вначале диктатурой пролетариата, стал под давлением экономической необходимости кое-чем совершенно другим. Он теперь, **совершенно аналогично фашизму**, представляет собой диктатуру стоящей над классами правящей касты, которая в своей практике должна взаимно балансировать (ausbalancieren) классовые интересы рабочих, крестьян и нэпманов, новой буржуазии; устойчивость ее господства покоится на том, что ни один из этих трех классов не в состоянии отнять у нее власть, которая есть выражение равновесия сил между этими тремя классами».

Очень легко убедиться, что этот лживый и чудовищный тезис Бауэра прямым путем приводит его к теоретическому самоубийству. Согласимся на минуту, что утверждение Бауэра правильно. Будем апеллировать только к последовательности. Если и фашистская, и большевистская диктатура—надклассовая власть, покоящаяся на равновесии классовых сил, то одно из двух:

Или фашизм и большевизм социально—а это основное—тождественны, и между ними, следовательно, нет никакой разницы; но тогда предстанет, как непостижимая тайна, то, что в качестве элементарнейшей аксиомы известно самому захудалому буржуазному репортеру: то, что современная международная политика не знает антиподов больших, нежели фашизм и большевизм, то, что фашисты и коммунисты бьются смертным боем, то, что они режут друг друга ножами и т. п. Все эти великие тривиальности «текущего момента» неумолимо встанут перед Бауэром в форме сводящей с ума квадратуры круга и будут тщетно дожидаться своего разрешения. Теория Бауэра сохранит тогда свою целомудренную незыблемость, но ее печальным девизом станет: «тем хуже для фактов».

Или же фашизм и большевизм не одно и то же, между ними есть какое-то принципиальное социально-классовое различие. Но в таком случае, позволительно спросить, чем характеризуется это различие. Ответ ясен. Даже отвлекаясь от колоссальной разницы формально-политического свойства, совершенно отчетливо видно различие социальное. И большевизм и фашизм—бесспорная и беспощадная диктатура. Но **социально-классовый знаменатель**, лежащий под обеими формами диктатуры, диаметрально противоположен: большевизм—диктатура пролетариата, фашизм—диктатура буржуазии. Вот и все. Но с признанием этого теория Бауэра рушится, как карточный домик.

Таковы результаты нашей критики учения Бауэра о государстве. Мы убедились воочию, что марксизм для Бауэра теперь навеки «пропавшая грамота». И стоит ли нам после этого удивляться, что Бауэр в паническом трепете отшатывается от того подлинно марксистского учения о государстве и революции, которое дал нам тов. Ленин, что гениальную работу его о государстве он считает «вводящей в заблуждение брошюрой» [1]), что в доказательство он взывает к авторитету самого... Мартова. Быть «вульгарным» марксистом он не желает, он хочет быть только марксистом в лучшем социал-демократическом смысле этого слова. Суб'ективно он склонен полагать, что держит в руках верный компас для своего «государственного творчества»—испытанный марксистский метод: судорожно «цитирует» он еще Маркса и уверяет нас, что он потому лишь «по-марксистски» дальше «развивает» Маркса, что его «история» австрийской революции познала такие факты, каких не мог еще иметь Маркс». «История повторяется» на этот раз по схеме великого флорентинца. Путь в ревизионистский ад вымощен самыми благими марксистскими пожеланиями [2]).

---

[1]) Кстати сказать, она «ввела в заблуждение» не только проф. Кельзена, но и просвещенного венского приятеля Бауэра, Макса Адлера.

[2]) Последовательная сдача марксистских позиций Бауэром проявляется не только в его учении о государстве. Оппортунизм его проникает и по другим теоретическим каналам. Весьма показателен «пересмотр» им аграрного вопроса. Пишущему эти строки вспоминается один из докладов Бауэра, читанный им в Вене. В этом докладе, посвященном аграрной проблеме и аграрной политике

Всякая политическая теория ведет к соответствующей практически-тактической установке. Оппортунизму в сфере теории соответствует оппортунизм в сфере программно-тактической, вернее говоря, теория лишь поспевает за практикой. И Бауэр не составляет никакого исключения. Политическую программу действий для австрийского пролетариата Бауэр начертал в одной популярной брошюре, носящей незаслуженно боевое название «Борьба за власть» (Der Kampf um die Macht). В маленьких разделах с характерными заголовками: «демократия и вооруженная сила», «избирательная записка или гражданская война», Бауэр нагляднейшим образом стремится показать австрийскому пролетариату, что власть его не за горами. Рабочий класс Австрии придет к власти, конечно, не посредством вооруженного восстания, а мирным эволюционным путем последовательных избирательных побед. Проникнутый безграничной верой в чудеса парламентской алхимии, Бауэр доказывает свою мысль, так сказать, строго математически. Не откажем себе в удовольствии привести это место.

О чем говорит Бауэру избирательная арифметика последних лет. На выборах в австрийский парламент в 1923 г. эс-деки получили 1.300.000 голосов, партия христианских социалистов (господствующая в Австрии буржуазная партия)—1.500.000 голосов, остальные партии—400.000. «Буржуазные партии вместе получили на 600.000 голосов больше, чем мы. Если нам удастся вырвать у буржуазных партий 320.000 голосов и перетянуть их к себе, то мы будем располагать большинством в парламенте и править Австрией». Ничего, конечно, невозможного под луной нет. Только Бауэр делает хорошую мину при плохой игре. Как будто ему не известно, что в Австрии парламент «царствует, но не управляет». Как будто он не знает, что «правит» Австрией Лига Наций. Но что
Как-будто он не знает, что «правит» Австрией Лига Наций. Но что делать, гипноз избирательной урны настолько держит его в плену, что он лишь беспрестанно повторяет: «цифры доказывают нам, что с помощью избирательной записки мы скоро получим большинство в республике и захватим власть» (там же, стр. 25). Все это буквально написано у Бауэра, у того самого Отто Бауэра, который до сих пор пользуется репутацией левого из левых вожаков II Интернационала. Только что представленный Бауэром «язык цифр» обусловливает и тот основной тактический лозунг, который он бросает своей партии. Раз не достает голосов, их надо добыть, а так как в Австрии пролетариата, чисто физически, численно больше взять неоткуда, то все силы партии следует мобилизовать на генеральную охоту за голосами «Mitläufer'ов» (попутчиков)— всевозможных служащих, чиновников, интеллигенции, мелких ремесленников и крестьянства (стр. 21—24).

Бауэр делает ряд уступок ревизионизму. Обозревая ретроспективно нашумевшую когда-то теоретическую схватку между Каутским и Давидом, Бауэр не находит в ней победителя и истину усматривает где-то посередине. Ни крупному, ни мелкому землевладению нельзя присваивать, по мнению Бауэра, экономического превосходства: конкурентные шансы обеих экономических форм на мировом рынке равнозначны, а потому можно говорить лишь об их параллельном мирном экономическом сожительстве.

Кстати, Бауэр не мало позабавил тогда свою аудиторию следующим трюком «исторического материализма». Учение Маркса о концентрации капитализма в земледелии было отражением его эпохи и конструировано им на основе исторического анализа английского землевладения. Но повинными в крупном характере сельского хозяйства в Англии Бауэр в «последнем счете» делает... климат, несносные атлантические ветры и др. моменты, форсировавшие развитие крупного лугового хозяйства и вызвавшие таким путем досадную научную ошибку у Маркса. Как видим, даже английские ветры, дувшие сотни лет назад, оказываются в состоянии причинить «в последнем счете» оппортунистический сквозняк в голове Отто Бауэра.

Ничего сколько-нибудь нового в этих арифметических развлечениях Отто Бауэра, само собой понятно, нет: архаический постулат пифагорейцев: «мир есть число», давным-давно уже влился в идейный сосуд парламентарствующей социал-демократии. Но крайне любопытно и совершенно необычно еще в практике международной социал-демократической фальсификации то, что в качестве самого увесистого аргумента в пользу оппортунистической тактики Бауэр ухитрился сделать одну из кардинальнейших идей ленинизма, идею союза пролетариата с крестьянством. История мирового социал-предательства знала до сих пор лишь искажение марксизма,—«великий почин» Бауэра в том, что он открыл начало эпохи оппортунистического извращения ленинизма. Уже из известных даже в Советской России интересных статей в венской «Рабочей газете», написанных после смерти Владимира Ильича, явствует, какое сильное впечатление произвело на Бауэра учение о союзе пролетариата с крестьянством. В брошюре «Der Kampf um die Macht» Бауэр вновь возвращается к этому вопросу, делает ссылку на «Историю нашей партии» тов. Зиновьева, в которой последний называет мысль о рабоче-крестьянском блоке «оригинальным открытием Ленина», предлагает австрийским эс-декам привлекать крестьянские массы «к активному сотрудничеству с пролетариатом» (стр. 23), или, конкретнее говоря, к усиленному вывариванию крестьянских голов в избирательном котле австрийской социал-демократии. Такой карикатурой выглядит знаменитая ленинская «смычка» в самом свежем венском издании! Великий завет пламенного революционного борца наш оппортунистический маэстро с помощью пошлого софизма разменивает на фальшивую монету прогнившего парламентского кретинизма. Ленин учил не о том союзе с крестьянством, о котором приятно грезить трусливым лидерам Второго Интернационала. Ленин учил о революционном союзе пролетариев города с тружениками деревни, о союзе, направленном к захвату власти и к активному социалистическому строительству на другой день после социальной революции. Ленинская «смычка» — источник несокрушимой энергии, взрывающей на воздух все капиталистическое общество. Бауэровская «смычка»— это только источник парламентской немощи и злокачественная пилюля для мелко-буржуазного перерождения его партии.

Если, таким образом, на австрийский лад извращена одна из центральных идей большевизма, если усилиями Бауэра тов. Ленин превращен в безобидного парламентского погонщика мелко-буржуазных попутчиков, с законным правом можно ожидать, что и весь большевизм в целом, его идейно-политическая и историческая сущность станут жертвой какой-нибудь аналогичной теоретической фальсификации.

Действительно, о большевизме рабочие Австрии получают из уст социал-демократических пропагандистов весьма оригинальное представление. Так как отношение социал-демократических рабочих к российскому большевизму не только доброжелательное, но даже сплошь и рядом можно наблюдать среди них настоящий пиетет перед Советской Россией, то тактику откровенной лобовой атаки, тактику сплошного затравливания, которая с такой

нудной безвкусицей культивируется, например, немецким «Vorwärts'ом»—«левые» бонзы австрийского меньшевизма считают для себя неприемлемой. Их антикоммунистическая стратегия разработана несколько более замысловато. Открытой бомбардировке они предпочитают незаметный подкоп и политику тайных засад. Соответственно особенностям «своего» рабочего движения они формулируют «проблему» так, чтобы, не отрицая огульно большевизма, его фактически обезвредить. И пальма первенства в решении этой «проблемы» принадлежит, конечно, опять-таки Бауэру. Уже в 1920 г. он пустил в оборот социологическую схему, с тех пор ставшую обычной в арсенале антикоммунистических доводов венского социал-демократического пропагандиста. Детальному обоснованию этой схемы посвящена целая работа «Большевизм и социал-демократия», в которой после утомительных исторических изысканий, начиная с реформы в 1861 г., экономических корней большевизма, Бауэр приходит к следующему результату.

Да, большевизм, действительно, диктатура геройского пролетариата в России, да, ему следует воздать должную дань уважения и восхищения со стороны пролетариата Западной Европы. Но это не мешает большевизму иметь под собой совсем особую об'ективную социально-историческую пружину, делающую его непохожим на западно-европейский социализм, а его специфические методы решительно непригодными и бессмысленными для пролетариата европейских стран. Огромное море крестьянской стихии, в котором лавирует большевистская диктатура, относительная малочисленность российского пролетариата, отсутствие исторической школы демократического парламентаризма, культурная отсталость и политическая индиферентность широчайших масс населения, внедренная столетиями царистского произвола,—все это фатально и исторически неизбежно навязало большевизму его методы политического насилия и вылепило из него революционную антитезу царского режима. Рабочий класс Западной Европы, шедший другими историческими путями и находящийся в иных социально-политических комбинациях, для решения тех задач, которые ставит большевизм,—располагает и не может не располагать принципиально другими политическими средствами. Методам этим его обучала и учит сейчас европейская социал-демократия. Таким образом и большевистские волки могут быть сыты, и меньшевистские овцы целы. Между большевизмом и социал-демократией исторически предопределен, так сказать, территориальный компромисс, отдающий большевизму Восток, социал-демократии—Запад, а венским рабочим—Отто Бауэра. Платонический реверанс в сторону большевизма иногда может служить хорошую службу для подкрепления реального меньшевистского влияния в массах [1]).

---

[1]) Читатель помнит, конечно, что выше, сообразно своей новой теории государства, Бауэр давал большевизму иную трактовку, не стесняясь приравнивать его к фашизму. Об'ясняется это тем, что только что изложенную характеристику Бауэр давал в 1920 г., тогда как «теория равновесия» окончательно сформировалась в 1923—1924 г. г. Впрочем, не лишено интереса, что буквально в одно и то же время (в конце зимы прошлого года), когда в академическом «Кампф'е» в цитированной статье против Кельзена Бауэр отрицал за большевизмом свойство диктатуры пролетариата,—в популярной «Der Kampf um die Macht», в десятках тысяч экземпляров б е с п л а т н о распространяемой среди рабочих Австрии, Бауэр по-прежнему называет большевизм диктатурой пролетариата. «Двойная бухгалтерия» заурядного политиканского пошиба, повидимому, не совсем чужда Отто Бауэру.

Однако, младенцу должно быть ясно, что Бауэровский «исторический материализм» хромает в данном вопросе, по меньшей мере, на все четыре ноги. Поистине теперь нужно притворяться слепым, чтобы не видеть, что большевизм давненько уже перешагнул ту восточно-азиатскую черту оседлости, которую с такой предусмотрительной любезностью отвели ему венские теоретики.

Сам Отто Бауэр, когда ему при случае приходится касаться успехов коммунизма в отнюдь не «мужицкой» Германии, приходит лишь в сердито-поэтический экстаз, начинает издеваться над утопической «романтикой слева», великодушно прощает германской социал-демократии «ошибки», которые она, «быть может, совершила», и заявляет под конец, что он продолжает «верить» в ее «будущее». Все это хорошо, пусть будет так, хотя здесь «историческим материализмом» не пахнет, но куда же девалась несчастная «схема», спросит недоумевающий читатель. Ларчик открывается просто: «схема» предназначается лишь для внутреннего потребления, и ее роль в том, чтобы ловким маневром отвести притягательную силу Советской звезды в среде австрийских рабочих.

Можно было бы, конечно, пожелать более детального обзора и критики всех тех оппортунистических документов, которые вышли из-под пера Бауэра за время последних лет: для критического заострения нашего идейного марксистского оружия это могло бы принести не малую пользу. В этой статье мы не задавались целью развернутого критического изложения «бауэриады» по пунктам. Однако, после того, как мы воочию убедились в скандальной капитуляции главного теоретика австрийской социал-демократии по самым основным проблемам классов и государственной власти, мы с полной точностью можем судить о глубине той трясины, в которой безнадежно увяз современный австро-марксизм.

А. Рязанова.

К вопросу о женском труде[1]).

I.

Война внесла коренное изменение, втянув женщину во все отрасли труда, она показала, что созданное, отчасти в силу старых традиций, воспитания, разделение труда между мужчиной и женщиной не является необходимостью, не вызвано природными особенностями, т.-е. не зависит от соотношения физических сил женщины и мужчины.

Но в то же время надо признать, что создавшееся во время войны соотношение между мужским и женским трудом не является еще окончательно установившимся.

Возникает ряд вопросов: изменилось ли положение трудящейся женщины при наступлении «нормального» времени, при наступлении новой «передышки» для капиталистического общества? В каких новых отраслях промышленности укрепилась женская рабочая сила и в каких новых профессиях может работница найти приложение для своего труда?

Если и «нормальное» время «естественный» рост капитализма сопровождается ростом резервной армии труда, которой капитализм не в состоянии обеспечивать средства к существованию, то тем меньше возможности предоставить работу этой колоссальной армии трудящихся, созданной в такой короткий период времени.

Женская рабочая сила могла найти такое широкое применение во время войны только в силу того, что с отливом многочисленных рабочих в действующую армию освободилось много мест на фабриках и заводах, только в силу того, что открылись новые специально военные отрасли промышленности.

Во всех отчетах фабричной инспекции, как в Англии, так и в Германии, одинаково отмечается, что женщины в настоящее время в общем работают в тех же отраслях промышленности, в каких работали до войны. Все те методы, которые применялись во время войны для облегчения доступа неквалифицированной рабочей силы во все отрасли промышленности, за небольшими исключениями, отменяются. Предприниматели нашли, что все те приемы, которые они пускали в ход во время войны, когда вместо одного квалифицированного рабочего оставили группы работниц, для них невыгодны. И выталкивают работницу не только потому, что надо дать место мужчине, но еще и потому, что военный метод, приведший к сильному увеличению штатов, при нормальных условиях невыгоден, и организация производства начинает принимать новую форму. Ибо при сокращении производства предприниматель обыкновенно прежде всего отпускает менее искусных, менее квалифицированных рабочих, а при расширении работ он старается подобрать наиболее квалифицированную рабочую силу. Такая тактика не исключает, конечно, и того, что в иных случаях, в целях понижения заработной платы, предприниматели применяют как раз обратный метод и пользуются менее квалифицированной рабочей силой, чтобы сбить, таким образом, заработную плату высококвалифицированных рабочих, но во всех этих случаях положение женского труда неустойчиво.

[1]) В порядке постановки вопроса.

«Женщины вернулись в женские отрасли промышленности,— отмечает отчет английской фабричной инспекции за 1923 год,—и только небольшая часть работниц прибавилась в тех профессиях из мужских отраслей труда, в которых исследования довоенного времени установили их пригодность к данным профессиям»... В текстильной промышленности увеличилось число присучальщиц на бумагопрядильных фабриках... В металлической промышленности некоторая часть женщин работает на токарных и сверлильных станках... увеличилось число женщин на производстве мелких вещей: гвоздей, гаек, булавок, перьев и т. д. в тех районах, где раньше женский труд не применялся и т. д. [1]).

В Англии общее число рабочих и служащих по сравнению с довоенным временем, ввиду безработицы, сильно сократилось с 13.886.000 в июле 1914 г. до 11.750.450 к январю 1923 г. Если причитать и сельско-хозяйственных рабочих, которые не вошли в последнюю цифру, то и тогда численность рабочего класса уменьшилась более, чем на 1 мил. человек. Но в то время, как число мужчин уменьшилось на 2.068.000, количество женщин уменьшилось только на 67.580; разница была бы немногим меньше, если присчитать сельско-хозяйственных рабочих, среди которых женщины составляют незначительный процент.

Но в промышленности, исключая земледелие, транспорт, торговлю и служащих всякого рода, общее число рабочих уменьшилось с 8.481.000 до 8.380.071, при чем число женщин даже увеличилось с 2.179.000 до 2.231.600, т.-е. на 52.600.

Рассматривая участие женщин в разных отраслях промышленности, мы видим «продвижение» работниц во все отрасли труда, небольшое увеличение их числа сравнительно с довоенным временем в некоторых мужских отраслях промышленности, как металлообрабатывающей промышленности, в которой число женщин увеличилось на 27.000 (с 170.000 до 197.460), а число мужчин—на 401.600; в химической число работниц увеличилось на 25.400 (с 40.000 до 65.400), а число рабочих на 16.500 (с 159.000 до 175.500). В полиграфической и бумажной промышленности число мужчин уменьшилось на 64.200 (с 261.000 до 196.890), а число женщин—на 7.260 (с 148.000 до 140.740); в деревообделочной промышленности, при уменьшении числа рабочих на 76.000 (с 258.000 до 182.400), число работниц уменьшилось на 5.000 (с 44.000 до 39.000); в строительной промышленности число рабочих уменьшилось на 45.400 (с 920.000 до 874.590), а число женщин—на 380 (с 7.000 до 6.620); в горном деле количество женщин увеличилось с 7.000 до 10.730.

Мы видим, что из «мужских» отраслей промышленности женский труд все более укрепляется в одной только металлообрабатывающей промышленности, где число женщин хотя увеличилось только в незначительной степени, но где они составляют довольно компактную группу. Правда, и тут женщины пока-что играют

[1]) См. Rep. of Insp. of Fact. and workshops for the Jear 1923, p. 44—47.

сравнительно небольшую роль, не только в виду разделения труда между мужчиной и женщиной в этих отраслях производства, но и количественно по отношению ко всей массе рабочих.

В то же время заметна еще большая «стабилизация» женского труда в текстильной промышленности, в которой уменьшение общего числа рабочих (с 1.488.000 до 1.349.000) шло почти исключительно за счет мужского труда: численность мужчин понизилась с 625.000 до 525.560, т.-е. на 99.440, а число работниц—с 843.000 до 823.460, т.-е. меньше, чем на 20.000; кроме того, количество женщин возросло за счет мужского труда в пищевой промышленности и почти среди всех категорий служащих, где при уменьшении числа мужчин заметен рост женского труда.

В Германии, по данным больничных касс, к 1-му апреля 1925 г. из 12.965.312 человек обязательно застрахованных в 5.444 кассах, исключая безработных и неработоспособных больных, было 8.447.429 мужчин и 4.517.883 женщины.

Численность рабочих крупной промышленности с 6.141.583 в 1913 г. повысилась до 6.196.433 в 1922 г., т.-е. на 54.850 человек, а количество женщин за этот же период повысилось на 427.051 (с 1.592.138 до 2.019.189)[1]. Если принять численность мужчин и женщин в 1913 году за 100, то количество первых достигло всего 100,9%, а последних—126,8.

В отличие от Англии, в Германии замечается сильный рост женского труда в металлопромышленности, где число женщин увеличилось вдвое—с 173.806 в 1913 г. до 340.000 в 1922 г., но по отношению к общему числу рабочих, они играют несколько большую роль в металлообрабатывающей промышленности, в которой в 1913 году было 94.173 женщин и 585.934 мужчин, а 1922 г.—662.000 мужчин и 165.333 женщины. В машиностроительной промышленности число женщин увеличилось в два раза, но на 1.469.760 мужчин приходится всего 184.590 женщин. В 1913 году на 1.000 работающих приходилось 932 мужчин и 68 женщин в машиностроительных предприятиях и 862 мужчин и 138 женщин в металлообрабатывающей промышленности, а в 1922 г. соответственные цифры составляли 889 мужчин и 111 женщин в первой из этих отраслей и 199 женщин и 801 мужч. во второй.

В химической промышленности количество женщин повысилось с 29.730 до 53.360. В 1913 году на 1.000 работающих приходилось 836 мужчин и 164 женщины, а в 1922 г.—812 мужч. и 188 женщин.

В кожевенной промышленности число работниц повысилось с 24.158 до 45.010, т.-е. почти в два раза, при чем на 1.000 работающих в 1913 году было 199 женщин и 801 мужч., а в 1922 году женщины составляли 293 на тысячу.

В полиграфическом производстве численность женщин с 50.624 повысилась до 64.041, при чем в 1913 году на 1.000 работающих приходилось 749 мужчин и 251 женщина, а в 1922 г. женщин на тысячу приходится 332, а мужчин 678.

В текстильной промышленности число мужчин понизилось на 79.481 (с 436.532 в 1913 г. до 357.051 в 1922 г.), а число женщин повысилось с 520.769 до 573.359, т.-е. на 52.590 человек. До войны на

[1]) Данные относительно Германии собраны тов. Ангарским по неопубликованным материалам. См. „Рабочий класс в Германии в послевоенные годы". Изд. Мосполиграф. 1924 г.

тысячу рабочих текстильщиков приходилось 455 мужчин и 545 женщин, а в 1922 г. число женщин повысилось до 617, а количество мужчин понизилось до 383.

Хотя данные по Германии и Англии не являются еще точными показателями для «стабилизационного» периода, ибо в 1923 г. в Англии свирепствовала и сейчас еще продолжается сильная безработица, а 1922 год для Германии является годом дутого расцвета промышленности, связанного с низкой валютой, все же эти цифры дают нам точку опоры для выяснения интересующего нас вопроса.

Вся выходящая в Германии литература по вопросам женского труда считает, что участие женщин в «мужских» отраслях промышленности в качестве «квалифицированной» рабочей силы в общем было только временным явлением.

Характерной в этом отношении работой является книга д-ра Гильды Радомской «Frauenberufe» (Женские профессии). Она ставит себе задачей помочь женской молодежи в выборе профессии. И почти все рекомендуемые ею профессии являются «женскими профессиями», ибо, как говорит Радомская, «несмотря на всяческие технические и персональные препятствия, которые стояли на этом пути, значительному количеству женщин удалось занять квалифицированные должности как в тех отраслях промышленности, где они раньше работали в качестве вспомогательной рабочей силы, так и в тех, где женщина до войны не работала. Но в большинстве случаев это было только временным явлением; по окончании войны, женщинам отчасти добровольно, отчасти по принуждению, но пришлось оставить эти места[1]).

В России численность рабочих по всей промышленности понизилась в сравнении с 1913 годом с 2.700.000 до 1.711.900 в июле 1924 г., но во всех отраслях промышленности (исключение составляет только химическое производство и обработка животных продуктов), как показывает нижеследующая таблица, заметен рост женского труда по отношению к мужскому:

Табл. № 1.

	Наименование производств.	На сто рабочих приходилось женщин			
		на 1/I 1914 г.	на 1/I 1917 г.	на 1/I 1924 г.	на 1/VII 1924 г.
1	Обработка хлопка	56,6	70,4	59,0	58,3
2	„ шерсти	41,8	51,0	47,6	47,0
3	„ шелка	67,7	69,4	68,5	72,6
4	„ льна, пеньки и джута	54,6	65.5	58,6	58,9
5	Смешан. производства по обработке волокн. веществ	58,5	—	60,5	—
6	Производство бумаги и полиграф. производство	23,5	38,3	24,8	23,8
7	Механическая обработка дерева	0,1	19,0	14,9	14,9
8	Обработка металла	1,2	18,0	10,9	9,9
9	„ минеральн. веществ	18,3	—	24,5	?
10	„ животн. продукт.	17,4	—	16,0	?
11	„ пищевых и вкусовых веществ	21,9	36,6	22,9	24,6
12	Химическое производство	37,1	40,0	29,8	27,0

[1]) Dr. Hilde Radomski, Frauenberufe, Dünnhaupts Studien und Berufs Führer, Dessau 1923, стр. 18.

А согласно переписи городского населения 1923 г., «нет ни одного класса занятий в группе рабочих, где женщины не имели бы хотя бы единичных представителей, они встречаются даже в таких специфических мужских профессиях, как забойщики (19 женщин и 4.576 мужчин) или мясники (бойцы и резаки). Волна женщин, заполнявших все профессии во время войны, несколько отхлынула, но далеко не все вернулось в прежнее состояние, а в некоторых профессиях женщины, повидимому, даже прочно завоевали себе место, напр., в рядах трамвайных кондукторов»[1]).

В этих городах насчитывалось 5.189 мужчин и 5.902 женщины—трамвайников. Из них было 1.424 мужч. и 2.473 женщин-кондукторов и 2.206 мужч. и 134 женщин-вагоновожатых.

И все же на 1.000 женщин-работниц приходится:

Табл. № 2.

	В Европейской части РСФСР	На Украине
Текстильщицы	346	22
Перемен. поден. раб.	231	551
Чернорабочие	114	155
Швеи	68	74
	759	802
Прочие занятия	241	198
	1.000	1.000

Таким образом, и у нас женщины в настоящее время в большинстве своем заняты в старых «женских» отраслях труда или же работают в новых отраслях в качестве чернорабочих и поденных рабочих: на Украине—706 человек, а в РСФСР—345 из 1.000 работниц составляют чернорабочие.

Посмотрим же, каково «качество» женского труда в тех отраслях, где женщина работает, как квалифицированная рабочая сила, и как велика доля квалифицированного женского труда в «завоеванных» ею новых отраслях промышленности.

Так же, как и в Англии, и у нас, в России, в размещении женской рабочей силы в женских отраслях труда произошло очень мало перемен. Несколько увеличилось число закройщиков у швейников, замечается некоторая передвижка в смысле увеличения количества ткачих за счет неквалифицированных работниц в текстильной отрасли промышленности. Попытка союза подготовить женщин-мастеров и подмастерьев в текстильной промышленности касается только единиц. А поскольку это при современных условиях техники будет «жизненно», насколько женщина с этой работой справится—трудно сейчас судить. Во всяком случае, это только начало. В общем же и среди молодежи в фабрично-заводских текстильных школах с продолжительностью обучения в 3—4 года за 1923—1924 г.г. число девочек-подростков значительно меньше мальчиков (1.786 мальчиков и 1.215 девочек). А в московском текстильном институте, где обучается 130 студентов, всего 13 женщин.

В металлопромышленности, которая является одной из главных «завоеванных» женщиной во время войны отраслей труда, в 1913 году женщины составляли 4,7%, в 1917—18,0, в 1921 г.—17,8, а в 1924—11.8% общего числа рабочих. Согласно данным этого союза[1]), только 11,94% из 100 женщин являются собственно рабочими по металлу (из 100 мужчин—57,7%), а остальные работают в качестве чернорабочих—78,6% (мужчины—23,4%), в качестве подсобных рабочих—9,3% (мужчины—13,2%), в качестве учеников—0,75 (мужчины—5,7%).

Женщины встречаются во всех квалифицированных профессиях, но численность их и абсолютно, и по отношению к общему числу занятых рабочих в данных профессиях ничтожна: на 1.272 инструментальщиков-мужчин приходится только 1 женщина, на 1.072 механика—2 женщины, на 2.237 кочегаров—2 женщины, на 12.580 токарей—10 женщин, на 35.628 слесарей—149 женщин, на 4.179 кузнецов—16 женщин. Это все те профессии, в которые женщины начали вовлекаться с военного времени: «основная масса работниц по металлу занята на сравнительно несложных работах: станочницы и прессовщицы составляют больше половины всего числа работниц по металлу»[2]).

Среди принятых в 1924 году учеников в фабричнс-заводские школы со сроком обучения от 3 до 5 лет, на 2.575 подростков-мальчиков было всего 202 девушки.

В полиграфическом производстве, за допущение в которое ведется такая упорная борьба со стороны женского пролетариата, женский труд за последнее время находит все большее и большее применение. У нас женщины в полиграфическом производстве (январь 1924 г.) составляют 23,4%. Но укрепилась ли женщина в квалифицированных профессиях этой отрасли промышленности?

Для разрешения этого вопроса интересно проследить участие женщин по главным профессиям этого производства. Данные, которые мы приводим, относятся к Москве и губернии, где женщины составляют 27,2% (январь 1925 г.) всех членов этого союза (28.758 человек).

Самую компактную группу (данные 1923 г.) женщины составляют в печатном отделении (993 женщ. и 2.529 мужчин или 28,2%). но зато в этом отделении женщины составляют 68,7% среди приемщиков (278 женщ. и 127 мужчин), 50,5% среди накладчиков (663 женщины и 651 мужч.), т.-е. на работах, которые не требуют ни физического напряжения, ни особой квалификации, и только 2,9% среди печатников на плоских машинах (35 женщин и 1.167 мужч.)

[1]) О. А. Квиткин, Население городов Европейской части РСФСР и Украины по главным занятиям по переписи 1923 г.,— Бюллетень Центр. Ст. Управл., № 86, 1924 г.

[1]) См. И. Гохман. Профессиональный состав ВСРМ в 1923 г. Москва 1924 г. В обследование вошло 233.364 чел.: 199.950 муж. и 33.414 женщ.; среди них чернорабочих мужчин было 50.240 т.-е. 23,4%, а женщин 21.415 т.-е. 78,6% всех женщин.

[2]) Там же, стр. 16.

и 5% среди печатников на американских машинах (9 женщин и 166 мужчин), среди печатников на ротационных машинах женщин совершенно нет.

Вторым отделением по абсолютному количеству женщин (774 женщины и 1.853 мужчины),—в процентном отношении значение женского труда здесь выше, чем в печатном отделении (29,5% против 28,2%).—является переплетная. Основную группу женщин тут составляют в брошюровочном отделении—47,7% общего числа рабочих (522 рабочих и 422 работницы), среди фальцовщиков женщины составляют 70,7%, среди мазальщиков—89% и только 9,8% среди переплетчиков (60 женщ. и 813 мужчин). В наборном отделении женщины составляют только 10,8% среди машинных и 7,3% среди ручных наборщиков и совершенно нет женщин среди метранпажей и верстальщиков, наиболее квалифицированной профессии, требующей длительного обучения, но женщины составляют 35,3% среди разборщиц и чистильщиц матриц. Единственная профессия из квалифицированных, в которой женщина составляет большинство, являются корректора и сводчики (51,8% женщин и 48,2% мужчин), но эта профессия относится уже скорее к профессиям так называемого интеллигентного труда.

В литографском отделении женщины составляют даже большинство (71,2% среди литографских приемщиков), но ни одна не работает на литографских машинах. В стереотипном отделении женщин совершенно нет, а в цинкографском они составляют единицы.

По мнению представителей союза, наборщицы представляют единственную квалифицированную категорию, которая пустила более прочные корни в данном производстве. «Остальные же—брошюровщицы, переплетчицы, печатницы, литографические и типографские—до настоящего времени своей специальностью в полном об'еме еще не овладели. В печатном отделении дальше приемщицы и накладчицы без приправки они не продвигаются. В переплетном хороших переплетчиц почти нет, работницы выполняют самую простую работу, которую раньше выполняли ученики, и даже в таком простом труде, как брошюровка, их работа ограничена фальцовкой».

Мы видим, что работница в большинстве своем не только работает в полуквалифицированных профессиях, но и те из них, которые числятся в квалифицированных профессиях, за небольшим исключением, все еще не являются «настоящими специалистами». И это явление, одинаковое во всех новых для женского труда отраслях промышленности, привело к тому, что, вместе с расширением нашей промышленности, с возвращением квалифицированных рабочих с деревень и фронта, многие работницы, которые раньше числились среди квалифицированных профессий, перешли в разряды полуквалифицированного и неквалифицированного труда.

Так, по данным ЦСУ [1]), в Ленинграде среди металлистов, число которых с 29.105 в 1920 г. повысилось до 36.838 в 1923 г. (численность женщин за этот период повысилась с 2.278 до 2.662), из 1.700 механиков в 1920 году было 69 женщин, а из 2.204 в 1923 г. только 24; количество женщин-слесарей с 51 за тот же период уменьшилось до 27, в то время, как общее число рабочих этой профессии увеличилось с 11.509 до 13.083 и т. д. В то же время количество неквалифицированных работниц повысилось с 1.160 до 1.791, при общем увеличении рабочих этой категории с 1.848 до 4.758.

[1]) См. „Бюллетень ЦСУ“ № 80, 1923 г.

Среди печатников число мужчин увеличилось с 3.050 в 1920 году до 3.962 в 1923 г., а число женщин уменьшилось с 2.924 до 1.985, при чем во всех профессиях заметно увеличение мужского труда и уменьшение женского: численность наборщиц уменьшилась с 369 до 219, печатниц—с 100 до 71, переплетчиц и брошюровщиц—с 211 до 92 и т. д.

В пищевкусовой промышленности «новыми отраслями» являются мукомольное дело—женщины составляют (1 января 1924 г.) 2,4% общего числа рабочих, боенско-холодильное—3,5% женщин и хлебопекарное—с 6,1% женщин. Во всех отраслях пищевкусовой промышленности, за исключением табачной, женщины, по данным союза, работают в качестве полуквалифицированной и неквалифицированной рабочей силы. Даже те единицы, которые работали в качестве «спецов» в военное время, перешли на работу низшей квалификации; из 394 пекарей среди булочников и кондитеров в 1920 г. в Ленинграде к 1923 г. осталось только 67 (число мужчин этих категорий увеличилось с 2.103 до 2.495).

В кожевенной промышленности Ленинграда число женщин уменьшилось среди заготовщиков и посадчиков с 741 в 1920 г. до 364 в 1923 г. и среди сапожников и башмачников с 248 до 78, в то же время число женщин среди других категорий кожевников увеличилось с 586 до 665.

Трудно, конечно, сказать, что все женщины, выбывшие из квалифицированных профессий, перешли на работу низшего разряда той же отрасли производства. Но эти цифры только показывают, что большинство работниц, выполнявших во время войны квалифицированную работу, своей специальностью вполне не овладели и не в состоянии были выдержать конкуренции более искусных рабочих. Потерпели в этом отношении и многие рабочие-мужчины, ставшие «квалифицированными» во время войны. «Та эфемерная «квалифицированность», которая была создана военным недостатком рабочих сил, должна исчезнуть,—писал еще в 1918 г. проф. В. И. Гриневецкий,—и многие рабочие, быстро попавшие в разряд квалифицированных, должны будут вернуться в первобытное состояние» [1]).

Ко всему этому прибавляются еще и современные условия быта. Поскольку быт современного поколения людей построен на индивидуальном хозяйстве, а вся предыдущая история экономического развития привела к тому, что в рамках семьи, в рамках домашнего хозяйства труд женщины более продуктивен, чем труд мужской; все профессиональные организации, если пред ними стоит вопрос о сокращении жены или мужа, работников одинаковой квалификации, почти всегда высказываются за сокращение жены.

Эти «экономические основания» приводят к тому, что не только государственные учреждения, но почти все профессиональные союзы во всех странах, некоторые «принципиально», другие идя по

[1]) Проф. В. И. Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности. Москва 1919, стр. 156—157. Из явившихся для учета квалифицированных рабочих в Ленинграде (1925 г.) после проверки только у 58% была признана указанная ими квалификация. А из 263 явившихся на переквалификацию служащих только 5 выдержали экзамен и были зарегистрированы в качестве счетоводов, остальные оказались плохими конторщиками и простыми журналистами. „Труд“ № 134, 1925 г.

линии наименьшего сопротивления, производят сокращения за счет труда замужних женщин. Такие сокращения имели место и в Советской России, где союзы признают за женщиной право на самостоятельное, независимо от мужа или родителей, экономическое положение и защищают право женщины на труд. Здесь центральные органы профдвижения считают принципиально недопустимым проводить сокращение штатов за счет замужних, но часто придерживаются «нейтралитета» по этому вопросу, предоставляя «свободу действия» местам [1]).

Еще хуже обстоит дело в странах, где союзы рассматривают женский труд только, как неизбежное зло. Так, например, в одной из резолюций, принятых с'ездом профсоюзов в Ренне (в 1908 г.), французские рабочие единогласно приняли постановление, согласно которому право на труд признается только за «дочерьми и вдовами», вынужденными, таким образом, заботиться о своем пропитании». А вообще же, дополняет резолюция, «мы должны вести пропаганду во всех слоях общества, что мужчина должен кормить женщину». На этой точке зрения практически стали социал-демократические партии [2]) и все профсоюзные организации в Западной Европе. Не только в согласительных комиссиях с предпринимателями, но и при сокращении государственных служащих, предпринятом в 1923—1924 г.г. во многих странах, они поддерживали правительства, которые путем указов и постановлений в первую очередь сокращали замужних женщин.

Согласно закона о сокращении штатов государственных служащих в Германии, все замужние женщины могут быть уволены с предупреждением за месяц. В результате этой работы были уволены 15,6% служащих. Из 2.955 замужних женщин, государственных чиновников, на службе осталось только 54 [3]).

В Голландии постановлением железнодорожной дирекции все замужние женщины, находящиеся на железнодорожной службе, должны были получить расчет.

II.

Ни в одном вопросе нет столько противоречий между теорией и практикой, а не редко в самой теории, как по вопросу о женском труде. Все социал-демократические партии, весь Второй Интернационал, «теоретически», согласно учению Маркса, признают прогрессивное значение женского труда. Но в то же самое время применение женского труда при капиталистических условиях производства разрушает семью, влияет на понижение заработной платы мужчин, увеличивает степень эксплоатации со стороны капиталистов. Рабочий, в особенности малосознательный, в первую очередь чувствует

---

1) См. „Снимать ли жен робочих?". Анкета газеты „Труд" и А. Рязанова: „Снимать ли жен рабочих?" „Труд" №№ 44 и 58, 1924 г.

2) Против этой тактики вынесла протест и конференция социал-демократок, которая „согласно обычаю" собралась пред с'ездом своей партии. Июнь 1924 г. „Конференция требует от партии, говорится в резолюции,—чтобы она и в теории и на практике помогла проводить в жизнь один из старых признанных ею принципов: „право женщины на труд".

3) В Берлинских народных школах было занято около 300 замужних учительниц и, как сообщает „Vossische Zeitung" от 2 декабря 1923 г., в эти дни было подана масса заявлений о разводе со стороны учительниц, которые, должно быть, надеялись таким образом сохранить за собою место.

эту сторону вопроса. Как убедить его в необходимости сохранения женского труда? Надо найти такую аргументацию, которая была бы ему понятна. Он готов согласиться, что, «являясь в настоящее время, при капиталистическом строе, злом, промышленный труд, открытый женщине, будет в новом обществе, когда рабочий день сократится и барыши предпринимателей исчезнут, благом для нее, так как он освобождает ее от экономической зависимости от мужчины и позволяет ей жить для себя самой, потому что она будет жить своим собственным трудом» [1]).

Но как быть в настоящее время? Партия ведь не может требовать запрещения женского труда? Наоборот, она считает, что только самостоятельный труд, независимое от мужа материальное положение может вернуть женщине «свободу располагать своим телом», вне которой есть только проституция, какова бы ни была законность отношений, в которые она вступает с другим полом».

И вот «для того, чтобы женщина не была в хозяйских руках средством оставить без хлеба рабочего, партия требует издания ряда норм, охраняющих женский труд. Пусть за равную работу будет и равная плата для рабочих, какого бы пола они ни были, и пусть немедленно прекратится со стороны хозяев спекуляция полом женщины. *Получится одно из двух: или при новых условиях женщине не придется более продавать себя на фабрику в качестве живой машины, и тогда нужно будет прибавить заработную плату отцу семейства*, чтобы сделать возможным воспроизведение рабочего класса, женский организм будет при этом спасен от фабричного уродования, а *домашний очаг рабочего снова восстановится с возвращением жены мужу и матери ребенку, или же женщина будет продолжать работать на фабрике и вместо дефицита*, который она создавала в рабочем бюджете, бросая без всякого возмездия свою домашнюю работу, она будет способствовать благосостоянию рабочей семьи, удваивая ее средства к жизни» [2]). (Курсив наш. *А. Р.*).

Такова аргументация одной из наиболее революционных партий Второго Интернационала, такова аргументация Гэда и Лафарга. Вместо того, чтобы распропагандировать мысль, что вовлечение женщин в производственную трудовую жизнь является таким же неизбежным следствием развития капитализма, каким является вовлечение бывших ремесленников и крестьян, что, хотим ли мы этого или не хотим, возврата к старым отношениям быть не может, как не может быть возврата к натуральному хозяйству и ремеслу, все с.-д. программы, признавая прогрессивное значение женского труда в капиталистической промышленности, стараются обойти вопрос о неизбежности превращения женщин в самостоятельную равноценную рабочую силу.

«Социал-демократия—читаем мы в одном из последних номеров покойного «Neue Zeit», научного органа германской социал-демократии,—всецело стала на точку зрения Маркса и Энгельса... Борьба должна быть направлена не против женского труда, а против гос-

---

1) Ж. Гэд и П. Лафарг, Программа рабочей партии, ее основания и комментарий к ней перев. В. Величкиной, Пет. 1917, стр. 63.

2) Там же, стр. 63—64.

подства капитализма, против того, чтобы капиталисты пользовались женским трудом в целях ухудшения условий труда рабочего класса»... Указывая на энергичную борьбу Бебеля против взглядов, утверждающих, что сфера деятельности женщины должна быть ограничена рамками домашней жизни, автор говорит: «Социал-демократия стремится к уничтожению всяких препятствий, которые стоят на пути к полному равноправию женщины. *Женщина сама* должна выбрать путь, который она считает для себя наиболее подходящим. *В ее собственных руках* лежит способствование своим экономическим и политическим интересам; *она должна выбрать* тот путь, который, *по ее мнению*, наилучшим образом соответствует выполнению ею задач матери и воспитательницы детей. **Было бы только посягательством на личную свободу женщины, если бы кто-нибудь вздумал регулировать вопрос этот извне**»[1]) (Курсив наш. *А. Р.*).

А если женщина «желает остаться домашней хозяйкой, может ли соц.-демократия выполнить ее желание? Будет ли это вмешательством «извне», если вся тактика соц.-демократии, если вся ее пропаганда по этому вопросу, будет поставлена таким образом, чтобы каждый рабочий, каждая работница поняли, что развитие женского труда является следствием социального развития, и потому в интересах всего рабочего класса найти тот путь, по которому наиболее безболезненно проведено было бы превращение «домашней хозяйки» в производительную рабочую силу. Ведь с.-д. партия не нарушала «личной свободы» ремесленника, когда указывала на неизбежность развития капитализма, и ни одна партия не спрашивала его—желает ли он превратиться в пролетария. Мы думаем, что он не более современной женщины-пролетарки стремился к такому превращению.

Вообще, все доводы, приводимые «в защиту» женского труда, основываются только на тех плюсах, которые приносят женщине самостоятельное, независимое положение. А рабочий класс в целом разве не заинтересован в изменении положения женщины, в превращении ее из человека подчиненного в экономическом, личном и политическом отношении в человека самостоятельного и независимого? Не примет ли тогда весь быт, вся жизнь рабочего класса, а с ним и всего общества, совершенно иные формы, резко отличные от семейных отношений, сложившихся при капиталистических условиях производства?

Таким же образом, как промышленный прогресс, говоря словами комментария французской соц.-дем. программы, «совершил экспроприацию ремесленников старого времени, лишив их орудий труда, сделавшихся бесполезными в их руках и превратившихся просто в материал для топлива (прялка, рубанок, ткацкий станок и т. д.)», он совершает экспроприацию женщины, выбивая из ее рук одну часть домашней работы за другой, заставляет ее пойти на фабрику в качестве наемной рабочей силы. Процесс этот совершается более безболезненно ввиду выполнения женщиной функции материнства. Возврата к старому нет и дело рабочей партии,—а не жен- или муж.-отделов,—наметить те пути и выставлять и защищать те требования, которые партия считает наиболее целесообразными для решения вопроса. Чтобы победить существующие предрассудки, косность быта, которые одинаково влияют на рабочих и работниц, нужна гигантская работа всей партии в целом, нужна строго выдержанная тактика без всяких кивков «направо» и «налево», как со стороны партии, так и со стороны руководимых ею профсоюзов.

Если пред рабочими ставится такая дилемма, если указывается, что при капиталистических условиях производства повышение заработной платы может привести к восстановлению домашнего очага «возвращением жены мужу и матери ребенку», он естественно приходит к выводу, «что мужчина должен кормить женщину», и выставляет такое требование на своих с'ездах, встретившее, между прочим, протест со стороны Гэда, одного из авторов комментария к программе. Как далека эта аргументация от ясного, категорического языка Маркса. «Как бы ужасно и отвратительно ни казалось разрушение старых семейных отношений при капиталистической системе,—пишет Маркс,—тем не менее крупная промышленность, силой той положительной роли, какую она дает женщинам, несовершеннолетним и детям обоего пола в общественно-организованных процессах производства, вне домашней сферы, создает новое экономическое основание для высших форм семьи и отношений обоих полов... состав коллективного рабочего персонала из лиц обоего пола и самых различных возрастов, при соответственных обстоятельствах должен обратиться в источник человеческого развития—хотя его грубая капиталистическая форма, где рабочий служит для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, есть источник нравственной порчи и рабства»[1]).

Все эти факторы вместе создают то неустойчивое положение, которое по настоящее время занимает женщина в мире труда. Кроме того, что большинство женщин до сих пор заполняет ряды полуквалифицированных и чернорабочих, женщины даже квалифицированного труда, в виду условий быта, господствующих до сих пор рутины и традиции среди широких масс, а нередко и вождей, находятся, как мы видели, в худшем положении, чем мужчины. За ними до сих пор не признается право на самостоятельное, независимое экономическое положение. Женщина лишается работы не только как менее подготовленная, менее квалифицированная рабочая сила, но и потому, что она женщина, жена имеющего заработок мужа.

III.

Насколько изменилось отношение к женщине работнице, в какой степени она укрепилась, как квалифицированная рабочая сила, лучше всего показывает практика Советской России.

Исследуя условия труда работницы в нашей республике, мы можем получить более точные данные по этому вопросу. В странах капиталистических применение женского труда в той или иной профессии может быть использовано еще ввиду его большей дешевизны, ввиду возможности путем применения женского труда понизить заработную плату рабочих. У нас, при одинаковой оплате мужской и женской рабочей силы, женский труд, по крайней мере, в государственной промышленности, не может служить фактором пони-

[1]) E. W. Neumann, Sozialdemokratie und Frauenerwerksarbeit,—„Neue Zeit“ № 4, 1923, стр. 120 и 121.

[1]) Капитал, изд. 1898 г., стр. 429.

жения заработной платы. И что же? Многие хозяйственники считают, что при данном «качестве» женского труда он становится невыгодным и стремится к восстановлению «нормальных» довоенных соотношений между мужским и женским трудом. Между тем, до сих пор не было ни серьезных обследований, ни серьезного изучения вопроса, и мы думаем, что это «стремление» является настолько же обоснованным, как и противоположное требование, которое обычно выставляют у нас в Советских республиках, так называемые «представители от женщин»—о сохранении создавшейся во время революции пропорции.

И вот почему.

Самый высокий процент применения женского труда падает на 1916 и 1920—1921 г.г. Как известно, 1916 год является годом наибольшего напряжения военной промышленности, а 1920—1921 г.г.—последними годами гражданской войны, когда огромная часть наших фабрик не работала за отсутствием топлива и сырья, фабрики должны были остановиться, многие рабочие и работницы должны были заниматься работами, ничего общего с их профессиями не имеющими: чисткой и уборкой фабрик, фабричных дворов, общежитий, разгрузкой дров и т. д., и т. д.

Чтобы сохранить рабочих на фабриках, в особенности рабочих, не связанных с землей, являющихся «вотомственными пролетариями», союзы, вместе с Советом Народного Хозяйства, выработали целые системы занятий, в число которых входили, кроме вышеуказанных работ, ликвидация неграмотности, занятия по повышению квалификации труда. Все эти работы оплачивались соответственно тарифной категории трудящихся. Такой договор, напр., был заключен в 1919 году между Союзом текстильщиков и ВСНХ.

Естественно, что работницы, связанные с семьей и квартирой, в большинстве оставались на фабрике. Таким образом, в центральных промышленных губерниях, в районе текстильной промышленности, работницы в 1916 и 1920 г.г. составляли даже большинство рабочего класса. В Московской губернии на 1 января 1914 года было 61,6% мужчин и 39,4% женщин, а в 1917 году женщины составляли 52%, а во Владимирской, где женщины еще до войны составляли 52,3%, процент работниц к 1 января 1917 года повысился до 64,9%. То же соотношение показывает и 1920 г. Даже в Ленинграде, в котором преобладает металлическая промышленность, процент женщин с 25,6% в 1913 году повысился до 42,9% в 1921 г.

Кроме того, в эпоху военного комунизма, когда распределение пайков и других материальных благ было связано с положением данного индивидуума в мире труда, многие женщины, числившиеся до того среди несамодеятельного населения, иждивенцев, домашних хозяек, перешли в ряды трудящихся. Так, в Москве до войны (в 1912 г.) на сто самодеятельных мужчин приходилось 52 женщины, а в 1920—97 и в 1923 г.—57. А в Ленинграде женщины составляли в 1920 г. большинство самодеятельного населения города: на сто трудящихся мужчин приходилось в 1920 году—120 женщин, а в 1923—всего 62.

Весьма вероятно, что часть женщин пострадала в связи с сокращением штатов. Но можно ли было сохранить создавшееся во время войны и революции соотношение между мужским и женским трудом? Конечно, нет. С переходом к новой экономической политике процент женщин начинает понижаться, хотя уменьшение процента

женщин в той или иной отрасли промышленности не всегда означает уменьшение их абсолютного числа. Ибо, как показывают данные, уменьшающийся процент женщин в некоторых отраслях промышленности сопровождается увеличением их абсолютного числа: увеличивается общее число рабочих, в том числе и женщин. Но среди вновь поступающих в производство рабочих, мужчины поступают в значительно большем количестве, чем женщины.

А в некоторых случаях, в так называемых женских отраслях промышленности, и в настоящее время заметен и абсолютный и относительный рост женского труда. Так, в Ленинграде работницы к 1 января 1924 года составляли 65% общего числа рабочих в текстильной промышленности и 69,6%—в табачной, а к 1 января 1925 г. соответственно цифры повысились до 67,1% и 73,2%. Общая численность рабочих за этот период повысилась с 14.388 до 35.530 в первой из этих отраслей и с 5.095 до 6.756 во второй. В производстве одежды при уменьшении общего количества рабочих с 3.435 до 3.103 процент работниц повысился с 68,1 до 70,6[1]).

Естественно, что хозяйственники стремятся обеспечить доверенные им предприятия более работоспособной рабочей силой—это их право и обязанность. Но является ли необходимым восстановление довоенных соотношений? Разве женщины во всех отраслях промышленности и тем более во всех профессиях являются менее работоспособной рабочей силой? Разве исключение женщин из той или иной отрасли промышленности может служить показателем «оздоровления» этой отрасли? Война, как известно, вовлекла в промышленность не мало неприспособленных, не овладевших своей профессией, мужчин. С другой стороны, и в настоящее время, имеются не мало профессий, где женский труд не только не уступает мужскому, но где, по всем отзывам специалистов, его применение желательно и с точки зрения «здорового» развития народного хозяйства. И потому несколько странно звучит вывод о восстановлении качественного состава рабочей массы в промышленности, когда он делается только на основании сравнения изменений пропорции между мужским и женским трудом с довоенного по настоящее время. А между тем, такие выводы сплошь и рядом встречаются в экономической литературе. В большинстве отраслей промышленности процент мужчин немногим не достигает нормы 1914 года и в значительной степени превосходит нормы военного периода. «Таким образом,—читаем мы в «Экономическом Обозрении» [2]), тот урон, который нанесли военные мобилизации качественному составу рабочей массы, в настоящее время можно считать почти восстановленным».

А тов. Халатов идет еще дальше, считая, что женский труд вообще при настоящих условиях невыгоден. Но почему?

«Что же касается труда женщин-работниц,—говорит он,—то нужно не упускать из виду того существенного обстоятельства, что женщина у нас работает преимущественно, как чернорабочий, а потому, естественно, физически она значительно уступает чернорабочему-мужчине. В дореволюционное время промышленность, привлекая женщину к работе, значительно ниже оплачивала ее труд, примерно, в размере 40—50% от заработка мужчин. В на-

---

[1]) См. „Положение труда в Ленинградской губ. в 1924 г. и в I-й четверти 1925 г.".

[2]) Г. Полляк, Рабочая сила в промышленности,—„Экономич. Обозр.", декабрь 1924 г.

стоящее время в оплате чернорабочей силы при повременной системе разницы обычно не делается, а потому привлечение женского труда в настоящих условиях его оплаты экономически перестает быть выгодным»[1]).

Правда, конечно, что капиталисты оплачивали женский труд ниже мужского, но разве это делалось только в зависимости от производительности труда? А не пользовались ли предприниматели меньшей сознательностью работниц, чтобы путем эксплоатации женской рабочей силы выколачивать больше прибавочной стоимости? И разве вся женская рабочая масса работает в качестве чернорабочих и притом *тяжелого физического труда*?

Кроме того, чернорабочие и у нас не получают одинаковую заработную плату во всех отраслях промышленности. Те категории чернорабочих, работа которых сопряжена с тяжелым физическим трудом, оплачиваются выше. И женщина работница, выполняя более легкую работу, обычно получает и меньшую заработную плату. Средний тарифный разряд чернорабочего мужчины в Ленинградской промышленности колеблется по отдельным союзам от 3,6 до 5,7, тогда как для чернорабочих женщин колебания в среднем разряде по отдельным союзам выражаются в 2,8—5,0[2]).

Мы далеки от мысли считать, что женский труд во всех отраслях промышленности и на всех работах равноценен мужскому, но мы считаем, что такое обобщение, заявляемое в противоположном отношении со стороны ответственных работников нашего хозяйственного строительства, не только не может привести к раз'яснению вопроса, но и приводит в конечном счете к ухудшению положения женщины-работницы. Ибо «невыгодную» рабочую силу никакой хозяйственник, хотя бы архи-красный директор, применять в своем предприятии не станет. Если капиталисты всюду и везде стараются использовать работниц, как наиболее дешевую рабочую силу, то нашей обязанностью является укрепление положения работницы, *как равной полноценной рабочей силы*.

И потому не менее вредным является другое течение, старающееся доказать, что женский труд может сейчас применяться во всех отраслях промышленности, и что экономическая самостоятельность женщины заключается, мол, в том, чтобы она была вовлечена во все профессии. «Вовлечение женщин во все профессии—единственный выход из этого положения. Безо всяких рассуждений,—говорил представитель ВЦСПС, покойный тов. Лутовинов, на совещании работников среди женщин в январе 1924 г.,—необходимо начать это дело теперь же без промедления».

Таким образом, сторонники этих взглядов стараются не только удержать женщин, уже работающих в тяжелых отраслях промышленности, что, конечно, лучше, чем выбрасывать их на улицу в качестве безработных, но стараются во что бы то ни стало заполнить фабзавуч и другие технические школы в этих отраслях соответственным количеством девочек.

Так, например, у горняков в школах с периодом обучения от 3-х до 4 лет было принято в 1923—24 году 519 мужчин и 92 женщины, «ЦК горняков стремится довести количество девушек в школах ученичества горной промышленности до 10%»[1]). Смогут ли эти женщины успешно работать в качестве квалифицированной рабочей силы в горном деле? И нужно ли союзу «стремиться» к этому? Нам думается, что женщинам нечего работать ни в шахтах, ни в рудниках, где труд не по силам женскому организму, а для беременных женщин становится невозможным. Не в этой области лежит путь к «женскому равноправию».

[1]) А. Халатов, „К вопросу о производительности труда“, Гиз., 1925 г., стр. 45.

[2]) См. К. Яковлева. Дифференциация заработной платы в Ленинградской промышленности в 1924 г. цит. Сборник.

Трудно женщинам работать и в некоторых профессиях деревообделочной промышленности, которая у нас еще очень мало механизирована. Однако, и сюда стараются направить женщин без всякого предварительного обследования.

Нерационально направляется женская рабочая сила и в полиграфическом производстве.

Нельзя, конечно, из'ять всех женщин из тех отделений этого производства, где приходится работать со свинцом, ибо при современном состоянии нашей промышленности нет возможности предоставить всем работницам более здоровую работу. Но вполне прав Б. Б. Койранский, когда указывает на необходимость сознательного вмешательства профес. организации для регулирования этого вопроса, что особенно необходимо, когда дело идет о подростках. Ибо в этой отрасли имеется масса квалифицированных профессий, не связанных с работой со свинцом. «Они могут также с успехом применять свой труд в граверном деле, литографии, цинкографии и др., но в перечисленных отделениях требуется высокая квалификация»[2]). А мы ведь стремимся к повышению квалификации женского труда.

Направляя подростков на новые для женского труда работы, нужно это делать с большой осторожностью, ибо надо помнить, что мы не только хотим выдвинуть *данных* подростков, помочь им изучить определенную профессию, но что эти подростки являются пионерами в этом деле, и если такие «опыты» окажутся неуспешными, они не только испортят жизнь последним, что уже само по себе плохо, но повредят всему движению в этом направлении.

Однако такие случаи имеются уже и в настоящее время: девочки кончают школу, а затем им не дают работы по специальности, как непосильной для женщины. Так, в прениях по моему докладу (май 1925 г.) одна из слушательниц на курсах при ЦК для заведующих агит. и жен. отделами партийных комитетов указала, что окончившие школу лесничие-женщины получили места конторщиц, так как работу лесничего, по мнению хозяйственников, женщинам поручать нельзя.

Не менее вредна другая позиция, доказывающая, что производительность женского труда на «мужских» работах в новых для нее отраслях, как, напр., в металлической промышленности, не только равна мужскому, что, конечно, сплошь и рядом встречается, но что женский труд на этих работах более производителен, чем мужской. В доказательство часто цитируется заявление покойного тов. Лутовинова на том же совещании. «Мне приходилось быть на заводе «Айваз» установщиком,—рассказывал он,—у меня было 20 стан-

[1]) Л. Рейнберг. К повышению квалификации женского труда,—„Вестник труда“, 1925 г., № 4, стр. 106.

[2]) Б. Б. Койранский, „Труд и здоровье рабочих типографии“, Москва 1925 г., стр. 27—28.

во внимание бытовые условия современной работницы. Если у работницы в среднем, как указывает Струмилин, остается только 6 ч. 44 мин. на сон (у рабочего—7 ч. 59 мин.) и 2 ч. 21 м. в сутки на отдых (у рабочего—3 ч. 27 мин.), то сколько же свободного времени у нее остается после ночной работы? Когда работница, утомленная после тяжелого ночного труда, приходит домой и дети уже бодрствуют, а муж собирается на работу, у нее очень мало остается времени, чтобы выспаться и отдохнуть. И она в большинстве случаев уходит на фабрику еще более утомленная, чем приходит с нее.

Мы не говорим уже о том, что для пролетарского государства наиболее ценным достоянием является сама живая рабочая сила, но строгое проведение нашего законодательства по страхованию и лечению заболевших уже заставляет более осторожно относиться к применению женской рабочей силы во вредных для женского организма отраслях промышленности и вредных для нее процессах труда, как явно невыгодного для государства дела.

И вполне прав тов. Каплун, указывая, «что ночной труд представляет уже сам по себе весьма серьезную профессиональную вредность». Наше законодательство, предоставляя право «Наркомтруду по соглашению с ВЦСПС разрешать производство ночных работ взрослым женщинам в тех отраслях производства, где это вызывается особой необходимостью», вполне обеспечивает материальные интересы работницы.

Всюду, где работницам угрожает расчет, всюду, где нет возможности перевести работниц на дневную работу, профсоюзы вместе с Наркомтрудом, а на местах отделы труда с соответственными союзами, дают разрешение на применение ночного женского труда [1]). А между тем отмена запрещения ночного труда для женщин может привести к использованию женского труда на ночных работах в таких отраслях и профессиях, где проведение такой меры не является необходимым. Ночной труд приводит не только к повышению заболеваемости работниц, но и к понижению производительности их труда в сравнении с мужчинами и, тем самым, к понижению их «ценности» как продавцов рабочей силы.

По данным одесского губернского статбюро процент больных среди мужчин на ночной работе повышается в сравнении с работающими днем с 11% до 15%, а у женщин—с 8% до 12%, таким образом, разница между заболеваемостью на дневных и ночных работах у работниц выше, чем у рабочих.

Еще большая разница замечается и в производительности труда. По исследованиям Вернона над рабочими муниционных заводов Англии относительная часовая производительность выражалась в следующих цифрах:

Табл. № 3.

	Относительная часовая производительность.	
	Дневная работа.	Ночная работа.
Мужчины	140	150—152
Женщины	134	133
Подростки	128	127

[1]) Так в Ленинграде разрешение на ночные работы были даны в 1923 г. 465 женщинам, а в 1924 г.—1.640.

Мы видим, что разница между производительностью труда мужчины и женщины при ночных работах значительно выше, чем при дневных. «Цифры, приведенные в этой таблице,—пишет К. Х. Кекчеев, у которого мы заимствовали эти данные,—указывают на то, что у мужчин иногда при ночной работе производительность бывает выше, чем днем; у женщин же и у подростков она всегда ниже» [1]).

И потому совершенно не обоснованно заявление, которое делает тов. А. Кац («Труд» № 48, 1925), что «ночная работа отражается на организме здоровой женщины (кроме беременных и кормящих матерей) в такой же степени, как и на организме мужчины, и, следовательно, огульное запрещение ночного труда женщин является пока для нас до известной степени «роскошью».

Так же неправильно и другое утверждение того же автора, что «мероприятия, полезные для женщин с точки зрения, так сказать, медицинской, являются одновременно далеко не полезными для них с точки зрения экономической». Мы видели, что и в экономическом отношении женщине при сдельной оплате труда ночная работа не выгодна, а при повременной оплате применение женского труда на ночных работах становится невыгодным предпринимателю, и она все равно вылетит из производства.

Борьба за уничтожение ночного труда для женщин ведется уже со времени Первого Интернационала, необходимость его запрещения признала и Вашингтонская конференция, и это одно из немногих постановлений этой конференции, которое более или менее проводится во всех промышленных странах. Как доказывает история английского фабричного законодательства, проведение мероприятий по охране женского труда приводит в конечном счете не к вытеснению женщин из производства, а к распространению данного законодательства и на мужчин, к изменению и оздоровлению методов производства. И в эту сторону надо направить внимание хозяйственников, а не кричать всюду, что и «мы сами с усами».

Что же касается вопроса о пересмотре списка вредных работ, о которых говорит т. Шмидт, то и здесь дело оказалось не так просто. Вместе с тем, по директивам VI съезда профсоюзов мы приступили к пересмотру законов, запрещающих женский труд в отдельных производствах,—пишет тов. Маркус. Оказывается, что списка не существует, а имеются лишь отдельные пункты в отдельных обязательных постановлениях по охране труда, в которых оговорено запрещение женского труда. Но эти постановления охватывают такие отрасли труда, где женский труд никогда и не применялся и где он связан с «непоправимым вредом для здоровья»: работы, связанные с мышьяком, со свинцовыми красками, при выработке особо вредных кислот в химической промышленности; работы при доменных печах, в сталелитейных цехах и т. п. «К пересмотру и сужению этих запретительных постановлений Наркомтруд уже приступил, однако, учитывая ответственность этого дела, мы предпочли с ним не спешить, а запросить мнение работников мест, Центральных Комитетов Союзов и хозорганов, чтобы, таким образом,

К. Х. Кекчеев. Физиология труда, Гиз., стр. 184.

обеспечить наиболее вдумчивый пересмотр этого законодательства» (курсив наш. *А. Р.*).

Не лучше ли было бы с этого начать?

На-ряду с стремлением «направить» женскую рабочую силу во «все профессии» раздаются, правда, одиночные голоса, что тенденция развития современного общества приводит, мол, к перемещению центра тяжести женского труда из среды обрабатывающей промышленности в обслуживающие ее профессии, и мы должны поэтому помочь женщине перейти из категории работниц в ряды служащих. Такой вывод, конечно, глубоко ошибочен.

Вполне правильно указывая, что развитие машинной техники задерживает рост рабочих и в тоже время благоприятствует быстрому росту служащих [1]), т. Иванов делает неправильные выводы о тенденциях развития женского труда. Указанное выше положение относится ко всему общественному развитию, ко всему рабочему классу.

«При посещении фабрик,—описывал тов. Ногин свои впечатления по возвращении из Сев. Америки в 1924 году («Правда» 23 марта 1924 г.),—нас поражало почти полное отсутствие рабочих. На фабриках не видно людей среди машин. Когда вы справляетесь о количестве занятых в производстве рук, вас поражает небольшое число рабочих, которое вам называют. На фабрике в 40—50 тысяч веретен вы найдете не более 300—350 рабочих... Если вы входите в какую-либо ткацкую мастерскую, вас опять поражает отсутствие рабочих. Здесь вы можете видеть, как на автоматических ткацких станках один ткач работает сразу на 24—30 машинах. Одну ткацкую мы посетили в обеденное время и были свидетелями того, как одна половина рабочих, оставшаяся в это время при машинах (на фабрике освобождаются для обеда сначала одна половина, а затем другая половина рабочих), легко выполняя работу на 48—60 станках». Вместе с тем, вырастают аппараты, служащие для учета и распределения производимых продуктов, увеличиваются средства и пути сообщения. Согласно последней (1921 г.) переписи, в Англии около 8.000.000 человек заняты в профессиях, «обслуживающих» остальных 9.300.000 рабочих, занятых в добывающей и обрабатывающей промышленности, т.-е. чуть ли не на каждого рабочего приходится один служащий, включая почту, телеграф, транспорт и т. д.» [3]).

В рядах же самого рабочего класса, как и среди служащих темп роста женского труда идет куда быстрее мужского и не верно, что число работниц уменьшается за счет роста числа служащих.

Все данные, которые мы привели, показывают, что численность работниц увеличивается во всех странах и что с каждым годом не только ширится число профессий, в которых применяется женский труд, но и в каждой профессии увеличивается число работниц. Так, в Соед. Штатах Сев. Америки за десятилетие с 1910 г. по 1920 г. количество профессий, в которых занято 1.000 и более работниц, повысилось с 203 до 232. Но надо отметить, что рост служащих среди женщин идет быстрее не только среди мужчин, но и среди работниц. Но причины этого явления можно об'яснить только исто-

[1]) В. Маркус, Женский труд в СССР в 1924 г.,—„Коммунистка", 1925 г. № 4, стр. 48.

[2]) Иосиф Иванов, А. Рязанова,—Женский Труд,—„Под Знаменем Марксизма" № 6—7, 1923 г.

[3]) The Manch. Guardian, Fbr. 26, 1925.

рическими и социальными условиями. Огромная часть женщин, которая направляется в категории служащих, являются выходцами из тех слоев населения, среди которых женщины до последних десятилетий не занимались самодеятельным трудом. Разложение средней и мелкой буржуазии, рост дороговизны и недостаточная оплата труда всякого рода государственных чиновников и лиц либеральных профессий, невозможность для значительной части женщин найти «обеспечение» в замужестве, рост общественной сознательности среди женской части населения—все эти факторы, обостренные войной, привели к тому, что и эти женщины «без профессии» вошли в ряды самодеятельного населения, заполнив ряды служащих всех категорий.

«Прошло то время,—пишет проф. Г. Ренар,—когда гордость родителей состояла в том, что они при регистрации брака своей дочери в мерии могли отмечать: «мадемуазель без профессии». В настоящее время родители сами толкают своих дочерей к самостоятельному заработку, и дочери сами не меньше своих родителей понимают, что обладание хорошо оплачиваемой профессией является лучшим средством найти мужа» [1]). Ибо современная семья не в состоянии жить больше на один заработок «главы семейства».

Вот откуда, главным образом, рекрутируются 635.207 школьных учительниц и 356.321 музыкантш и учительниц музыки в Сев. Америке и миллионы таких же учительниц, фельдшериц, клерков и т. п. служащих во всех странах.

У нас по переписи городского населения РСФСР в 1923 году было 350.425 служащих женщин (мужчин—784.048), в числе которых было 4.481 врачей (мужчин—9.882), 1.818—зубных врачей (мужчин—573), 52.541 школьных учительниц (мужчин — 21.284), 5.851 библиотекарш (мужчин—1.927), 7.230 телеграфисток (мужчин—13.272), 7.756 телефонисток (мужчин—1.136) и т. д. Из каких слоев населения рекрутировались эти категории работников? Каждому ясно, что рабочий класс и крестьянство в дореволюционной России не выдвигали своих дочерей на эти работы, многие из которых требуют длительной подготовки и обучения. А «динамика в общем показывает,—вполне правильно отмечает т. Иванов,—что в лице служащих мы имеем более позднее образование пролетарской массы, образование которого все больше срастается с рабочими и кристаллизуется с ними в один класс—пролетариат» [2]).

Вот почему и центр тяжести женской рабочей силы, в начале развития капитализма рекрутировавшейся почти исключительно из наиболее бедных классов населения, которые не могли дать дочерям никакой профессиональной подготовки, постепенно переносится и на другие области труда.

Ясное представление об изменении состава самодеятельного женского населения дает следующая таблица, относящаяся к Соединенным Штатам Сев. Америки, в которой из 100 самодеятельных женщин работало (см. табл. № 4 на 48 стр.).

Мы видим, что 40 лет тому назад в одной из наиболее промышленных стран почти половина (44.6% всего самодеятельного женского населения работала в качестве домовых служащих, 23.8%—

[1]) G. Renard (Prof. au College de France) Du travail feminin dans les classes moyennes,—„Rev. Econ. Intern.", vol. IV, № 1, 1924.

[2]) „Правда" 1/VI 1923 г.

Табл. № 4.

	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Домашние служащие и личное услужение	41,6	42,6	39,4	31,3	25,6
Промышленность	23,8	26,3	24,6	22,5	22,6
Сельское хозяйство	22,5	17,3	18,4	22,4	12,7
Пути и средства сообщения и торговля	2,4	9,5	9,5	7,1	10,3
Общественная служба и свободные профес.	6,7	8,1	8,1	10,1	12,2
Клерки	—	—	—	7,3	16,6
	100	100	100	100	100

в промышленности. 22,5%—в сельском хозяйстве, а во всех других профессиях занято было только 9,1%. В настоящее время численность работниц, увеличиваясь абсолютно, укрепляясь в разных профессиях, остается в процентном отношении ко всему числу самодеятельных женщин почти неизменным, но постепенно уменьшается роль домовых служащих и сельско-хозяйственных работниц. В то же самое время нарастает другой слой трудящихся женщин, заполняющих ряды лиц свободных профессий и клерков, процент которых с 9% в 1880 г. повысился до 31,1% в 1920 г.

Но значит ли это, что «здесь назревает естественное разделение труда по принципу—от каждого по его способностям?—как указывал и тов. Иванов. Что «современная техника освобождает женщину от необходимости надрываться среди гигантских автоматических машин современной фабрики» и что наша задача—облегчить женщине проникновение в эту сферу, устранить положение, когда Голиаф в сажень ростом подписывает квитанции в почтовой конторе, а женщина работает грузчицей и чернорабочей» [1]).

Тов. Иванов, конечно, был прав, когда указывал, что надо помочь женщине выйти из того ненормального положения, которое она до сих пор занимает в современном обществе, и перевести ее из чернорабочих и грузчиц в другие, более подходящие, более посильные и, тем самым, более выгодные для нее профессии. Ибо, если верить библейскому преданию, слабый, но ловкий Давид побил сильного Голиафа: в борьбе, где требуется ловкость и искуство, очень редко побеждает грубая физическая сила. Но для этого нет никакой необходимости из'ять всех женщин из фабричного производства и перевести их в ряды служащих. Развитие машинной техники все более и более приводит к уничтожению тяжелого физического труда и современная промышленность сплошь и рядом пред'являет куда больше требований к умственному и интеллектуальному развитию рабочих и работниц, чем к их физической силе. Разница между теми

[1]) „Под Знаменем Марксизма" стр. 287.

профессиями, которые рекомендовал т. Иванов, и фабричной работой, становится все меньше.

Механическое прядение на сельфакторе с 900—1400 веретен при числе оборотов их от 5.000 до 12.000 в минуту требует иного напряжения внимания рабочего, чем ручная «самопрялка». Механическое ткачество при работе на 2 до 6 обыкновенных станках или на 8—20 автоматических станках дает в Англии и Соединенных Штатах на одного ткача в неделю выработку от 600 до 2.400 аршин ткани на первых и до 8.000 аршин—на вторых; очевидно, здесь требуется иное напряжение внимания, иной темп операций, чем на ручном ткацком станке.

«Оно требует значительного повышения качества труда в отношениях: 1) внимания и бдительности; 2) отчетливости и систематичности приемов работы. То мускульное напряжение, которое характеризовало производство на низших стадиях его механического развития, в некоторых отраслях сохраняется и даже форсируется теперь, но в общем все более и более заменяется нервным напряжением. Когда рабочий наблюдает за быстроходной машиной, когда он должен улавливать слухом, зрением или комбинированным ощущением недочеты ее работы, ориентироваться в их месте и причине и возможно быстро исправлять—труд физический все более и более приближается к умственному, и граница между ними сглаживается. В современной промышленной обстановке вопросом является, кто несет больше физического труда: машинист или электрик, наблюдающий за работой паровой турбины, или же конторский переписчик на машине, счетовод, чертежник и т. д. Между тем, нервное напряжение действует на физически здоровых, но интеллектуально неразвитых людей часто гораздо более утомляющие, чем тяжелый физический труд» [1]).

И потому самыми радикальными средствами в деле помощи женщине занять прочное положение в мире труда—является наряду с признанием за ней «права на труд» повышение ее общего и профессионального образования, повышение ее интеллектуального развития и более серьезное отношение к вопросу о выборе профессии. При равной заработной плате женщина может удержаться в промышленности в тех ее отраслях и профессиях, где ее труд по квалификации и производительности не уступает мужскому, или же в тех профессиях, где она в силу создавшихся условий, в силу ловкости и искусства «свойственных женским рукам», заняла монопольное положение.

Ибо какие бы меры ни принимали союзы, какие бы директивы ни давала наша партия в целях сохранения женского труда в промышленности, работающей на хозрасчете, может применяться только та рабочая сила, которая выгодна. Если считать, что деторождение является социальной функцией и сопряженные с ним расходы ложатся на государство и промышленность, то и при этих условиях в промышленности, в каждой из ее отраслей и профессий останутся только наиболее работоспособные, наиболее искусные, наиболее квалифицированные элементы рабочего класса.

---

[1]) Проф. Гриневецкий, цитир. работа, стр. 155

М. Альский.

Наша политика государственного кредита.

(Окончание).

Восстановление государственного кредита и проведение в широком масштабе государственных кредитных операций в стране затруднялось произведенным Октябрьской революцией аннулированием государственных долгов, экспроприацией путем национализации всех реальных капиталов буржуазии и обесценением в период военного коммунизма и широко использованной эмиссии совзнаков, всех денежных капиталов в стране. К тому же враждебные Советской власти классы и группы населения не желали ссудить Советской власти своих свободных денежных капиталов, зная, что средства эти будут обращены на производительные нужды социалистического строительства, которое все более и более усиливает Советскую власть и все более ослабляет буржуазию как внутри, так и вне страны.

Помимо этих чисто политических мотивов буржуазные слои населения страны не пошли на помещение своих свободных денежных капиталов в государственные кредитные операции и по причинам чисто экономического характера. Причины эти сводились, главным образом, к тому, что процент на ростовщический денежный капитал, при отсутствии достаточно широко разветвленной сети кредитных учреждений в стране, был в первый период нэповской весны значительно выше того процента, который могло платить и платило государство по займам, кроме того, в этот период нэповского ажиотажа, торговый капитал тоже приносил значительно большие выгоды, нежели государственные займы.

Вместе с тем, накопление новых капиталов происходило в этом лагере значительно быстрее, нежели в государственном хозяйстве. Это обстоятельство могло в будущем создать большие затруднения в области социалистического строительства хозяйства страны. Чтобы замедлить темп нэповского накопления в стране и чтобы использовать в общегосударственных и общехозяйственных интересах хоть бы часть вновь накапливаемых нэповской буржуазией средств, Советской власти пришлось прибегнуть к принудительному размещению некоторых государственных займов.

При всей нежелательности подобного способа реализации займов принудительное размещение их в условиях подготовлявшейся денежной реформы было, конечно, предпочтительнее эмиссии бумажных денег для надобностей государственного хозяйства.

Принудительным размещением займов удалось извлечь из населения в тысячах руб.:

КВАРТАЛЫ.	Размещено займов в принудительном порядке в тыс. руб	Общая стоимость денежной массы в тысяч. рубл.	Процентное отношение 1 к 2.
	1	2	3
На 3-й кварт. 1922—23 г.	6.183,8	174.102.2	3,6
„ 4-й „ „	6.637,0	188.849.0	3,5
„ 1-й „ 1923—24 г.	29.357,1	281.973,8	10,4
„ 2 й „ „	69.250,6	321.947,0	21,5
„ 3-й „ „	90 654,1	393.413,8	23.0
„ 4-й „ „	118.775,7	480 766,8	24.7
„ 1-й „ 1924—25 г.	144.766,1	622 670,5	23,2
„ 2-й „ „	173.682,4	742.648,7	23,4
„ 3-й „ „	191.418,6	765.713,4	25,0

Таким образом, на эту сумму удалось на время сократить и темп развертывания частного оборота, и темп накопления им капиталов, кроме того, на эту же сумму удалось сократить эмиссию необеспеченных бумажных денег и с этой стороны укрепить позиции борьбы с бумажно-денежной инфляцией в стране.

С точки зрения государственного строительства и общехозяйственных интересов страны не только можно, но и нужно было пренебречь частными интересами, в частности, можно было пренебречь собственническими интересами отдельных групп населения, сознательно или бессознательно—это все равно—не дававших своих сбережений государству и тем затруднявших его борьбу на фронте хозяйственного и финансового восстановления страны.

Основной задачей момента была в то время подготовка, а затем и проведение реформы денежного обращения, которая должна была обеспечить дальнейшее успешное развитие народного и государственного хозяйства страны. Лишь успех этой реформы мог обеспечить дальнейшее развертывание хозяйства страны, усилить процессы и первоначального социалистического накопления, и процессы частного накопления в стране,—а значит создать условия для проведения в будущем в более широком масштабе и государственных кредитных операций. При таких условиях можно было на время пренебречь отрицательными явлениями, которые сопутствуют, обыкновенно, принудительному размещению займов. Советская власть и пренебрегла ими, подчинив основной задаче времени—денежной реформе—все остальные задачи, в том числе и интересы будущих государственных кредитных операций.

Однако и при принудительном размещении займов государственные кредиторы, особенно из враждебного власти класса, могли бы при известных условиях воздействовать путем усиленного пред'явления или путем временных спекулятивных покупок в тот или другой благоприятный момент облигаций государственных займов, на еле-еле складывающийся в стране государственный кредит и фондовый рынок, в целях подрыва и этого кредита и вообще всей финансовой мощи государства. В силу этого

Советской власти волей-неволей пришлось из'ять из фондового оборота все принудительно размещенные среди имущих классов облигации займов, и кроме того, лишить их возможности залого-ссудных операций. Это достигалось наложением на каждую принудительно размещенную облигацию займа особых знаков отличия.

Впоследствии, когда государство и его социалистическое хозяйство значительно окрепнут и в организационном и в хозяйственном отношениях, конечно, можно будет пересмотреть вопрос о принудительном размещении государственных займов, в сторону частичного или полного отказа от этого способа их реализации [1]).

В несколько особом положении находится вопрос о принудительном размещении 8% золотого гарантийного займа. Такое размещение его еще долгое время будет не только целесообразно, но и настоятельно необходимо.

Заем этот рассчитан на мобилизацию резервных и запасных капиталов государственных торговых и промышленных предприятий. В наших условиях обязывать эти предприятия хранить свои длительно свободные средства—резервные и запасные капиталы—в государственных процентных бумагах крайне целесообразно и необходимо не столько по соображениям государственного кредита, сколько по соображениям сохранения постоянно в мобильном состоянии этих средств, в интересах самих же предприятий. Будучи из'яты из оборота данного предприятия и помещены в государственно гарантированные процентные бумаги, средства эти могут быть в любую минуту мобилизованы для надобностей предприятия, независимо от того, в каком положении находится рынок производимых данным предприятием товаров. Таким образом, принудительное размещение этого займа идет по особой линии, а именно, по линии обеспечения длительных интересов нормального развития государственной торговли и промышленности и вообще государственного хозяйства.

Таким образом, и формы государственных кредитных операций, и методы их проведения, наконец, вся политика внутреннего государственного кредита ставили перед собой, помимо узко-финансовых и кредитных задач, более широкие, которые не только полностью совпадали, но и полностью отвечали в каждый данный период интересам государственного и хозяйственного строительства страны.

* *
*

Финансовое хозяйство должно всегда итти в уровень, а иной раз и опережать экономическое развитие страны. Правильная финансовая политика должна всегда ставить перед собой задачу отвечать соответствующими финансовыми мероприятиями на все изменения в области хозяйственных отношений в стране. Только такая финансовая политика будет отличаться активностью и творчеством, только такая финансовая политика может воздействовать на экономическое развитие страны в желательном направлении и в то же время являться отражением этого развития.

[1]) 21 февраля 1925 года СНК СССР признал необходимым прекратить на будущее время размещение государственных займов среди населения в обязательном порядке. С 1 марта 1925 года прекращено принудительное размещение Второго выигрышного займа. Таким образом, эти даты являются переломными в политике размещения займов среди населения СССР.

Начиная с 1922—23 г. финансовое хозяйство Советской Республики стало развиваться крайне ускоренным темпом в четырех главных направлениях: в направлении необычайно быстрого роста государственного бюджета и такого же роста местного финансового хозяйства, в направлении быстрого увеличения поступлений прямых и косвенных налогов и, наконец, в направлении изумительного роста денежного обращения в стране. Рост этот находится, конечно, в общей связи с политическим и экономическим развитием Союза ССР в течение последних нескольких лет.

20 мая 1925 г. минуло три года со времени издания первого декрета о первом государственном внутреннем займе — о выпуске первого хлебного займа. Три года, это—срок как будто совсем небольшой, однако, за эти три года в деле восстановления внутреннего государственного кредита, а также в деле приспособления этого кредита к быстро меняющимся условиям экономического развития Советской Республики,—уже сделано многое.

Со времени выпуска первого государственного займа Советской властью проведены уже следующие государственные кредитные операции:

Наименование займа.	Время выпуска займа.	Срок погашения займа.	Сумма займа.	Реализовано облигаций на сумму.	Выручено в милл. р.
1. 1-й хлебный заем	20/V—1922 г.	К 15/III—1923 г.	10 мил. пуд.	10 м. п.	7,7
2. 1-й золотой выигрышный заем	31/X—1922 г.	С 1/XII—1928 г. по 1/XII—1933 г.	100 мил. руб.	98,8 м. р.	86,6
3. 2-й хлебный заем	22/III—1923 г.	С 1/XI—1923 г. по 1/III—1924 г.	100 мил. пуд.	101,4 м. п.	
4. Платежн. обязательст. Центрокассы . .	Выпускаются ежемесячно, начиная с 1/III—1923 г.	Через 3 и 6 месяцев.	335,6 мил. р.	335,6 м. р.	317,7
5. Транспортные сертификаты .	26/VII—1923 г.	С1/III—1924 г. по 31/VIII—924 г.	24 м. р.	24 м. р.	24,0
6. Сахарн. заем .	15/XI—1923 г.	С 1/II по 30/IX—1924 г.	1 м. п.	1 м. п.	10,9
7. 8% золот. гарантийн. заем.	15/II—1924 г.	С 1/1—1926 г. по 1/III—1930 г.	100 м. р.	46,4 м. р.	45,4
8. 1-й крестьянский выигрышный заем . .	19/III—1924 г.	С 1/IV—1925 г. по 31/XII—1926 г.	50 м. р.	49,7 м. р.	42,3
9. 2-й золотой выигрышный заем	16/IV—1924 г.	С 15/III—1926 г. по 15/III—1933 г.	100 м. р.	67,6 м. р.	67,6
10. Новый выпуск крестьянского выигрышного займа	15/IV—1925 г.	С 1/IV—1926 г. по 31/XII—1926 г.	40,6 м. р.	В процессе реализации.	
11. Государственный краткосрочный 5% заем	23/II—1925 г.	С 1/IV—1926 г.	10 м. р.	10 м. р.	8,2

Таким образом, в течение трех лет Советской властью проведено в разное время, в разных условиях, в расчете на разные слои населения и на разный круг хозяйственных операций 11 внутренних государственных кредитных операций, на сумму 658,2 млн. рубл., из коих 294,2 млн. руб. остаются на 1 мая 1925 г. в качестве государственного долга.

Ясно, что, лишь опираясь на эти успешно проведенные операции, государство могло так легко отказаться от бумажно-денежной эмиссии для своих бюджетных надобностей, могло так успешно подготовить и провести реформу денежного обращения и в то же время проложить пути к восстановлению внутреннего государственного кредита.

Внутренний краткосрочный государственный хлебный заем или, как его принято называть, первый хлебный заем, был выпущен на 10 млн. пудов ржи, облигациями от 1 до 100 пудов, в период времени, следовавший непосредственно за голодным 1921 годом. Заем этот был выпущен в расчете на заинтересованность, с одной стороны, крестьянского, а, с другой стороны, городского населения, которое после кризиса голодного года, естественно, должно было стремиться застраховать себя в дальнейшем от голода. В условиях, когда крестьянское хозяйство за время падающей валюты и политики продразверстки превратилось в значительной степени в натуральное хозяйство, в условиях, когда заем этот был связан с продналогом и предоставлял крестьянскому населению ряд удобств и преимуществ, и в отношении его расчетов с государством по продналоговой его повинности, и в отношении перевода своего хозяйства с натуральных на товарно-денежные рельсы,—заем этот, естественно, должен был возбудить и он действительно возбудил интерес к себе со стороны рабоче-крестьянского населения страны.

Первый хлебный заем, будучи выпущен в ржаных единицах—пудах хлеба,—фактически реализовывался в обесценивавшихся совдензнаках и погашался или хлебом в натуре или в порядке приема казной облигаций займа в уплату или в счет взносов натурналога. Вследствие этого, непосредственные финансовые выгоды займа для казны несколько понижались, но поскольку в весенние и летние месяцы, т.-е. месяцы наибольшего сезонного сокращения в нашей стране товарооборота, извлекались из населения при помощи этого займа совдензнаки и поскольку, с другой стороны, этим путем представилось возможным сократить в эти наиболее трудные месяцы темп бумажно - денежной эмиссии,—заем этот имел громадное финансовое и хозяйственное значение как для страны, так и для государства.

Выгодность этого займа для населения и хозяйства обеспечивала возможность его реализации,—гарантировала успех этой первой Советской государственной кредитной операции. В условиях, когда население совершенно отвыкло за время революции от подобного рода операций государственного казначейства — это обстоятельство имело совершенно особое значение.

Декретом ВЦИК от 20 мая 1922 г. хлебный заем выпускался с 1 июня того же 1922 г., сроком погашения не позже 31 января 1923 г. [1]). Таким образом, заем этот был рассчитан на

[1]) Вследствие того, что значительное количество облигаций не было пред'явлено к погашению в срок, ВЦИК постановлением своим от 15 февраля 1923 г. продлил, в интересах мелких держателей облигаций, срок погашения займа до 15 марта того же года.

время не более 8 месяцев. Погашение займа фактически должно было начаться с 1 августа 1922 г., т.-е. через 2 месяца с момента его выпуска.

Первый хлебный заем был реализован в июле и августе на сумму 1.7 млн. руб., в сентябре на 0,8 м. р., а в октябре—на 3 м. р., в ноябре на 2 м. р. и в последующие месяцы по расчетам с контр-агентами 0,2 м. р., а всего на сумму 7,7 м. р.

Из сопоставления этих дат видно, что момент наиболее интенсивного распространения займа совпадал во времени со сроками поступления продналога. Это наводит на мысль, что облигации I хлебного займа приобретались, главным образом, в момент расчета с государством по продналогу, чтобы получить путем участия в реализации этого займа все те выгоды и все те преимущества, которые были связаны с этой кредитной операцией. Это подтверждается, между прочим, и тем, что I хлебный заем был почти полностью погашен путем взноса облигаций займа в уплату продналога. Таким образом, заем этот имел, как указано выше, не столько финансовое, сколько общехозяйственное и общегосударственное значение, но он в одно и то же время создавал перелом в отношении населения к кредитным операциям государства.

Второй по счету государственной кредитной операцией был— Первый государственный золотой выигрышный заем.

Успешное внедрение в течение 1923 г. в торгово-промышленный оборот страны червонца, наметившийся в связи с этим переход всего оборота на золотое исчисление и определившиеся контуры будущей денежной реформы дали возможность Советской власти воспользоваться золотой валютой для проведения второй государственной кредитной операции, рассчитанной на этот раз на мобилизацию отчасти уже имевшихся, а отчасти накапливавшихся денежных сбережений в городе.

Первый золотой выигрышный заем был, по существу, первым серьезным актом финансовой политики в области восстановления внутреннего государственного кредита и вместе с тем и первой крупной и долгосрочной кредитной операцией Советской власти. Заем этот был выпущен на сумму в 100 м. р. золотом, сроком на 10 лет из 6% годовых. Согласно декрета, реализация этого займа, оплата по нему процентов и погашение его должны были производиться в советской валюте по золотому курсу. Кроме того, ежегодно в течение первых пяти лет должны были производиться по два тиража выигрышей, а в течение последующих 3 лет по одному тиражу выигрышей. Погашение займа должно начаться с 1928 г. путем ежегодных тиражей погашения.

Первый выигрышный заем дал государственному казначейству возможность мобилизовать в течение 1923 и 1924 г.г. 98,8 м. р. номинальных. Из этой суммы в порядке добровольном было размещено облигаций на сумму 16,3 м. р., а в порядке принудительном—82,5 м. р.

Согласно декретов СТО от 4 сентября и от 9 октября 1923 года, частные лица, предприятия и организации одновременно с уплатой государственного подоходно-поимущественного налога и одновременно с выборкой патентов на право торговли и промыслов по промысловому налогу обязывались приобретать установленное специальной шкалой, применительно к разряду плательщиков налога, количество облигаций займа. Кроме того,

постановлением СНК от 18 сентября 1923 г. и 19 февраля 1924 г. подрядчики и поставщики обязывались принимать в счет причитающихся им по договорам платежей 15%, а комиссионеры 20% облигациями выигрышного займа. Таким образом, этими законодательными актами устанавливалось принудительное размещение этого займа.

7 сентября того же года постановлением СТО была установлена обязанность и для государственных, кооперативных и коммунальных предприятий приобретать известное количество облигаций выигрышного займа при выборке ими патентов по тому же промысловому налогу.

24 августа 1923 г. ВЦСПС, учитывая общефинансовое положение государства, обратился ко всем рабочим и служащим, членам профсоюзов, с воззванием о коллективной подписке на Первый выигрышный заем. В этом воззвании, между прочим, указывалось, что подписка эта должна производиться в пределах от 3 до 20%, в зависимости от суммы заработной платы каждого рабочего и служащего.

Никаких законодательных актов, обязывающих рабочих и служащих покупать облигации выигрышного займа, не было издано. Поскольку, однако, государственные, коммунальные и кооперативные предприятия стали получать из казны, в счет своих дотаций, облигации выигрышного займа из расчета, установленного ВЦСПС для добровольной и коллективной подписки, процента, постольку облигации эти стали выдаваться и этими предприятиями рабочим и служащим, в «добровольно-принудительном» порядке, который не мог, конечно, не привести к ряду нежелательных инцидентов... Размещенные, таким образом, облигации займа не были из'яты, подобно принудительно размещенным, из фондового и банкового оборота, наоборот, учреждения государственного банка развернули в широком масштабе залого-ссудные операции под облигации этого займа и, таким образом, создали условия, при которых каждый трудящийся мог легко, в случае нужды, заложить в банке свои облигации и в то же время участвовать в тираже выигрышей, приучаясь незаметно к операциям с облигациями займов.

Из всей суммы принудительно-размещенных облигаций Первого выигрышного займа—в 82,5 м. р.—среди трудящихся было размещено 49,5 м. р. Таким образом, в порядке государственного принуждения было размещено среди имущих групп населения 38 м. р. Если «добровольно-принудительная» покупка облигаций выигрышного займа со стороны рабочих и служащих являлась в условиях борьбы с бумажно-денежной эмиссией и подготовки денежной реформы еще одной необходимой жертвой революционного пролетариата в его борьбе за социализм, то 33 м. руб., извлеченных путем этого займа из нэповского накопления, плюс 67,6 м. р., полученных путем принудительного размещения Второго выигрышного займа, являются вкладом враждебного класса в дело строительства социализма,—вкладом, использованным против интересов этого враждебного класса, а в интересах революции.

Нынешние успехи финансового и хозяйственного строительства Советской власти вполне оправдали, с точки зрения общих интересов социалистического строительства, все эти чрезвычайные методы размещения займа,—они покрыли все минусы, неизбежно связанные с подобного рода реализацией государственных займов.

Первый хлебный заем, как известно, проложил дорогу и подготовил почву для других государственных кредитных операций, рассчитанных на деревню.

22 марта 1923 г. был выпущен 2-ой государственный хлебный заем на сумму в 30 милл. пуд. ржи. Второй, как и первый, хлебный заем был выпущен в ржаной валюте и имел податное обеспечение, т.-е. принимался в уплату реформированного продналога — единого сельско-хозяйственного налога. В отличие от 1-го хлебного займа, который был выпущен в совдензнаках по твердому, однажды установленному курсу, 2-ой хлебный заем был реализован в совдензнаках по подвижному курсу рубля, который менялся в зависимости от пояса распространения займа и сезонной цены хлеба. Этим путем государство в известной степени обеспечивало себя от того финансового ущерба, который оно потерпело бы при иной системе реализации займа.

Погашение займа должно было производиться по выбору самих держателей облигаций займа либо натурой, либо деньгами, либо путем уплаты единого сельско-хозяйственного налога. Этот заем так же, как и первый хлебный заем, давал возможность застраховать свои денежные сбережения от обесценения и использовать облигации займа в качестве зачетного свидетельства при расчетах с государством по основной крестьянской податной повинности—по единому сельско-хозяйственному налогу.

Первый хлебный заем был выпущен на сумму в 10 м. пуд. ржи, облигациями от 1 до 100 пуд. ржи, а Второй хлебный заем—на сумму в 30 м. п. ржи, облигациями от 1 до 10 п. ржи. Такое мелко-купюрное построение займа ясно было рассчитано на более широкие слои крестьянского населения. Успешная реализация этого займа побудила Советскую власть увеличить первоначально установленную сумму займа с 30 до 60 милл. пуд., а затем довести ее и до 100 милл. пуд. ржи.

Дооктябрьская Россия не обращалась со своими внутренними государственными кредитными операциями к деревне,—она, естественно, обращалась за кредитом к буржуазно-помещическим элементам страны, заинтересованным в укреплении представлявшего только их интересы государства. Рабоче-крестьянские сбережения улавливались ею при проведении внутренних государственных кредитных операций только попутно и то при помощи густо раскинутой сети государственных сберегательных касс. Вследствие этого, крестьянское население не имело в прошлом никакого опыта в деле государственного кредита и было совершенно незнакомо с этого рода операцией государства, поэтому у него, совершенно естественно, должно было быть известного рода недоверие к кредитным операциям государства, некоторая боязнь за сохранность своих сбережений в случае передачи их путем покупки облигаций государственных займов государству.

Незнакомство крестьянского населения с залого-ссудными операциями банков и с операциями фондовой биржи—с процентными бумагами, при незначительности крестьянских сбережений и, главное, при временном характере этих сбережений—должно было порождать у этого класса населения опасения, что помещение своих сбережений в государственные займы делает их неликвидными в нужный крестьянину момент, а несравненно более высокий, чем по государственным займам,—ростовщический процент

на ссудный капитал на крестьянском денежном рынке делает эти операции экономически для него невыгодными. Все это вместе взятое должно было до крайности затруднить приобщение деревни к государственным кредитным операциям. Эти трудности, казалось, были совершенно непреодолимы. Однако оба хлебных займа имели, как мы видели, громадный успех в стране и, в частности, в деревне. Успех этот, в известной мере, был, правда, обеспечен предшествующими годами голода, натуральной формой обложения деревни и, наконец, существованием в стране «военных денег»—совдензнаков, однако он обуславливался также и удачным выбором момента, условий и форм проведения этих кредитных операций. Как бы то ни было, именно эти займы и их успех проторили дорожку для дальнейших государственных кредитных операций в деревне.

2-ой хлебный заем окончательно закрепил перелом, происшедший у широких слоев крестьянского населения в отношении государственных кредитных операций и приобщил эти слои населения к кредитным операциям государства.

Даже если б эти займы и не дали бы государству тех финансовых результатов, на которые оно рассчитывало и которые оно получило, то и тогда следовало бы признать, что они были необходимы и целесообразны и по своим общехозяйственным и по своим общеполитическим результатам для государства. Именно, эти хлебные займы, в ряду других мер государства, дали, как мы видели в другом месте, возможность совершенно безболезненно совершить перевод деревни с натурально-потребительских на товарно-денежные отношения и найти в то же время в деревне группы держателей государственных процентных бумаг, возбудить у них доверие и интерес к государственным кредитным операциям и опереться на них при проведении там в дальнейшем кредитных операций. Все это, поскольку деревня по хозяйственной своей структуре менее подвижна, чем город, сулило и сулит государству возможность найти в дальнейшем в деревне более или менее постоянных и надежных держателей государственных процентных бумаг.

Согласно декрета СНК от 7 февраля 1923 г., начиная с 1 марта 1923 г., стали ежемесячно выпускаться краткосрочные обязательства Центрокассы НКФ. Выпуск их обуславливался необходимостью покрытия кассового дефицита государственного казначейства, который образовывался или мог образоваться вследствие несовпадения сроков поступления государственных доходов со временем производства крупных расходов по открытым, согласно сметам, кредитам. Обязательства эти должны были дать государственному казначейству средства для производства расчетов по открытым ведомствам, учреждениям и предприятиям кредитам, до момента поступления намеченных в бюджете государственных доходов.

Обязательства эти не могли выпускаться на сумму более, чем открыто кредитов по расходным расписаниям. Таким образом, краткосрочные обязательства Центрокассы обеспечивались, по существу, государственными доходами, которые должны были поступить в казну и которые предназначались, по сути дела, для покрытия предусмотренных государственным бюджетом расходов.

Выпуском обязательств Центрокассы преследовалась, главным образом, цель получить отсутствовавшие у государственного казначейства оборотные средства.

Выпуск краткосрочных обязательств Центрокассы НКФ производился в золотой валюте, сроком погашения через 3 месяца в совдензнаках по курсу дня оплаты. В случае непред'явления обязательств в срок к погашению, но ним начислялись 6% годовых. Этим создавались выгодные условия для застревания обязательств в обороте на более долгий, чем они были выпущены, срок,—это было, конечно, в интересах строительства государственного кредита.

Обязательства Центрокассы НКФ стали очень скоро привлекательным средством для помещения свободной денежной наличности учреждений и предприятий, они быстро вошли в оборот и завоевали себе, с его стороны, известное доверие. Рост этого доверия виден из следующей таблицы обращения обязательств:

Бюджетные кварталы.	Выпущено на сумму в м. р.	Погашено обязательств истекших сроков.	Осталось обязательств в обращении.
III кв. 1923 г.	3,3	—	3,3
IV „ „	26,1	3.2	22,9
I кв. 1924 г.	57,1	19,0	38,1
II „ „	110,6	43,3	67,3
III „ „	173,7	88 0	85,7
IV „ „	207,1	155,5	51 6
I кв. 1925 г.	260,5	211,8	48,7
II „ „	288,0	234.9	53,1
На 1 мая 1925 г.	335,6	269,7	65,9

Операция с краткосрочными обязательствами Центрокассы НКФ успешно выполнила и успешно выполняет до сих пор свое основное назначение—дать государственному казначейству оборотные средства.

После проведения денежной реформы краткосрочные обязательства постановлением СНК СССР от 13 и 15 декабря 1924 г. из беспроцентных были превращены в процентные бумаги, и, кроме того, согласно постановлению того же СНК от 16 сентября 1924 г., на-ряду с 3-месячными стали выпускаться и 6-месячные обязательства.

Выпущенные на небольшие суммы транспортные сертификаты и сахарный заем повторяли в общем опыт или хлебных займов или краткосрочных обязательств Центрокассы НКФ. Эти кредитные операции были так же хорошо, как их предшественницы, приняты оборотом. Реализация транспортных сертификатов дала в течение 12 месяцев 24 м. р., при чем стоимость кредита для государства равна лишь 2,4% годовых, а реализация сахарного займа дала казне беспроцентный кредит на срок от $6\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{2}$ месяцев в сумме 10,9 м. р.

Рынок денежных капиталов в нашей стране всегда отличался незначительностью обращающихся на нем капиталов.

Более или менее свободных, крупных частных денежных капиталов или вовсе нет в нашей стране или, если они и имеются, то они находятся пока вне рынка, тезаврированные в те или иные ценности. С этим обстоятельством все время приходилось очень и очень считаться. Почти все государственные кредитные операции, за исключением разве краткосрочных обязательств Центрокассы НКФ, и строились поэтому в расчете или на мелкие

сбережения, или в расчете на временно свободные капиталы мелкого оборота, ищущие или временной страховки от обесценения или других каких-либо выгод и преимуществ.

Новая экономическая политика Советской власти дала мощный толчок для развития народного, а также государственного и кооперативного хозяйства СССР. Промышленные и торговые, транспортные и кредитные, сельско-хозяйственные и строительные, страховые и сберегательные и вообще все государственные предприятия и учреждения в стране стали накапливать у себя сначала оборотные, а потом и запасные и резервные капиталы. Все эти, довольно крупные в наших условиях, средства стали мало-по-малу вовлекаться в оборот и тем получать несоответствующее ни интересам государства, ни самому характеру этих капиталов, назначение, или стали помещаться в краткосрочные обязательства Центрокассы НКФ, которые хотя и являлись беспроцентной до момента наступления срока их оплаты государственной бумагой, но зато страховали в условиях падающей валюты эти средства от обесценения. После проведения денежной реформы, краткосрочные обязательства Центрокассы НКФ из беспроцентных были превращены в процентные бумаги, но обязательства Центрокассы НКФ, как краткосрочная кредитная операция, не давали уже государству всего того, что ему было нужно и на что оно могло рассчитывать в условиях накопления государственным хозяйством новых капиталов.

В целях создания и обеспечения устойчивости наших торгово-промышленных и иных организаций, а также в целях создания условий, при которых резервные и запасные капиталы наших государственных учреждений и предприятий были бы в достаточно ликвидном состоянии, т.-е. таком состоянии, которое дало бы возможность в любой момент обратить их по прямому назначению, наконец, в интересах развития государственного кредита,—нужно было провести такую кредитную операцию, которая, с одной стороны, мобилизовывала бы все эти средства в руки государства, а с другой—обеспечивала бы указанные выше интересы государственных хозяйственных организаций и учреждений.

Такой операцией мог бы, естественно, быть только облигационный заем.

15 февраля 1924 г., согласно декрета ЦИК и СНК Союза ССР, был выпущен десятью сериями по 10 м. р. каждая, облигациями в 100 и 1.000 р. золотом, 8% внутренний золотой заем, сроком на 6 лет. Погашение займа должно производиться в течение 4 лет, начиная с января 1926 г., путем ежегодных тиражей погашения на сумму 25 м. р. золотом.

7 марта того же 1924 г. декретом ЦИК и СНК Союза ССР было установлено, что все государственные учреждения и предприятия, имеющие, согласно своим уставам или положениям, резервные и запасные капиталы, обязаны помещать таковые, в размере не менее 60%, в государственные процентные бумаги. Постановлением же СТО от 14 мая 1924 г. устанавливалось, что все эти учреждения обязаны помещать 60% своих резервных и запасных капиталов в облигации 8% внутреннего золотого займа.

Ликвидность резервных и запасных капиталов, помещенных в облигации этого займа, обеспечивалась при этом специально установленной законом гарантией, что НКФ или организует в

банках кредит под облигации 8% золотого займа, или выкупит эти облигации, как только интересы того или иного предприятия или учреждения потребуют мобилизации их капиталов, помещенных в эти облигации.

В соответствии с назначением этого займа и в соответствии с размерами капиталов, на которые он был рассчитан, облигации выпускались в достаточно удобной для их реализации купюре— в 100 и в 1.000 р. каждая. Приносимый ими доход был определен в 8% годовых, при выпускном курсе 96 за 100, что давало, в сущности, 9% годовых. Этим возбуждался особый интерес к этому именно займу.

В течение 1924 г. заем этот был реализован на сумму в 36,4 м. р. по номиналу, а в течение истекших четырех месяцев (январь—апрель) 1925 г.—на сумму 10 м. р. по номиналу. Всего, таким образом, реализовано пока облигаций этого займа на сумму в 46,4 м. р.

19 марта 1924 г. был выпущен 1-ый крестьянский выигрышный заем на сумму 50 м. р., купюрами в 1, 3 и 5 руб., сроком погашения с 1 апреля 1926 г. по 31 декабря 1926 г. Согласно условий займа, в течение этого времени должно быть произведено 8 тиражей выигрышей на общую сумму в 2 м. р., падающую на 177.280 выигрышей.

Крестьянский выигрышный заем был выпущен в период проведения реформы денежного обращения и отмены взимания в натуре единого сельско-хозяйственного налога в золотой валюте. Это обстоятельство лишало заем всех тех особых льгот и преимуществ, которые были связаны с натуральными хлебными займами.

Стремясь обеспечить дальнейшее развитие государственных кредитных операций в деревне и сохранить там завоеванное у крестьянских масс доверие к этого рода операциям государства, 1-му крестьянскому выигрышному займу нужно было присвоить такие выгоды и преимущества, которые обеспечивали бы Советской власти достижение поставленных себе в этом отношении целей. При выпуске 1-го крестьянского выигрышного займа Советской властью и был использован для этого опыт обоих хлебных и 1-го выигрышного займов.

1-ый крестьянский выигрышный заем, в расчете на привлечение сбережений крестьянского населения, выпускался, как и все прежние государственные займы, в мелких купюрах—в 1, 3 и 5 р. каждая. Кроме того, этому займу, как и прежним хлебным займам, придавалось налоговое обеспечение, т.-е. за крестьянским населением сохранялась возможность сдачи по нарицательной цене облигаций займа в уплату единого сельско-хозяйственного налога. Это обстоятельство дало государству возможность извлечь из крестьянского населения, путем этого займа, временно свободные у него средства и в то же время гарантировать ему возможность быстрой реализации помещенного в облигации займа капитала. Первое было важно тем, что приучало крестьянское население хранить свои свободные средства в государственных процентных бумагах,—этим облегчалось разрешение общей задачи создания базы для дальнейших государственных кредитных операций среди широких слоев крестьянского населения, и, кроме того, давало в руки государства еще одно средство для регулирования денежного обращения в стране, а второе было важно тем, что отвечало интересам крестьянского населения.

1-й крестьянский выигрышный заем был задуман, как длительная, т.-е. из года в год повторяющаяся, государственная кредитная операция, которая должна постепенно, по мере изменений условий крестьянского денежного рынка, превратиться из краткосрочной в долгосрочную. В целях создания условий для такого ее превращения заем этот предоставлял, вместо утерянных выгод, связанных с натуральным характером прежних крестьянских займов, новые выгоды, в виде выигрышей и процентов на капитал, вложенный в облигации займа. Эти выгоды займа должны были служить стимулом для удержания крестьянского населения от поспешной сдачи приобретенных им облигаций займа в уплату единого сельско-хозяйственного налога. Особой приманкой в этом отношении должны были служить выигрыши, в погоне за которыми часть облигаций займа должна была застревать в крестьянском обороте.

В отношении условий обращения, облигации крестьянского займа были поставлены в одинаковое со всеми другими государственными займами положение. Облигациям этого займа предоставлялось свободное хождение на рынке, они могли свободно продаваться и закладываться, они освобождались от налогов, кроме того, сделки с ними освобождались еще и от гербового сбора.

В условиях буржуазного окружения, Советская власть по необходимости должна строить свою политику в области восстановления государственного кредита на учете внутренних возможностей. В силу этого, приобщение к активному участию в государственных кредитных операциях 120-миллионной крестьянской массы населения представляет не только первостепенный финансовый, но и политический интерес.

Ссужая Советской власти свои сбережения на тот или иной срок, крестьянское население тем самым предоставляло государству определенный капитальный фонд, который оно могло использовать в интересах общегосударственного и общехозяйственного строительства, но, будучи в то же время заинтересовано в сохранности этих сбережений и в том, чтобы они были возвращены в срок, крестьянское население невидимыми финансовыми путями и нитями крепче связывается с своим рабоче-крестьянским государством, становится материально заинтересованным в его устойчивости, развитии, процветании и укреплении. Это не может, конечно, не отразиться на политическом положении государства как внутри страны, так и во вне—на международной политической арене.

Крестьянское население страны живо откликнулось на 1-ый и 2-ой хлебные займы и на 1-ый крестьянский выигрышный заем. В погашение продовольственного и единого сельско-хозяйственного налога поступило облигаций этих займов на сумму:

	Реализовано облигаций.	Поступило в уплату налога.	В %
1-й хлебный заем	10 м. п.— 7,7 м р.[1]	6,2 м. п.— 4,8 м. р.	62,0
2 й „	101,4 „ „—45,6 „ „[2]	80,5 „ „—36,2 „ „	79,4
1-й крестьян. выигрышн. заем.	— 49,7 „ „	— 40,6 „ „	81,7
Итого	— 103,0 „ „	— 81,6 „ „	69,2

[1]) Коэффициент перевода принят в 77 коп. за пуд, исходя из фактических поступлений.

[2]) Коэффициент перевода принят в 45 коп. за пуд.

Таким образом, не считая даже той части крестьянского выигрышного займа, которая безусловно застряла в крестьянском обороте, через крестьянские руки прошло облигаций 3-х государственных займов, рассчитанных на крестьянское население, на сумму 81,6 милл. руб., или 69,2% к общей сумме этих займов.

Эти данные определяют уже размеры того доверия, которое возбуждено и растет у крестьянского населения от одной к другой государственной кредитной операции.

Новый поворот политики Советской власти в отношении деревни, а также намеченные в самое последнее время мероприятия по поднятию благосостояния крестьянского населения, безусловно отразятся и на крестьянском рынке денежных капиталов. Улучшение материального положения крестьянского населения и улучшение на крестьянском рынке денежных капиталов создаст, в свою очередь, лучшие условия для проведения в еще более широком масштабе государственной кредитной операции в деревне.

16 апреля 1924 г. был выпущен 2-ой золотой выигрышный заем на сумму 100 милл. руб., из 6% годовых, сроком погашения, начиная с 15 марта 1926 г. по 15 марта 1929 г.

15 апреля 1925 г. был разрешен 2-ой выпуск крестьянского выигрышного займа на сумму 40,6 милл. руб., из 5% годовых.

2-ой золотой выигрышный заем так же, как и 1-ый выигрышный заем, был, главным образом, реализован путем принудительного размещения среди имущих слоев и групп населения. Таким образом, было размещено облигаций этого займа на сумму 67,6 милл. руб., или 67,6% общей суммы займа.

Согласно декрета от 21 февраля 1925 г., начиная с 1 марта 1925 г., прекратилось принудительное размещение этого займа. С этого времени реализация государственных займов, рассчитанных на массового держателя, поставлена в нормальные условия добровольного размещения.

Оба эти займа не внесли ничего нового в область развития политики внутреннего государственного кредита, так как оба они являются, по существу, продолжением опыта ранее выпущенных одноименных государственных займов.

* * *

Аннулированный Октябрьской революцией государственный долг старой России составлял на 1 января 1916 г.:

	Долгосрочными займами.		Итого
	Внутренними в милл. руб.	Внешними в милл. руб.	в милл. руб.
Сумма долга	4.464	4.060	8.524
Уплачено %	162,4	166,6	329,0

Государственный долг Советской республики составляет на 1 мая 1925 г. в милл. руб.

	Долгосрочными займами.	Краткосрочн. займами.	Итого.
Сумма долга	218,3	75,9	294,2
Уплачено %	13,0	3,2	16,2

Не говоря уже о том, что государственный долг дооктябрьской России образовался, главным образом, за счет государственных займов, использованных для империалистических целей буржуазно-помещичьего государства, а государственный долг Советской республики, составляющий всего лишь около 3,4% общей суммы государственного долга дореволюционной России, образовался за счет займов для производительных нужд страны,—одних только процентов на капитал царская Россия ежегодно уплачивала в размере 329 милл. руб., из коих 166,6 милл. руб. вывозилось за границу. Таким образом, только одних процентов вывозилось за границу немногим более половины того, что составляет весь государственный долг Советской Республики.

Здесь находится ключ к разгадке бешенства мировой буржуазии в отношении Советской республики.

Эта маленькая справка показывает, какие богатые возможности могут быть, при известных условиях, у Советской власти в области строительства государственного кредита внутри страны, в то же время она показывает, что сколь ни велики наши достижения в этой области, они все же очень малы в сравнении с теми, которых достигло буржуазно-помещичье государство. В то же время эти данные говорят еще и о том, сколь много нужно еще сделать, чтобы мобилизовать в распоряжение рабоче-крестьянского государства такие громадные средства. Какой громадный эффект они дали бы в области развития производительных сил и строительства социализма в нашей стране, нетрудно себе представить, если и с небольшими сравнительно средствами, в 658,2 милл. рубл., мобилизованными Советским государством, Советская власть обернулась так, что избавила страну и от падающей валюты, и от эмиссии денег для надобностей покрытия бюджетного дефицита, и в то же время использовала их в интересах крестьянского и всего народного и государственного хозяйства страны. В этой области стоит потрудиться!

Международная буржуазия отказывает Советскому государству в кредите, но оно уже получило его, а в дальнейшем еще больше получит его внутри страны. Вопреки международной буржуазии, Советское государство строит, быть может, медленнее, чем этого хотелось бы, и построит социализм!

А. Слепков.

Об одном политическом вывихе.

(Ответ «злому гению» рабселькоровского движения, т. Вардину).

У всякого нового движения, у всякого нового общественного течения имеется свой злой гений. На роль такого злого гения в рабселькоровском движении покушался т. Вардин.

Как всякий «гений», т. Вардин претенциозен.

В предисловии к своей книжке «Пресса большевизма» [1]) он пишет следующее:

«Большинство тех вопросов печати, из-за которых мы совсем еще недавно спорили, получило свое разрешение, но жизнь выдвинула новые спорные вопросы печати, прежде всего и главным образом, в связи с рабкоровским движением. Мы твердо убеждены, что наша партия этот вопрос может решить только в указанном нами направлении».

Тов. Вардин указал направление. Может ли партия выбрать еще какое-нибудь иное?

Как известно, расчет тов. Вардина не оправдался. Партия стала на ту точку зрения, которую подвергал обстрелу именно т. Вардин.

Некоторые товарищи могут сказать, что, пожалуй, излишне преодолевать точку зрения, которая уже отвергнута ЦК нашей партии.

Нам кажется, что все же известный интерес и некоторый политический смысл критика неправильных положений о рабселькоровском движении, несомненно, представляет, ибо в практике, правда, совсем единичных организаций существует система взглядов, развиваемая т. Вардиным. Кроме того, бесспорный интерес представляет и позиция т. Вардина с обще-методологической точки зрения.

Любопытно проследить, как критики рабселькоровского движения мыслят, как они подходят к вопросу и какие общие, свойственные еще некоторым членам нашей партии способы разрешения больших политических вопросов проявляются в положениях, критических замечаниях и рассуждениях т. Вардина.

«Какова была обязанность тех, кто стал во главе рабселькоровского движения? Они должны были понять исторический смысл рабкоровского движения и сознательно развивать и оформлять то совершенно правильные начала, которые стихийно были в него заложены. Они сознательно должны были взять курс на то, чтобы вырабатывать из рабкоров журналистов, писателей, критиков...»

«На деле курс был взят совершенно противоположный. На деле всячески пытались сузить роль и значение рабкорства, ограничить рабкора одними лишь функциями информатора о мест-

[1]) И. Вардин, Пресса большевизма, изд. „Прибой", Ленинград 1925 г.

ных делах. Стремление перехода от рабкорства к рабжурству было взято в штыки. Оно было об'явлено делом не совсем подходящим».

В доказательство своих положений неосторожный т. Вардин цитирует следующее место из речи т. Бухарина на I Всесоюзном совещании рабкоров «Правда»:

«Этот процесс (перерастания рабкоров в рабжуров) в известной мере неизбежен и выражает культурный рост соответствующих прослоек рабочего класса. Рабкоры учатся, пишут все больше и больше; писательство начинает превращаться в их основную работу, а затем и в «базис» их экономического бытия. Тогда наступает разрыв с производством и данный товарищ перестает быть рабкором, что, конечно, не мешает ему весьма полезно работать на другом поприще».

«Что же отсюда следует? Отсюда, а равно из всего предыдущего, следует и характер работы рабкоров над самим собой. Они должны учиться не только и не столько специфическим журналистским наукам (стиль и т. д.), сколько изучать саму рабочую жизнь, учиться подмечать то, чего не подмечали раньше, забираться во все щели, пользоваться и методами опросов, и обходами и частными анкетами среди рабочих и т. д. Это гораздо более благодарная, так сказать, «истинно рабкоровская» задача. Мы отнюдь не хотим сказать, что рабкорам не следует заниматься литературной выучкой. Это необходимо. Но очень часто за этой задачей забывают более рабкоровское, более основное. Есть много кружков по изучению литературы. А много ли добровольных кружков по изучению рабочих жилищ, или столовых нарпита, или новых обрядов, или роли пивных; много ли рабкоровских кружков, интересующихся рабочими-изобретателями, или героями труда, или историей той или иной фабрики? Жидковато на этот счет. А такая работа дала бы во сто раз больше рабкорам, да и газетам тем самым принесла бы крупнейшую пользу».

Утверждение ясное, точное, определенное, не оставляющее места двусмысленностям. Но т. Вардин весьма искусен. Он может из всякой цитаты с «неумолимой логикой» сделать выводы, которые ему выгодны.

«Вывод из этой большой цитаты,—заключает т. Вардин,—один единственный: истинно-рабкоровская задача совсем не заключается в изучении журнализма, литературы и т. д. Этим много занимаются другие. Рабкор должен быть исключительно информатором о местных делах. Приобщение к журналистским наукам, чего доброго, может еще испортить хорошего рабкора»

На каких наивных читателей рассчитывает т. Вардин? Не угодно ли сравнить нижеследующее:

Тов. Бухарин находит, что	*Тов. Вардин заключает на основании этого положения:*
«этот процесс (перерастания в рабжура) в известной мере н е и з б е ж е н и выражает к у л ь т у р н ы й р о с т соответствующих прослоек рабочего класса».	«Рабкор должен быть, по Бухарину, исключительно информатором о местных делах».
Тов. Бухарин пишет:	*Тов. Вардин заключает:*
«Мы отнюдь не хотим сказать, что рабкорам не следует заниматься литературной выучкой. Это необходимо».	«Приобщение к журналистским наукам, по Бухарину, чего доброго, может еще испортить хорошего рабкора».

Ловкость рук замечательная. Но какая же здесь логика? И на какого читателя она рассчитана?

Рабкоровское движение должно и будет выделять новые писательские кадры из рабочих. Рабкоровское движение неизбежно становится колыбелью свежих литературных сил. Этого процесса партийные организации задерживать не могут, не должны и не будут. Но не в этом основная задача, основной смысл рабкоровского движения. Тов. Бухарин и оба всесоюзных совещания рабселькоров при «Правде», а в последнее время и ЦК нашей партии, подчеркнули, что основной задачей рабкоровской организации является ее роль м а с с о в о й школы коммунизма. В этом новом движении важно именно то, что оно зачерпывает десятки и сотни тысяч из новых слоев рабочего класса; что, отправляясь от их повседневных интересов, запросов и стремлений, не пред'являя к ним каких-нибудь особенных, исключительных требований, оно приобщает к сознательной политической жизни, к участию в советском строительстве именно м а с с ы рабочих. В этом новом, удивительно интересном и важном движении замечательно то, что оно явилось новым приводным ремнем от партии к массам. Каждый чуть-чуть грамотный рабочий может стать рабкором; каждый рядовой пролетарий может написать в газету о недостатках в работе по строительству социализма; каждый скромный рабкор может своим пером указать тысячам читателей, что он считает необходимым предпринять для улучшения работы на его предприятии, на ряде предприятий в советской стране. В этом главная ценность и исключительное политическое значение рабкоровского движения.

В э т о м с м ы с л е рабкоровское движение можно сравнить с движением профсоюзов.

Профсоюзы об'единяют широкие массы беспартийных рабочих. Они занимают в различных сферах союзной работы, в разных совещаниях и комиссиях, в разных секциях и бюро при профсоюзах широкие массы членов своей организации. Эти работы в профсоюзах являются доступными для м а с с ы р я д о в ы х членов профсоюзов, на этих работах масса рабочих приобретает первичные навыки общественной работы. Именно поэтому Ильич назвал профсоюзы школой коммунизма. Но профсоюз не ставит своей задачей выработку из всех членов профсоюза юрисконсультов по охране труда, квалифицированных знатоков условий труда и т. д.

Такие, конечно, могут выработаться из единичных товарищей в процессе развертывания профсоюзной работы, такие выходят, но не выработка их является целью профсоюзной организации.

Профсоюзы были и являются м а с с о в о й школой коммунизма, умеющей заценить в свою работу р я д о в о г о рабочего с его примитивными знаниями, небольшими общественными навыками и тем уровнем культурности, который для него характерен в настоящее время.

Тов. Вардин негодует, он обижен на принижение роли рабкоровской организации. Он с серьезной миной предлагает каждому рабкору сделаться рабжуром. В своей суетливости он не может понять, что его постановка вопроса узкая, не широкополитическая, хотя он пытается обучить партию в этом вопросе именно «широко-политическому взгляду» на рабкоровское движение. Он так и пишет, этот «скромный человек»!

Когда Ильич говорил о необходимости обучения, культурного воспитания широких масс рабочих, ликвидации безграмотности вообще и политической безграмотности в частности; о том, что наш рабочий, несущий от капитализма тяжелое наследие невежества, должен обучаться элементам буржуазной культуры,— в это время небольшая кучка оторванных от рабочего класса интеллигентов пыталась втиснуть массовое культурное движение, к которому призывал Ильич, в пролеткультовское «Прокрустово ложе».

Каждый рабочий — это носитель новой пролетарской классовой культуры; каждый рабочий—это потенциальный носитель новой, никогда не существовавшей прежде культуры, не имеющей ничего общего с культурой старой — с этим выступил Пролеткульт.

Мы знаем на деле, что получилось из этих теплиц пролетарской культуры. Они засохли, как бесплодная смоковница. Иначе и быть не могло.

Узость, кустарничество, по сути дела, боязнь настоящей культуры. Неумение переварить богатейшее наследство культурной работы человечества за предшествующий период,—все это было характерно для пролеткультовской позиции.

И когда т. Вардин теперь, перед лицом массового рабкоровского движения, долженствующего воспитать сотни тысяч рабочих, пыжится создать особую теорию о рабкоровской организации, как о школе рабжуров,—он подменяет, по сути дела, широкую политическую постановку вопроса кустарно-пролеткультовской.

* * *

Сторонники точки зрения ЦК указывали Вардиным, что их стремление превратить рабкоровские организации в самодовлеющие об'единения рабжуров, по сути дела, есть ставка на образование особого профсоюза. Мы отмечали, что в методах работы профсоюза и рабкоровской организации есть общее; но вместе с тем мы подчеркивали, что все же это не профсоюз, а особая, совершенно новая организация.

Тов. Вардин прежде боялся развернуть свою перспективу с достаточной последовательностью. Теперь он договаривает до конца:

«Слепков считает, что мы ведем дело к созданию «особой сети рабселькоровских профсоюзов, со своей обособленной системой клубов и организаций, со своим районо, облбюро, своим ЦК». Слепков не замечает, что система рабкоровских клубов и организаций фактически существует, что существует суррогат и райбюро, и губбюро, и областного бюро, что существует даже суррогат ЦК. Да, мы стоим за большее организационное оформление рабкоровского движения, ибо знаем, что чем будет реальней организация, тем легче ею руководить, чем рыхлей и бесформеннее организация, тем больше она подвержена всяким оппортунистическим влияниям, уклонам и шатаниям. Мы за территориальное об'единение, что, разумеется, отнюдь не означает, что мы хотим форсировать дело создания тех или иных центров. Нам важен вопрос не о сроке, а о принципе. Потребуется ли создание областных и центральных бюро рабкоров? Возможно, что да, но что тут ужасного? Существуют же у нас десятки добровольных, строго централизованных организаций: Добролет, Доброхим, Совет физкультуры, Об-во «Долой неграмотность», ВАПП, Лига времени и т. д., и т. п.? Почему рабкоровское движение погибнет, если оно несколько более оформится? Мы думаем, что хорошее дело от хорошей организации только выиграет».

Тов. Вардин просто декретирует, он не потрудился вдуматься в возражения сторонников ЦК.

Ему возражали, что образование особого профсоюза рабкоров (читай: рабжуров) связано с отрывом рабочих, пишущих в газету, от тех профсоюзов, в которых они состоят по специальности, как рабочие. Рассчитывая на то, что наш горе-критик может учитывать, соображать, анализировать, ему указывали на то, что такой отрыв от своих производственных союзов означает отрыв рабочего от жизни своего предприятия, побледнение красок его корреспонденций, иссякание живой энергии и практического, в высшей степени ценного, подхода к вопросам советского строительства. Ему указывали, что рабкор ценен нам особенно потому, что, состоя в своем союзе, являясь прежде всего рабочим, он живейшими нитями связан с той заводской организацией, с той системой рабочей общественности, в которой он появился, зародился и развивается, как рабкор. Это—первое возражение против создания особого профсоюза рабкоров.

Во-вторых, организация самодовлеющих профсоюзов рабкоров означает отрыв последних от газеты, этого живейшего органа, в котором рабкор складывается как рабкор, не как «просто информатор», а как рупор рабочих масс, как критик отживающего старого и зодчий нового. Речь идет здесь об отрыве от газеты, которая является органом воспитания широких масс рабочих, в работе пером расширяющих свой политический кругозор, повышающих свое развитие. Если с этой точки зрения превращение рабселькоровской организации в особый профсоюз является вредным,—то что же в нем положительного? Всякая ли организация вообще должна быть нами приветствуема? А если в этой организации нет практического положительного смысла, то должны ли мы, как предлагает нам «организованный» т. Вардин, непременно строить эту организацию. Чем на практике, в действительности характеризуются зародыши профессиональных союзов, эти внегазетные губбюро и т. п., за которые так усердно ратует тов. Вардин? Бюрократизмом прежде всего.

В многочисленных корреспонденциях рабкоров с мест сообщается: эти «суррогаты» профсоюза, все эти внегазетные райбюро, губбюро, облбюро засушивали рабкоровское движение. Это были не органы воспитания, а органы штемпелизма, цензуры, препятствия для развивающейся, дружественной партии самодеятельности рабкоровских масс. Здесь кроили, резали, запрещали, накладывали вето, исключали, преследовали. Это был барьер для рабселькоровского движения; этот барьер при участии партии смяли, устранили—и правильно сделали. Но т. Вардин непреклонно стоит за организацию. Он всегда за организацию, за всякую организацию. Но не уместно ли здесь вспомнить вопрос, который Ильич ставил политикам с «дубовой логикой»: «что к чему»?

Трудно вы это понимаете, любезный...

Вардина, прямо-таки, забавляет, как товарищи, защищающие линию ЦК, не могут понять, что они наивны в своих утверждениях, положениях, позициях. Изволите ли видеть, они стоят за «организацию, в которой нет никаких признаков организации».

«Сущность этих уклонов (слушайте, слушайте: уклонов!) заключается в том, резюмирует наш замечательный критик, что рабкоровская организация лишается всех оснований, свойственных... всякой организации. Во-первых, рабкоры организуются не территориально, а вертикально вокруг данной газеты. Во-вторых, решения рабкоровской организации для членов этой организации не обязательны. В-третьих, никакой дисциплины в этой организации не существует. Такова организационная схема, принятая всесоюзным совещанием рабкоров».

Особенно мудро—это первое указание т. Вардина. Он, видите ли, за организацию территориальную, а всесоюзное совещание рабкоров требует для рабкоровского об'единения права экстерриториальности. Прямо восхитительно.

Когда мы говорим о необходимости организации рабкоровского об'единения при стенных газетах тех или иных предприятий,—а это об'единение является основным для всей системы рабкоровских организаций,—то т. Вардин находит, что мы, видите ли, против территориальной организации, как будто завод не может об'единять и не об'единяет рабочих по территориальному принципу.

Когда редакция губернской партийной газеты созывает при газете совещание рабкоров,—это нарушает принцип территориальности; когда эти собрания организуются отделом печати губкома партии,—принцип территориальности торжествует. Когда партийная редакция партийной газеты, пользуясь поддержкой и помощью партийных отделов печати, устраивает районные и губернские собрания своих рабкоров—здесь на-лицо все признаки нарушения территориального принципа; когда эти собрания рабкоров ряда газет созываются отделами печати—все в порядке. Право, эту экстерриториальность вы надумали, тов. Вардин.

Тов. Вардину, далее, трудно, представить, что рабкоровскому об'единению возможно воспитывать каждого рабкора только путем убеждения, морального воздействия, мягкими мерами, раз'яснениями. Он не может понять своеобразного характера, особого смысла рабкоровской организации, как об'единения товарищеского, воспитательного и притом совершенно нового типа.

«Только в христианских общинах первых веков можно было встретить такой мощный дух кротости и всепрощения».

Чудится нам, что именно организованный по вардинскому проекту рабкоровский союз очень смахивал бы на бюрократический монашеский орден.

«Никакой дисциплины не существует»,—с дрожью в голосе заявляет т. Вардин.

Существуют разные типы организаций, т. Вардин, и разного рода дисциплина.

Одно дело партийная организация. Здесь мы имеем дело с высоко-сознательными членами партии, имеющими большие права и обязанности, другое дело воспитательная организация, включающая довольно сырую массу рабкоров. Стоит ли здесь — в обстановке, когда рабкоров так часто преследуют, когда сплошь и рядом их запугивают, когда их перо еще не нашло твердости, когда они только нащупывают правильные пути в своей работе,—пугать их отлучением? Не лучше ли заняться их воспитанием?

* * *

В особое неистовство приходит т. Вардин, когда речь заходит о партийном руководстве. Он не считает лишним поучить здесь партию и заблуждающиеся ее руководящие органы. Ему уже приходилось однажды высказаться в литературе, что партия вступает на опасный путь, когда она доверяет дело организации рабкоров партийным газетам. Зачем поручать это дело газете, какой смысл создавать «средостение» между партией и рабкоровскими массами? Запомните: «средостение». Это излюбленное словечко тов. Вардина—пугало для слабонервных. «На рабкоровское движение,—пишет т. Вардин,—необходимо установить широкий политический взгляд... Вот почему перед ним необходимо ставить широкие культурные задачи и вот почему партия обязана взять это движение под свое непосредственное партийное руководство. Но Слепков ставит вопрос иначе: основную функцию политического руководства возьмет на себя газета, а частичную пропагандистскую роль будут выполнять партийные организации. Вот это и есть путь отрыва от партии рабкоровского движения, путь «независимости» этого движения».

Или несколько ниже:

«Превращать газету в организационный центр партия ни в коем случае не может. Обрастание некоторых наших редакций разного рода организациями — явление ненормальное».

Таков широкий политический взгляд т. Вардина.

Газета является в условиях диктатуры пролетариата мощным орудием политического воспитания широких масс, газета есть удобнейшее орудие партийного воздействия на массы. Вовлекая в газетную работу, подтягивая к сотрудничеству в газете все новые и новые слои трудящихся и, в первую очередь, рабочих, газета тем самым выполняет функцию одного из тех важнейших приводов от партии к массам, о необходимости и крупнейшем политическом значении которых в свое время говорил тов. Ленин. Тов. Вардин допускает только непосредственное партийное руководство рабкорами. Он считает недопустимым обрастание редакций разного рода организациями. «Явление ненормальное»—вещает он.

Здесь мы имеем дело с основным, программным тезисом тов. Вардина. Таким образом оформление культурной тяги рабочих масс при газетах, стремление их принять организованное участие в создании нового общественного уклада путем сотрудничества в газете т. Вардин считает явлением «ненормальным».

Можно же договориться до такой чуши! Правильным является только непосредственное партийное руководство рабкоровскими массами,—утверждает наш критик с «широким политическим взглядом». Но ведь, исходя из этой точки зрения, можно отрицать и необходимость такого мощного привода от партии к массам, каким являются советы. Советы—формально беспартийная организация, они в свою очередь обрастают какими-то там новыми организациями, именно они непосредственно захватывают массы в строительство социализма; с точки зрения тов. Вардина,

пожалуй, и советы—«средостение», ибо они стоят между партией и массами и «мешают» непосредственному партруководству. Или возьмите такое общественное явление, как школа. Школа, в конечном счете, руководится партией, но, конечно, она является формально беспартийным общегражданским учреждением государства. Но только круглый идиот станет утверждать, что обрастание школы в наших условиях различными культурными организациями, оформляющими тягу масс к просвещению, образованию, развитию,—можно считать ненормальным.

Повидимому, «ненормальность» характерна в данном случае не для типа взаимоотношений в советском обществе, не для общественного бытия, а для индивидуального сознания автора этого замечательного критического положения.

Абсурдность положения т. Вардина очевидна. Нельзя же, на самом деле, отсечь от газеты рабкоров, которые через участие в ней, на работе в ней воспитываются, получают определенное содержание и направление своей рабкоровской работы. Тов. Вардин склонен сделать маленькую уступку:

«Если бы Слепков сказал: политически-организационное воздействие на рабкоров должна осуществлять партийная организация, а пропагандистскую работу пусть попробуют вести редакции газет,—это еще можно было бы понять, по этому поводу можно было бы разговаривать, ибо это означало бы, что партия сохраняет за собою основную функцию политического руководства, поручая редакциям частичную, а именно, пропагандистскую функцию, да и то на определенных условиях и под особым контролем».

Здесь все поставлено с ног на голову. Разрешение большой политической задачи представляется т. Вардину в виде некоего фокуса-покуса. Почему бы, на самом деле, не превратить газеты в агитпропы, а разбор газетных заметок и воспитание рабочих на этом разборе поручить не газете, а партийному комитету? Поистине замечательно. Только опять-таки: «что к чему»?

Правда, тов. Вардин временами начинает чувствовать, что не все у него достаточно гладко. Ведь никто иной, как Ильич позволил себе смелость, не предугадывая грядущих возражений т. Вардина, говорить о газете, как об организаторе профессиональных революционеров. Тов. Ленин считал, что руководимая партией газета явится и действительно явилась прекрасным организатором партийных масс, газете доверялась в данном случае функция организации членов партии, а не только что беспартийных.

Тут уже нельзя не сконфузиться, и т. Вардин смущенно резюмирует свои рассуждения: «Вопрос не стоит так: об'единение рабкоров или вокруг газеты, или территориально. Вопрос ставится иначе: об'единенные вокруг своих газет рабкоры и селькоры одновременно, если хотите, дополнительно об'единяются территориально, чтобы установить тесную связь между разными отрядами рабкоров и партией».

Итак, товарищ Вардин разрешает газетам организовать рабкоров (то-то будет радость в редакциях газет!).

На минуту смягчившись, наш критик, однако, вновь ожесточается, остановившись на следующей цитате из постановлений всесоюзного совещания рабкоров по организационному вопросу:

«Связь парт'ячеек с руководящими органами низовых рабкоровских организаций (газета и редколлегия) совершенно нецелесообразно устанавливать путем обмена представительств, установления отчетности рабкоров и их организаций перед парт'ячейкой и ее бюро».

По поводу этой цитаты т. Вардин пишет:

«Здесь мы имеем не только независимость рабкоровской организации, здесь мы имеем попытку поставить газету и редакционную коллегию над партийной организацией, над партийной ячейкой. Организация рабкоров не обязана отчитываться перед ячейкой, а партийная ячейка обязана содействовать поднятию авторитета рабкоровской организации и отдельных рабкоров. Разве не ясно,—заявляет тов. Вардин,—что здесь уже рабкор, газетчик стоит над ячейкой, подминает ячейку под себя»?...

Самый сырой член партии, даже не прошедший школы политграмоты, поймет, что т. Вардин заблудился в трех соснах.

На самом деле, разве кто-нибудь и когда-нибудь отрицал и отрицает, что партийный рабкор за свое поведение в редакции газеты, за свою линию в рабкоровском движении отвечает перед ячейкой полностью и целиком.

Именно через этих партийных рабкоров ячейка должна воздействовать на рабкоровские об'единения. Но казенным способом, не путем мелочной опеки, не путем обязательных отчетов представителей рабкоровской организации, а путем идейного воздействия партийных рабкоров на беспартийных.

Только об этом идет речь и только так здравомыслящий человек понимает цитированное т. Вардиным место.

Если партийная ячейка отказывается от методов казенного отношения к рабкоровской газете, если она вступает на единственно правильный путь идейного руководства рабкорами через тех членов партии, которые одновременно являются членами рабкоровской организации,—то это, по Вардину, является стремлением к независимости рабкоровской организации, попыткой поставить рабкора над ячейкой и т. д. и т. п.

В этих страхах т. Вардина проявляется его удивительное безверие в партию, силу партийной ячейки, ее моральный авторитет, и одновременно штемпелистская натура нашего критика, рассматривающего вопрос через бюрократические очки.

В большой трепет повергает т. Вардина то обстоятельство, что рабкор «отчитывается перед массами», докладывает им о результатах своей работы, рассказывает им о газете, о задачах ее и достижениях.

Можно ли подозревать, что чудится т. Вардину за этим предложением? Об этом трудно догадаться. Не угодно ли:

«Апелляция к массе через голову партии, связь с массами помимо партии,—только слепые могут не видеть, куда это растет, какая основная политическая, в высшей степени опасная, тенденция здесь кроется!»

Что же можно возражать по поводу таких явных нелепостей? И откуда у т. Вардина такая массобоязнь?

* * *

Очень характерно, что т. Вардин ставит вопрос о рабкоре совершенно изолированно, отдельно от вопроса о селькорах. Сель-

кор его не интересует, он вне поля его зрения. И это не случайно.

Коль скоро мы поставим вопрос о методах воспитания селькоров, о вовлечении их в советскую работу, об организации селькоров,—как мы сразу же получим наиболее выпуклые, яркие, бесспорные, кричащие возражения фактов, опыта против тех позиций, которые занимает т. Вардин.

Здесь опасность оказенивания движения, вред организационного прикрепления селькоровских об'единений к партийному аппарату,—все это совершенно очевидно.

Особенно понятно это становится в настоящей обстановке оживления советов, расширения и углубления советской демократии.

Специфические особенности переживаемого нами момента вообще недоступны пониманию т. Вардина. Правда, он пытается установить связь между решением частного вопроса о рабселькорах с общим вопросом об опасностях текущего политического момента. Так в своей заключительной части он пишет следующее:

«Ошибки в рабкоровском вопросе вытекают именно из того, что т. Сленков и его сторонники ошибаются в определении характера основных черт текущего политического момента, в определении соотношений классов в современной исторической обстановке. Тов. Слепков отмечает, что в нашей резолюции по вопросу о задачах литературы обнаруживается полнейшее пренебрежение к тому факту, что власть уже в руках рабочего класса, что на очереди переделка поколений, эпоха строительства, а не «жми-дави». В чем тут ошибка? В непонимании того, что хотя власть уже в руках рабочего класса, но всесторонняя борьба за сохранение власти продолжается; в непонимании того, что строительство нельзя противопоставлять «жми-дави», т.-е. борьбе, что переделка поколений, что строительство это есть тоже борьба, только в новых условиях и в новых формах, что эта борьба не только не исключает, но предполагает политику «жми-дави».

Это классически ясно.

Тов. Вардин за «жми-дави».

Он пытается спельмовать, подменяя «жми-дави» борьбою.

Мы будто бы, отрицая возможность и целесообразность применения теперь методов «жми-дави», тем самым отрицаем вообще борьбу, в новых условиях и в новых формах.

Конечно, ни в какой мере мы этого отождествления «жми-дави» с борьбою не допускаем. «Жми-дави» есть пережиток военного коммунизма, «жми-дави» есть то старое, что хватает нас теперь за горло. «Жми-дави»—это отжившие традиции, которые мешают многим партийцам нащупать правильный путь работы в современных условиях.

«Мы развязали стихию частной собственности. На основе мелкого хозяйства растет капитал. При этих условиях, в особенности в период заминки в международном рабочем движении, колебания мелкой буржуазии, крестьянства, неизбежны, и тут пролетариат без политики «жми-дави», без осуществления своей полной диктатуры сохранить власть не сможет».

Других слов для нового периода, для новой эпохи тов. Вардин не нашел. Историческая полоса, в которую мы теперь вступили, это полоса массовой переделки крестьянского отсталого хозяйства, это полоса вовлечения крестьянской массы в

советское строительство, это полоса оживления советской организации. Значения этого периода, его роли, его смысла т. Вардин не понял. Когда во время последних перевыборов в советы, в целом ряде мест наблюдались сильный абсентеизм крестьянства на выборах и явления политики «жми-дави» со стороны партийных деревенских организаций,—союзный ЦИК по инициативе и предложению руководящих партийных организаций предложил произвести новые перевыборы в тех местах, где эти ненормальности имели место.

А умный критик в это время торжествующе припирает нас к стенке. У нас-де вредный строй мыслей. Нам кажется, что «на очереди переделка поколений, эпоха строительства, и тут можно пойти на некоторое смягчение в политике, тут можно позволить себе роскошь некоторого ослабления диктатуры, тут можно несколько полибералиничать, поиграть с организациями общественного мнения и т. д., и т. п. Из этой коренной ошибки вытекает частичная ошибка о рабкоровском движении».

Так заключает т. Вардин.

Нам думается, что эта последняя цитата, в которой проявляется полное непонимание нового курса нашей партии, всех тех постановлений, которые приняла последняя партийная конференция, с надлежащей четкостью и выпуклостью даст понять откуда растут нелепости т. Вардина в вопросе о рабселькоровском движении. Партия должна усилить свою работу, вопрос о партийном руководстве встает теперь острее, чем когда бы то ни было, но это руководство партия будет проводить в тех формах и такими методами, которые диктуются особенностями политического момента.

М. Питковский.

Некоторые недочеты работы профорганизаций.

Пробудившаяся широкая активность рабочего класса (на базе под'ема промышленности и общей материальной обеспеченности) находит свои выходы в целом ряде общественно-политических организаций. Важнейшее место среди этих организаций занимают профессиональные союзы.

Как организация, понятная и близкая для самых отсталых рабочих слоев, профессиональные союзы в данный период, период все возрастающей активности рабочего класса, приобретают исключительно важное значение. Каждая деталь профессиональной работы сейчас интересует рабочего, и к работе профсоюза рабочий стремится подходить по-хозяйски, критически, требуя во всем ответа и отчета.

Профсоюзы сейчас именно то место, где теснее всего смыкается рабочий класс и партия. Ошибки и перебои в работе на этом участке больнее всего для рабочего класса и его партии.

Искажение партийной линии в руководстве профессиональными союзами делает работу профсоюзов, этого приводного ремня от партии к массам, неверной, неправильной. Неправильное руководство со стороны профсоюзов рабочими массами, малоавторитетность профсоюзов, отсутствие живой тесной связи между профсоюзами и рабочими может создать расщелину, размычку между партией и классом. Массы, не удовлетворенные работой профсоюзов, могут пройти мимо них и тем самым пройдут мимо партии.

Правильное партийное руководство должно обеспечить правильное руководство массами со стороны профсоюзов. Тем более, что общие условия работы профсоюзов сейчас безусловно благоприятны. Переход на добровольное членство и увеличивающееся число членов профсоюзов говорят за то, что профсоюзы являются действительными организациями рабочего класса. Этому способствует и значительное оживление в работе самих профессиональных союзов. Связь с низовыми органами окрепла. Установилась необходимая четкость в работе.

Однако, целый ряд данных говорит нам о том, что профсоюзы еще не в достаточной степени овладели рабочей массой.

Политическое руководство со стороны профсоюзов может быть только тогда уверенным и твердым, если для рабочих масс ясно вырисовывается роль своих профессиональных органов в повседневной жизни, в частности в руководстве неизбежными экономическими конфликтами. И именно в этом вопросе дело обстоит далеко не благополучно.

Количество учтенных экономических конфликтов, хотя и дает значительное снижение за 1924 г. по сравнению с 1923 г., все же захватило довольно большие кадры работающих.

Политическо-воспитательная ценность или вред экономических конфликтов определяются в значительной мере степенью участия и роли в них профорганизаций.

По данным, полученным из ВЦСПС, 46% конфликтов на государственных предприятиях, не являлись предметом обсуждения в руководящих профессиональных организациях.

Согласно этим данным общее количество конфликтов на государств. предприятиях в 1924 году значительно уменьшается по сравнению с 1923 годом (с 286 до 132), но процент конфликтов, бывших без ведома, санкции и вопреки решению союза, повышается с 96,5% в 1923 г. до 98,5% в 1924 г.

Эти цифры говорят за то, что если профсоюзы на частных предприятиях и являются руководителями в экономических конфликтах, то на государственных предприятиях дело стояло и стоит значительно хуже. Руководство экономическими конфликтами на государственных предприятиях проходило и проходит сейчас в большинстве случаев мимо профсоюзов.

Вот как об'ясняют роль завкома на Иваново-Вознесенской фабрике в имевшей место недавно (май 1925 г.) забастовке рабочие:

«Происшедшая на Ив.-Вознесенской ф-ке заворошка,—говорит рабочий с ф-ки «Зарядье»,—об'ясняется тем, что союз наш тащится в хвосте у треста.

Фабкомы от рабочих оттолкнулись и не прислушиваются к их голосу, например, устанавливают нормы, с рабочими их не обсуждают, вывешивают об'явление, и тем дело кончается, а когда рабочий пойдет в фабком и указывает на невозможность выполнения такой нормы, фабком отнекивается и ссылается на союз. Идешь в союз, обещают прислать представителя. Долго не приходит... Наконец, пришел и... шмыг первым делом к директору, а потом уже к рабочим. И если бы союзы почаще устраивали собрания, то такой волынки не было бы...».

Рабочий со Старо-Дмитровской ф-ки выступает:

«Товарищи, мы толкались, толкались во все союзные организации... Никто ничего не сделал, и мы создали свою комиссию. Союз оторвался и не защищает интересы рабочих».

«В тех случаях, когда союзы пытаются урегулировать конфликт, это делается часто кабинетным порядком у директора без участия рабочих»,—говорит тот же рабочий. Не удивительно, что такие профорганизации почти никаким авторитетом не пользуются.

Нужно констатировать, что в важнейшем вопросе фабричного быта—о правильных, справедливых расценках работы—рабочие не всегда чувствуют профессиональные организации своими защитниками. Отсюда, совершенно неожиданно, выступают цеховые настроения: «идут,—сообщают с одного предприятия,—разговоры об организации цеховых профсоюзов, которые должны играть роль защитников рабочего для правильной оценки его труда».

Рабочий Больш. Кох. М-ры (Ив.-Возн. губ.) заявляет, при поддержке всего собрания, что фабком не нужен, ибо он не работает; если фабком не примет надлежащих мер, то рабочие будут вынуждены создать свой комитет.

Каково же участие профсоюзов в экономических конфликтах в тех случаях, когда они уже происходят?

Категории охваченных эконом. конф. предприятий и учрежден.	Число конфл. со сведениями.	Из них улажены:							
		Непосред. переговор. с наним.	Переговор. при участ. профсоюз.	Путем прим. разб.: В РКК.	Путем прим. разб.: В прим. камер. и т. суд.	Путем прим. разб.: В союз. органнз.	Путем разб. в КК, отд. тр. наркуда.	Прочими способами.	Стачечн. комитет.
1923 г.									
Государств. . . .	254	29	208	11	3	1	—	2	—
Прочие	117	3	97	1	5	6	4	1	
Всего . . .	371	32	305	12	8	7	4	3	—
1924 г.									
Государств. . . .	128	16	104	5	—	2	1	—	—
Прочие	86[1]	6	67	—	1	1	8	—	
Всего . . .	214	22	171	5	1	3	9	—	

Приведенная таблица указывает с несомненностью, что профессиональные союзы принимают активное участие в улаживании конфликтов, хотя процент конфликтов, ликвидированных самими предпринимателями и рабочими, без участия профессиональных органов, довольно высок, свыше 11%—в 1923—1924 г.г.

Надо, впрочем, заметить, что участие профсоюзов в ликвидации конфликтов не означает еще, что именно они вели за собой массу. Имеются случаи, когда на некоторых фабриках в число прочих требований в конфликте было требование переизбрать завком.

На другом предприятии во время конфликта на собрании фабкому не давали говорить, и в числе прочих требований было требование переизбрать фабком.

Такие случаи, впрочем, не единичны.

Каковы же причины, порождающие отрыв рабочих масс от профсоюзов? Несомненно, во главу угла нужно поставить неправильности партийного руководства, выражающиеся в стремлении местных губернских и нижестоящих парторганов окоммунизировать до максимума профессиональные органы. Целый ряд парторганизаций считает положение дел блестящим, когда % беспартийных в профорганизациях неуклонно уменьшается за счет членов партии. Так, в Рязани в президиуме губпрофсовета беспартийных 0%, Гусевский завком окоммунизирован на 80—90%, что не мешало, в скобках сказать, произойти там экономическому конфликту, в котором не малая вина лежит на этом окоммунизи-

1) Число экономических конфликтов в графах «прочие» и «всего» за 1924 г. на единицу меньше суммы конфликтов по всем группам соответствующего горизонтальиого ряда, т. к. был общий коифликт у совработииков и кожевииков.

рованном завкоме. Впрочем, в большинстве организаций надо отметить безусловно правильный подход к вопросу о беспартийной части профорганов.

Не безынтересно показать общую картину состава, по партийности, завкомов и фабкомов («Вестник Труда» за февраль 1925 г.):

Тип комитетов.		Вид комитетов.	% членов РКП: Среди чл. комитета.	% членов РКП: Среди освобожд. от др. работ.
Обслуживающие работников нескольких предприятий и учреждений.	Государственные	Фабзавком.	40,8	63,3
		Местком.	22,2	43,4
	Кооперативные	Ф.	33,3	60,0
		М.	26,1	38,1
	Частные	Ф.	29,2	70,0
		М.	10,7	28,6
	Смешанные	Ф.	36,3	59,8
		М.	23,9	41,2
	Итого . . .	Ф.	38,0	62,0
		М.	22,5	42,2
Обслуживающ. работников одного предприятия и учреждения.	Государственные	Ф.	48,6	69,7
		М.	24,1	45,6
	Кооперативные	Ф.	33,8	53,3
		М.	30,2	41,7
	Частные	Ф.	42,2	60,0
		М.	23,2	50,0
	Итого . . .	Ф.	48,0	62,0
		М.	24,6	45,4
	Всего . . .	Ф.	45,5	67,3
		М.	23,6	43,6

			% членов РЛКСМ	
Обслуживающ. работников нескольких предприятий и учреждений.	Государственные	Ф.	10,5	8,3
		М.	4,2	6,6
	Кооперативные	Ф.	—	20,0
		М.	15,2	—
	Частные	Ф.	12,5	14,3
		М.	16,5	14,3
	Смешанные	Ф.	7,6	3,3
		М.	6,5	5,2
Обслуживающ. работников одного предприятия и учреждения.	Государственные	Ф.	8,4	5,5
		М.	5,5	5,5
	Кооперативные	Ф.	8,8	6,7
		М.	3,0	2,8
	Частные	Ф.	4,8	—
		М.	1,1	—
	Итого . . .	Ф.	8,3	5,4
		М.	5,3	5,0
	Всего . . .	Ф	8,5	5,7
		М.	5,4	5,6

Как видно из таблиц, процент коммунистов и комсомольцев в фабзавкомах (без месткомов) 54% (45,5 членов партии, 8,5 членов РЛКСМ). Таким образом, на беспартийных в завкомах приходится 46%. Этот процент значительно понижается среди профработников, освобожденных от другой работы: коммунистов+комсомольцев 67,3% + 5,7% = 73%, т.-е. беспартийных всего 27%[1]).

Очень характерна приводимая ниже таблица состава комитетов, составленная по перечисленным выше 19 губерниям.

Состав комитетов.	Фабкомы:	
	Членов комитета.	Освоб. от др. работ.
% рабочих	82,0	79,1
% женщин	11,8	5,7
% член. РКП	45,5	67,3
% „ РЛКСМ	8,5	5,7
Средн. партст. (в год)	3,7	4,3
„ профстаж	1,8	2,3

Эта таблица показывает довольно высокий процент рабочих, как освобожденных, так и не освобожденных, чрезвычайно низкий процент освобожденных женщин и комсомольцев.

Данные состава ряда губернских профорганов дают для беспартийных колебание от 20 до 45%, а в некоторых ГСПС они фактически сведены к нулю. Так, Ульяновский ГСПС—0,0%, Псковский—2,0%, Питерский дает в последние выборы довольно высокий процент—21%.

Как исходная точка, такое соотношение между партийными и беспартийными явилось бы более или менее приемлемым, если бы, во-первых, некоторые губорганизации не ставили себе цели понижать процент беспартийных и увеличивать процент коммунистов, а, во-вторых, беда заключается в том, что эти более или менее условно приемлемые данные не характеризуют действительного участия не только беспартийных членов пленума в работе профорганов, но даже коммунистов и комсомольцев. Как общее правило, наблюдается тенденция к «узурпации» прав пленумов со стороны рабочего аппарата, и таким образом действительность представительства беспартийных в профсоюзных организациях еще значительнее уменьшается.

Вот некоторые данные по одной губернской профорганизации, характерной по только что разрешенным конфликтам и по «авторитетности» там профорганов. Партийный состав фабкомов по союзу в р а б о ч и х а п п а р а т а х за 2-ю половину 1924 г.: коммунистов и комсомольцев 94,3%, следовательно, беспартийных только 5,7%. В первую же половину 1925 года процент беспартийных поднялся до 12,3%.

[1]) Эти данные касаются следующих 19-ти губерний: Тверская, Алтайская, Архангельская, Ярославская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Донская, Казанская, Костромская, Кустанайская, Калмыцкая, Минская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Ульяновская и Череповецкая.

Данные же по Гусевскому райкусту, Харькову, Ульяновску, Ленинграду, Твери, Астрахани, Брянску, Владимиру, Орлу, Вологде и Омску дают довольно пеструю картину участия беспартийных в фабзавкомах—от 10 до 60%.

Очень важными для дела связи между рабочей массой и профорганизацией, авторитета последней являются общие условия и обстановка самих выборов в профсоюзные организации.

Считается своего рода «шиком» провести своих кандидатов не персональным обсуждением, а обязательно «списком». В этом видят и твердость (?) линии, и великую (но совершенно излишнюю) осторожность. В действительности голосование с е й ч а с списками—один большой сплошной вред.

Нередки случаи, когда кандидатура председателя или секретаря завкома обсуждается более или менее свободно только на бюро ячейки, уже на общем собрании ячейки кандидатуры бюро «не встречают возражений». Выборы председателя завкома проходят иногда до того «безболезненно», что не всякий член ячейки в состоянии вспомнить, давно ли сидит на председательском месте председатель завкома. Кстати сказать, вопрос о переизбираемости тоже довольно острый. Освежение руководящих работников идет довольно туго и совершенно прав рабочий-железнодорожник, выступавший на губконференции ж.-д. с указанием, что ребята засиживаются по 5—6 лет.

Утвержденные ячейкой кандидатуры в завком обычно очень легко проходят на общем собрании. Это об'ясняется двумя причинами, во-первых, в настоящее время почти на всех предприятиях имеется довольно компактная масса членов и кандидатов РКП. При общей пассивности всей массы, при голосовании, коммунистическая группа голосует более или менее дружно, и, во-вторых, авторитет партии в целом сейчас настолько высок, что беспартийная рабочая масса не всегда решается итти против официального предложения ячейки РКП. Хотя бывает и иначе. Вместо пассивного голосования, голосования списком, происходит деловая оценка всех кандидатов. Результаты бывают, обычно, в пользу партии в целом и против местной ячейки: рабочие выбирают «своих» коммунистов и проваливают коммунистов, выставленных ячейкой. Само собой понятно, что партийность предзавкома чрезвычайно важна, но это ни в коем случае не может оправдать тех парламентских и полупарламентских приемов, которыми пользуются ячейки для проведения своего кандидата. Нередки случаи, когда ячейки «штурмуют» беспартийного предзавкома и заставляют его снять свою кандидатуру. Или же переходят к саботажу уже выбранного беспартийного председателя низовой профячейки.

Сплошь и рядом рабочие не знают фамилии своего профуполномоченного, выбранного на общем собрании в с е г о з а в о д а. Хотя до сих пор практикуется изживающееся н а з н а ч е н и е профуполномоченных, малоавторитетность цеховых профуполномоченных, а иногда и просто незнакомство с ними, является причиной того, что институт профуполномоченных, сравнительно, впрочем, недавно введенный, пока еще не оправдал себя, хотя значение его несомненно огромное.

Вовлекая беспартийных женщин и комсомольцев в фабзавкомы, нужно стремиться к тому, чтобы сила самого факта нахождения беспартийных в этих организациях была бы удвоена, утроена тем, что именно э т и беспартийные являются доверенными лицами широкой рабочей массы. На практике же часто получается так, что даже о беспартийных кандидатах в завком рабочие узнают уже на самих собраниях.

В тесной связи с механикой выборов стоит и обстановка отчетности фабзавкомов перед рабочими.

Взаимозависимость механики выборов и обстановки отчетности очевидна. Казенные перевыборы рождают казенные отчеты, и, наоборот, казенные отчеты создают необходимость в формальных выборах. Такие «перевыборы» понижают сознание ответственности профработников перед широкими массами. Создается обстановка разложения органической работы. Руководители стремятся не к завоеванию авторитета среди рабочих, а направляют свои усилия на то, чтобы не портить личных отношений с руководителями парторганизаций, мол, «ячейка, или, вернее, бюро, не выдаст—свинья не с'ест»... и перевыборы обеспечены. На самих собраниях отчеты проходят вяло и утомительно. Рабочие только на общем собрании сталкиваются с цифрами, предварительное обсуждение отчета на более узких собраниях явление редкое. Собрания ограничиваются в таких случаях вопросами о целом ряде мелочей фабричного быта. Собрание успокаивают заверениями, голосуется заранее выработанная резолюция... и так до следующего собрания.

На-ряду с отчетностью вообще очень остро продолжает стоять вопрос о денежной отчетности.

Если принять во внимание частое использование профсоюзных средств иными организациями, то становится понятным, почему профсоюзы не всегда могут отчитаться без бухгалтерских манипуляций. Финансовый нажим со стороны агитпропов и местных советов является обыденным. Профсоюзные органы заставляют содержать дефицитные газеты, оплачивать командировки в деревни на перевыборы в совет, некоторые завкомы из союзных средств содержат секретарей ячеек и т. д., и т. п. Если к этому прибавить довольно большое количество растрат выборными или «полувыборными» профработниками, то нужно признать необходимость этому вопросу уделить особое внимание.

Два слова о кассах взаимопомощи. Касса взаимопомощи—один из важнейших очагов общественного развития рабочих масс. Своего рода протекторат профсоюзов над кассами взаимопомощи приводит на деле к полному обезличению кассы взаимопомощи. Растраты, плохо налаженная отчетность на основе плохой выборности деятелей касс создают ту же обстановку извращения партлинии.

Большое значение имеет недостаточное внимание профорганов к втягиванию безработных в профсоюзную жизнь. Наблюдается отрыв от безработных.

Все эти отрицательные явления профсоюзной работы, помимо причин, выражающихся в дефектах органической работы профсоюзов (формализм, казенный подход к рабочим), в значительной степени вызываются неправильными взаимоотношениями между партией и фракциями профсоюзов.

Фракции завкома, фабкома часто не существуют даже формально. Рабочий аппарат недостаточно считается с мнением всего пленума, а тем паче с беспартийными членами пленума. И у беспартийных членов выборных органов зачастую создается впечатление, довольно обоснованное, о предрешенности всех вопросов. Это может относиться не только к беспартийным, но и к рядовым членам партии местных выборных профорганов. Важные и вообще деловые вопросы решаются ячейками непосредственно

и в завкоме часто принимаются без всякого обсуждения. Предварительное обсуждение на фракциях завкома—явление редкое.

Мелочное вмешательство ячейки во все завкомовские дела обезличивает завком. Руководство, подлинное руководство со стороны ячеек имеется не всегда. Происходит как бы частичная замена профорганизаций парторганизацией.

Наблюдаются не менее вредные явления, но противоположного характера. Созданные фракции завкома, или даже вышестоящих профорганизаций, пытаются игнорировать ячейки и вообще парторганы и сносятся с вышестоящими фракциями профорганов. Например, губпрофсовет утверждает (!) протоколы фракций губотделов. Или же фракция обсуждает вопросы в ячейке, предварительно не обсудив их на пленуме, хотя характер вопросов позволяет их разрешать пленуму. Отдельные парторганизации отмечают отсутствие в работе фракций плановости и инициативы. Беспорядочность и случайность в работе явления не редкие.

Пленум фракции собирается два-три раза в год. Не удивительно, что парторганы, при довольно важных вопросах, не считаются и не спрашивают у фракции ее мнения. Работа фракции подчас носит узко-суетарный характер, в особенности в низовых организациях и очень часто не отвечает даже элементарным требованиям. Не редки случаи, когда руководители профорганизаций снимаются и назначаются без всякого ведома фракции профорганизаций. Дело тут, конечно, не только в недоговоренности с фракцией по поводу переброски профработника, хотя и это очень важно, но сам факт, что снятия выбранных законным собранием работников создают у широких масс впечатление о несерьезности выборов.

С мест поступают сведения, которые говорят не только о том, что игнорируются фракции, но что и решения профессиональных с'ездов и ВЦСПС некоторые парторганизации не считают для себя обязательными. «Так, губком одной из центральных губерний постановил недавно организовать в губернском городе упрофбюро и уотделение, не взирая на то, что всесоюзные с'езды профсоюзов категорически отвергли создание таких органов в губернских городах, где с этой работой справляются губпрофсоветы и губотделы.

Бывают случаи, когда уком назначает с'езд профсоюзов и утверждает состав упрофбюро, не согласовав этого вопроса ни с упрофбюро, ни с ГСПС, или заменяет упрофбюро уполномоченным ГСПС против воли последнего; когда губком обсуждает вопросы профсоюзного характера без вызова представителей ГСПС и т. п.

Ячейка одного завода обязала завком, прежде чем обсуждать план работы на фракции (!) завкома, утвердить его на собрании ячейки.

Кстати, бывают и неожиданности совершенно с другой стороны. У железнодорожников фракции профессиональных союзов заслушивают доклады о работе ячейки.

Такова пестрая картина местной партийной и профессиональной практики.

Непрерывный рост профсоюзов сигнализирует нам о возрастающем внимании рабочих к профсоюзам. Требования, пред'являемые рабочим классом к профсоюзам, усилились и стали строже, и прежний темп работы профсоюзов его уже удовлетворить не может.

Руководящие партийные и профессиональные организации уловили этот момент и успешно перестраивают свою работу. Но, на-ряду с этим, ряд организаций работает еще «по-старинке» и в таких случаях намечаются признаки отрыва выборных профорганизаций от широких масс.

Весь этот комплекс указанных нами дефектов страшно затрудняет руководство партии рабочим классом.

Совершенно очевидно, что труднейшая задача руководства многомиллионным крестьянством ни в какой степени не может быть разрешена без правильного руководства со стороны партии, в первую голову, рабочим классом через его профсоюзы.

Только теснейшая связь рабочего класса и партии может обеспечить вторую, более трудную задачу—руководства крестьянством. Партия эту задачу решит так, как учил тов. Ленин. На-ряду с более четким, крепким и гибким руководством партией через фракции, больше доверия к беспартийным широким рабочим массам, теснее связь, крепче ряды.

Б. Штейн.

Гарантийный договор.

(История и политика переговоров).

Переговоры о гарантийном договоре, имеющие место между Германией и союзниками—с одной стороны и союзниками между собой—с другой, невозможно рассматривать вне зависимости от всего комплекса вопросов, связанных с процессом медленной, но неуклонной ликвидации всей концепции Версальского мира. Эта ликвидация происходит в результате ряда причин, из которых едва ли не основными являются вмешательство Америки в европейские дела—с одной стороны и крушение финансового хозяйства Франции—с другой.

Взаимоотношения между этими двумя основными факторами международной политики последних двух лет и вопросом о гарантийном договоре будут ясны в результате исследования как истории, так и основных этапов этих переговоров, к изложению которых мы и считаем нужным перейти.

В чем же заключается самая идея гарантийного договора?

Следует иметь в виду наличность, по крайней мере, трех основных вариантов этой идеи.

Первоначальный французский проект имеет в виду гарантийный договор между Англией, Францией и Бельгией. Согласно французской точке зрения, этот договор должен гарантировать неприкосновенность франко-германской и германо-бельгийской границ, при чем гарантией их неприкосновенности является обязательство Англии выступить на стороне Франции и Бельгии в случае нарушения этих границ со стороны Германии. Именно подобного договора добивалась Франция как на самой Версальской конференции, так и на ряде других. Совершенно естественно, что подобный договор, налагающий на Англию тяжесть военного союза и связывающий ее таким образом определенной политикой, вызывал систематическое сопротивление с ее стороны. Договор в таком виде давал бы Франции (и соответственно Бельгии) мощного союзника в лице Англии на случай нападения со стороны Германии и в значительной мере развязывал бы как Франции, так и Бельгии руки. Между тем этот договор для Англии не представлял бы никаких специальных выгод, ибо, в случае нападения Германии на Францию или Бельгию, Англия могла бы присоединиться к этим странам и без такого договора, как это показали события 1914 г. Что же касается помощи Франции и Бельгии в отношении Англии, то совершенно невероятно представить себе в течение ближайшего периода Германию воюющей с Англией и не воюющей в то же время с Францией и Бельгией. Таким образом французский проект гарантийного договора, накладывая на Англию военно-политические обязательства,

Англии, как таковой, не давал ровно ничего. Английское правительство связывало этот проект гарантийного договора с вопросом о французских долгах Англии, видя в возможном согласии Франции платить свои долги известную компенсацию. Однако, по мере того, как финансовое положение Франции давало все меньше и меньше основания рассчитывать на возможность уплаты ее долгов, по мере этого у Англии падал интерес к французскому проекту гарантийного договора. Серьезным противником этого проекта являются также английские доминионы, чье влияние на внешнюю политику Англии, как известно, возрастает с каждым днем. Прямое указание на это отрицательное отношение доминионов к проекту англо-франко-бельгийского гарантийного договора можно найти в заявлении члена палаты общин Эдуарда Грига (либерала), сделанного им во время прений в парламенте 5 марта 1925 года. Григ доказывал, что Англия должна серьезно обсудить последние предложения Германии (о гарантийном договоре), которые, по всей вероятности, окажутся гораздо более приемлемыми для доминионов, чем первоначальный проект одностороннего договора без Германии. Точка зрения доминионов в отношении французского проекта представляется совершенно ясной, если принять во внимание, что доминионы высказываются решительно против всякой политики Англии, которая могла бы привести к новым обязательствам участвовать в том или ином европейском военном столкновении. В этом смысле их политика является выдержанно-пацифистской, поскольку речь не идет, конечно, о их собственных интересах. Есть указания на то, что в самом консервативном кабинете не существовало единства точки зрения по вопросу о первоначальном французском проекте и что в частности Чемберлен являлся сторонником англо-франко-бельгийского договора, между тем как Черчилль выступал сторонником гарантийного договора с участием Германии.

Таков первый вариант идеи гарантийного договора.

Второй вариант принадлежит Германии, при чем как предварительные переговоры, происходившие между Германией и Англией, так в особенности самая обстановка этих переговоров и роль, которую играл в ней английский посол в Берлине, лорд д'Абернон, говорят за то, что этот вариант является если не непосредственно внушенным Германии английским правительством, то во всяком случае безусловно с ним согласованным. Предложение, которое Германия сделала в конце января через английского посла д'Абернона, сводится к двум пунктам. Германия прежде всего предложила гарантировать настоящий территориальный статус на Рейне, при чем эта гарантия заключалась бы, по ее мнению, в том, что заинтересованные государства связывают себя взаимно обязательствами сохранять неприкосновенность настоящего территориального статуса на Рейне, что они, сверх того, совокупно и индивидуально гарантируют выполнение этого обязательства, и, наконец, что они будут рассматривать действия, направленные против указанного обязательства, как касающиеся их совокупно и индивидуально. В том же самом смысле заключающие договор государства гарантируют в этом пакте выполнение обязательства демилитаризировать Рейнланд, которое Германия приняла по §§ 42 и 43 версальского договора.

Таким образом можно констатировать, что в германском проекте (германским мы его называем условно, ибо правильнее было бы его именовать английским или же в лучшем случае германо-английским) имеются три мысли. Первая из них заключается в обоюдных, двусторонних гарантиях статус кво на Рейне, для каковой гарантии и заключается договор между всеми заинтересованными государствами, в том числе и Германией. Вторая мысль, теснейшим образом связанная с первой, заключается в обязательстве демилитаризации Рейнской области и, следовательно, лишении Франции возможности использовывать эту область для целей военного давления на Германию, и, наконец, третья мысль касается всех прочих соседей Германии, иначе говоря, Польши и Чехо-Словакии. Что касается этого вопроса, то в первоначальном германском проекте, представляющем скорее неразработанный набросок будущего проекта, эта мысль выражена довольно глухо. Там сказано, что Германия готова заключить арбитражные договоры, предусматривающие дружественное разрешение юридических и политических конфликтов со всеми другими государствами. Таким образом в этом первоначальном проекте Германия резко отличает регулирование вопроса о западных границах от регулирования вопроса о восточных границах. В то время, как для первого она выдвигает проект гарантийного договора, для второго имеет место лишь проект арбитражных (третейских) договоров. Характерно отметить, что, говоря об этих арбитражных договорах, январский меморандум германского правительства ни одним словом не упоминает о Лиге Наций и о каком бы то ни было взаимоотношении между Лигой Наций и подобными арбитражными договорами. Это необходимо отметить в связи с тем, что уже через месяц в предложениях Германии вопрос об этих арбитражных договорах начинает сочетаться с Лигой Наций и ее статутом.

Январский меморандум Германии был обсужден английским правительством, и лишь после этого германские послы в Лондоне, Париже и Брюсселе выступили с официальными предложениями гарантийного пакта.

В готовом виде предложения германского правительства были переданы союзниками 4 марта, т.-е. за день до выступления Чемберлена в палате общин. В то время, как первый пункт этого предложения, касающийся западных границ, остался неизмененным по сравнению с первоначальным вариантом, второй пункт, касающийся восточных границ, приобрел несколько другую форму и принял следующий вид: Германия обязуется добиваться пересмотра своих восточных границ только мирными средствами, т.-е. лишь путем непосредственных переговоров с соответствующими странами или путем применения статьи 19 устава Лиги Наций (как известно, статья 19 статута Лиги Наций дает право общему собранию Лиги по своей инициативе пересматривать договоры и соглашения, заключенные членами Лиги и угрожающие сохранению мира).

Первый же ответ французского правительства на это предложение Германии дает основание для начала построения третьего варианта гарантийного договора, варианта, который является комбинацией из первого французского проекта, плюс новеллы, касающейся, во-первых, восточных границ Германии, а, во-вторых, вступления Германии в Лигу Наций.

Первоначальная точка зрения кабинета Эррио, сформулированная им непосредственно после передачи германским послом гарантийного предложения, заключалась в следующих трех пунктах:

1) заключение военного соглашения между Францией, Англией и Бельгией и при том совершенно независимо от гарантийного договора; 2) вхождение Германии в Лигу Наций с принятием всех вытекающих из этого шага обязательств; 3) коренное изменение точки зрения Германии относительно будущих соглашений с Польшей и Чехо-Словакией.

Мы проследим теперь, как развивались переговоры между Францией и Англией по этому вопросу, при чем отметим уже сейчас, что эти переговоры шли параллельно рассмотрению двух других вопросов: 1) вопросу об очищении Кельнской зоны и 2) вопросу о вступлении Германии в Лигу Наций.

Французская точка зрения по вопросу о гарантийном предложении полностью была сконструирована в трех нотах, которые были переданы великобританскому правительству в течение первой половины мая.

В этих трех нотах французское правительство изложило следующие требования:

1) Франция полностью поддерживает незыблемость основ версальского договора и недопустимость какой-либо ревизии его.

2) В целях укрепления своей безопасности, Франция добивается заключения гарантийного договора между Англией, Францией и Бельгией, договора, в котором Англия берет на себя гарантию франко-германской и германо-бельгийской границы, с обязательством выступить на стороне Франции и Бельгии в случае нарушения этой границы со стороны Германии.

3) Франция проявляет полную непримиримость во отношению к выполнению Германией обязательств по разоружению, возложенных на нее версальским договором.

4) Из факта предполагаемого вступления Германии в Лигу Наций, а равно возможного заключения гарантийного договора с ее участием Франция не делает выводов о необходимости предоставления Германии каких-либо уступок в смысле обязательств версальского договора.

5) Франция рассматривает проблему безопасности границ западных и восточных в качестве единого целого.

В течение периода март—июнь между Англией и Францией происходил оживленный обмен мнений по поводу трех вопросов: 1) Очищение Кельнской зоны и связанного с этим вопроса о невыполнении Германией ее обязательств о разоружении, 2) О вступлении Германии в Лигу Наций и условия этого вступления, и 3) О форме и содержании самого гарантийного договора. Что касается первого вопроса, то, согласившись к 10 января 1925 г. с точкой зрения французского кабинета, которая связывала очищение Кельнской зоны с выполнением Германией обязательств по разоружению и этим фактически откладывала на долгие времена самое очищение Кельнской зоны, Англия пыталась в продолжение всего указанного периода лишь смягчить те требования, которые Франция намеревалась пред'явить к Германии по указанному вопросу. Эти усилия английское правительство проявляло в конференции послов, которая занималась выработкой текста общесоюзной ноты Германии по вопросу о разоружении. Английскому правительству действительно удалось значительно смягчить первоначальное содержание и тон французского меморандума, однако этот последний, будучи передан Германии 4 июня 1925 г., представляет собой, несомненно, победу французской точки зрения. Франция победила как по вопросу о связывании очищения Кельнской зоны с вопросами исполнения обязательств по разоружению, так равным образом и по вопросу о формулировке самих обязательств.

Что касается вопроса о вступлении в Лигу Наций, то, как известно, основными трудностями в этом вопросе были: вступит ли Германия в Лигу Наций до или после гарантийного договора—во-первых и условия вступления—во-вторых. Выше мы изложили точки зрения французского правительства на вопрос о времени вступления в Лигу Наций. Франция, безусловно, настаивала, чтобы Германия вступила в Лигу Наций до какого бы то ни было подписания гарантийного договора. Английское правительство первоначально, во всяком случае, считало возможным не ставить Германии условия вступления в Лигу Наций в качестве обязательного условия подписания гарантийного договора. Однако уже в конце мая в меморандуме, который был представлен Чемберленом английскому кабинету по поводу всего комплекса гарантийных вопросов, была высказана мысль, что Англия согласна, чтобы допущение Германии в Лигу Наций на равных основаниях с остальными государствами послужило предварительным условием предложенного гарантийного договора западно-европейских государств. Что касается условий вступления Германии в Лигу Наций, то по этому вопросу в течение всего указанного периода происходил обмен мнений между Германией—с одной стороны и Советом Лиги Наций—с другой. Так обстоял вопрос формально. По существу же обмен мнений происходил опять-таки между Францией и Англией. С самого начала переговоров об условиях вступления в Лигу Наций германское правительство выставило два таких условия. Первое из них заключалось в предоставлении Германии места в Совете Лиги Наций, а второе—в неприменении по отношению к Германии статьи 16 статута Лиги Наций. Первое условие Лигой Наций было сравнительно скоро принято, в каковом смысле и был редактирован ответ Совета Лиги Наций. Второе условие встретило сопротивление как Франции, так и Англии. Именно это второе условие—принятие на себя Германией обязательств участвовать в совместных действиях Лиги Наций, предпринятых по отношению к какому-либо государству—давало возможность Англии втягивания Германии в орбиту своей анти-советской политики, а Франции—возможность, в случае военного столкновения СССР с Польшей, пройти через германскую территорию для помощи Польше. Таким образом в этом вопросе в Лиге Наций между Англией и Францией был образован единый фронт. Первоначальная точка зрения германского правительства на проблему ст. 16 была выражена в явно категорической и отрицательной формулировке. Однако уже в своей речи, произнесенной в рейхстаге 18 мая, министр иностранных дел Штреземан по этому вопросу высказался несколько более сдержанно, заявив лишь, что «разоруженная Германия не может, подобно другим вооруженным государствам, принимать на себя какие бы то ни было военные обязательства». Это заявление звучит весьма неопределенно, особенно, если иметь в виду, что в последней ноте Лиги Наций от 13 марта по этому вопросу толкование ст. 16 дается весьма гибкое, позволяющее, во всяком случае, толковать обязательства, возлагаемые этой статьей на Германию, как обязательства невоенные и в то же время, само собой разумеется, привязывающие Германию. Само собой разумеет-

ся, что для Германии вступление в Лигу Наций, с распространением на нее ст. 16, будет означать серьезный политический шаг по отношению СССР. Вот почему германское правительство обнаруживает такую нерешительность. Таким образом между Англией и Францией по вопросу о вступлении Германии в Лигу Наций были в результате длительных переговоров согласованы следующие пункты: 1) Момент вступления. В этом пункте Англия приняла французскую точку зрения, отличающуюся в том, что Германия должна вступить в Лигу Наций до подписания гарантийного договора. 2) Одно из условий вступления Германии в Лигу Наций, а именно: предоставление ей места в Совете Лиги. Этот вопрос был решен положительно и можно предполагать, под давлением Англии. 3) Второе условие вступления Германии в Лигу Наций, а именно: распространение на нее ст. 16 устава Лиги. В этом вопросе, касающемся использования Германии в случае эвентуального конфликта с СССР, оба правительства проявили полное единодушие.

После всего изложенного остается рассмотреть еще одно и притом основное разногласие между Англией и Францией в вопросе гарантийного договора. Это разногласие касается восточных границ Германии. Точка зрения Франции по вопросу о восточных границах Германии была нами изложена выше. Франция прекрасно понимает, что угроза одному из ее союзников—Польше или Чехо-Словакии—означает угрозу всему версальскому договору и тем самым французской безопасности. Поэтому Франция добивается расширения гарантийного договора в этом направлении и старается доказать Англии, что и ее безопасность связана с Средней и Восточной Европой.

Английская точка зрения в этом вопросе все время была чрезвычайно последовательна. Начиная с первого заявления Чемберлена по поводу германского предложения, эта точка зрения все время отрицательна по отношению к расширению гарантийного договора и включению в него восточных границ Германии. В том же самом майском меморандуме Чемберлена, в котором выражено согласие на вступление Германии в Лигу Наций до подписания гарантийного договора, по поводу восточных границ высказана мысль, что Англия не позволит, чтобы ей были навязаны какие-либо военные обязательства в Восточной Европе путем связывания вопроса о гарантийном договоре с взаимоотношениями на Востоке. Правда, эта мысль была затем несколько смягчена заявлением, что, по мнению английского правительства, гарантийный договор не должен ослаблять силы статей версальского договора вообще и тех, которые касаются восточных и южных границ Германии, в особенности, однако, несмотря на это смягчение, основная мысль Англии в этом вопросе совершенно ясна. Она не хочет брать на себя никаких обязательств по отношению к восточным границам Германии. Эта точка зрения является результирующей двух основных линий английской политики. Первая заключается в определенном и настойчивом нежелании английских доминионов брать на себя какие бы то ни было обязательства по поводу конфликтов, в исходе которых они не заинтересованы. Заявления, сделанные представителями доминионов после опубликования известия о соглашении между Англией и Францией по гарантийному вопросу, убеждают нас в том, что давление доминионов в этом вопросе было весьма серьезным. Второй линией является стремление Англии добиться известного увеличения могущества Германии за счет ослабления французских вассалов—Польши и Чехо-Словакии. Это было бы невозможно, если бы Англия приняла на себя гарантию восточных границ Германии. Все сказанное позволяло Англии видеть свою собственную границу на Рейне, но отнюдь не продвигать ее до Вислы.

К началу июня переговоры между Францией и Англией относительно гарантийного договора вступили в новую фазу. 10 июня английский премьер-министр Болдуин заявил в палате общин, что английское и французское правительства пришли к полному соглашению относительно оснований и принципов этого вопроса, причем все позволяет рассчитывать, что Бельгия и Италия присоединятся к этому соглашению. Самое соглашение было опубликовано агентством Гаваса в следующем виде: Согласно общему взгляду Франции и Англии, в случае, если на границу Рейнской области, установленную версальским договором, будет произведено нападение, Англия предоставит в распоряжение Франции и Бельгии все свои военные, морские и воздушные силы. Что касается восточных границ, то Англия вновь подчеркивает свою верность положениям и обязательствам, предусмотренным версальским договором. Польские и чехо-словацкие границы остаются под защитой пакта Лиги Наций, значимость которого Англия, поскольку он ее касается, признает и подтверждает. Англия предоставляет Франции полную свободу придать тем своим обязательствам, которые общи всем членам Лиги Наций, такую форму, которая более всего ей подходит в интересах ее союзников, но в рамках пакта Лиги Наций. В случае, если ее восточные союзники подвергнутся нападению в предусмотренной выше форме, Франция будет в праве использовать демилитаризованную зону Рейнской области в качестве плацдарма в целях помощи своим союзникам. Германия сможет быть допущена в Лигу Наций только в том случае, если гарантийный договор, вполне соответствующий вышеизложенным условиям, будет ею подписан.

В этом сообщении Гаваса (кроме которого не было до сих пор опубликовано никаких официальных документов), имеется целый ряд неясных мест, давших основание английской, французской и германской печати комментировать положение изложенного сообщения в явно противоречивых выражениях.

Попытаемся проанализировать это сообщение о соглашении, сопоставляя его со всем ходом гарантийных переговоров.

В части, касающейся западных границ Германии, соглашение Чемберлена—Бриана представляет собой, несомненно, победу французской точки зрения. Франция добилась, повидимому, военной гарантии своих и бельгийских границ со стороны Англии. Это именно то требование, которое Франция пред'являла Англии, начиная с версальского конгресса и которое Англия упорно не хотела давать Франции без особой компенсации. В настоящий момент Франция это требование может считать удовлетворенным. Мало того, самая форма соглашения указывает на победу Франции и в другом вопросе: гарантийный договор относительно западных границ Германии будет осуществлен в форме договора между Англией, Францией и Бельгией. Лишь после этого к этому договору присоединится Германия. Именно о таком плане говорит Болдуин в цитированном выше заявлении.

Наоборот, по вопросу о восточных границах можно считать установленной победу английской точки зрения. Никаких гарантий

в этом вопросе Англия не дала, ограничившись лишь подтверждением незыблемости версальского договора и пакта Лиги Наций. Недаром французская печать подчеркивает, что Англия отказалась принять на себя какие-либо особые обязательства по отношению к восточным границам Германии. Англия предоставила Франции, опять-таки в рамках пакта Лиги Наций, заключить особые договоры о восточных границах Германии. Эти договоры, как раз'ясняет английская печать, мыслятся в виде арбитражных договоров, которые Германия должна заключить с Польшей и Чехо-Словакией. Таким образом, по существу в этом вопросе соглашение Чемберлена — Бриана приняло первоначальный тезис германского предложения об арбитражных договорах по поводу восточных границ. Значительно сложнее вопрос в дальнейшем. Что происходит, если один из восточных союзников Франции окажется в войне с Германией? Прежде всего лишь в том случае, если эта война произойдет в результате отказа Германии от арбитража и нападения ее на Польшу (или Чехо-Словакию), то в этом случае Англия оказывает Франции помощь, однако лишь в рамках статута Лиги Наций, т.-е. ст. 10 устава, предусматривающей случаи нападения на одного из членов Лиги Наций. Таким образом это обязательство Англии ничего не прибавляет к ее обязательству в качестве обыкновенного члена Лиги Наций. В случае наступления описанного выше нападения Германии на Чехо-Словакию или Польшу (при условии отказа от арбитража), Франция, на основе соглашения Чемберлена—Бриана, получает право использовать демилитаризованную зону Рейнской области в качестве плацдарма для оказания помощи своему союзнику. Неясность эта коренится, главным образом, в вопросе о том, получает ли право Франция использовать демилитаризованную зону совершенно свободно или же опять-таки в рамках пакта Лиги Наций? По этому вопросу существует значительное расхождение мнений. Так, французская печать склонна толковать это право, как безусловное. Она сомневается лишь в том, как следует толковать понятие «нападающий» в этом вопросе, и считает, что этот вопрос придется разрешить Лиге Наций. Английская печать в этом вопросе проявляет известную сдержанность и уклоняется от высказывания определенной точки зрения. Наибольшую тревогу, само собой разумеется, в этом вопросе высказала германская печать. Первоначально она поняла указанный пункт соглашения Чемберлена — Бриана именно в том смысле, что Франция, как таковая, получает право провоза своих войск через Германию. По этому поводу германская печать заявляла, что предоставление права прохода через Германию отдельной державе вместо Лиги Наций чрезвычайно затруднило бы переговоры о гарантийном договоре, не оставляя почти никаких надежд на успех этих переговоров. Через несколько дней германская печать поспешила раз'яснить этот неясный пункт соглашения. Корреспондент «Фоссише Цейтунг» сообщил из Женевы, что им получены личные заверения руководящих членов английской делегации, что Франция не получит права провоза своих войск через Рейнскую область, за исключением случаев, предусмотренных статутом Лиги Наций.

Совершенно очевидно, после всего сказанного, что вопрос продолжает оставаться неясным, между тем как толкование этого пункта имеет самое существенное значение. Если Франция получает право прибегнуть к санкциям только в рамках статута Лиги Наций, то это означает, что она может провести войска не в качестве самостоятельного акта, а лишь с единогласного вотума Лиги Наций, т.-е., иными словами, лишь с согласия Англии. Принципиальная разница, таким образом, совершенно ясна.

На основе состоявшегося между Францией и Англией соглашения (которое, как мы видели выше, оставило много вопросов нерешенными), 16 июня французский посол в Берлине передал министру иностранных дел Германии ноту, являющуюся ответом на первоначальное германское предложение о гарантийном договоре. Хотя эта нота официально передана от имени французского правительства, однако целый ряд ее мест прямо указывает на то, что ответ является коллективным от имени всех союзников. Эта нота содержит в себе ряд положений, которые, по мнению авторов, должны составить основу будущего гарантийного договора.

Прежде всего, раздел I ноты устанавливает, что гарантийный договор не может быть осуществлен без того, чтобы Германия не вошла в Лигу Наций на условиях, изложенных в письме Совета Лиги Наций от 13 марта 1925 г. (об этих условиях см. выше). Таким образом вхождение Германии в Лигу Наций является непременным условием гарантийного договора.

Раздел II ноты устанавливает, что никакие гарантийные и связанные с ним иные договоры не могут заключать в себе какого бы то ни было изменения или пересмотра отдельных положений версальского договора, равным образом не могут приводить к тому, чтобы союзные державы отказались от каких-либо прав, вытекающих посредственно или непосредственно из мирного договора.

Раздел III анализирует сущность германских предложений и приходит к заключению, что французское правительство не видит ценности нового торжественного подтверждения обязательств, уже изложенных в версальском договоре.

Одновременно раздел III указывает на то, что Бельгия должна быть помещена в числе государств, непосредственно заинтересованных в рейнском пакте, о чем немецкое предложение умалчивает. Равным образом, нота подчеркивает, что гарантийный пакт, заключенный на основе немецких предложений, не может нарушить ни ст. ст. мирного договора, относящихся к оккупации рейнских территорий, ни исполнения тех постановлений, которые будут по этому поводу включены в рейнское соглашение.

Раздел IV говорит об арбитражных договорах, которые Германия (помимо гарантийного договора, касающегося Рейна) должна заключить с Францией и Бельгией. По мнению ноты, эти арбитражные (третейские) договоры должны представлять собою естественное продолжение «рейнского пакта». Само собою, продолжает нота, эти третейские договоры должны распространяться на все случаи конфликтов между Германией — с одной стороны и Францией и Бельгией—с другой, при чем эти договоры позволят применять насильственные меры только на основании либо мирного договора, либо рейнского пакта, либо, наконец, на основании гарантии, взятой на себя какой-либо из договаривающихся сторон. Эти два арбитражных договора должны быть, в свою очередь, гарантированы сообща всеми рейнскими державами (т.-е., иначе говоря, Англией, и в этом смысл указанного пункта) и каждой из них в отдельности. Если же какая-либо из договаривающихся сторон, не прибегая

к враждебным действиям, не будет, однако, исполнять своих обязательств, решение по этому поводу, а равно и все необходимые мероприятия должен будет принять Совет Лиги Наций. Таким образом в арбитражных договорах между Германией—с одной стороны и Францией и Бельгией—с другой, главным гарантом (страхующим) является Англия. Она же в последнем счете (ибо решение Совета Лиги Наций должны приниматься единогласно и, значит, без согласия Англии такого решения принять будет нельзя) является верховным третейским судьей.

Раздел V ноты требует, чтобы Германия заключила подобные же третейские договоры со всеми государствами, которые не будут участвовать в заключении рейнского пакта, но которые подписали версальский договор (иными словами, речь здесь идет и о восточных союзниках Франции—Чехо-Словакии и Польше). При этом нота заявляет, что «всякая держава, подписавшая версальский договор, равно как и предполагаемый рейнский пакт, если она этого захочет, может сделаться гарантом третейских договоров между Германией—с одной стороны и Польшей и Чехо-Словакией—с другой. Иными словами, Франция дает понять, что таким гарантом (и, следовательно, верховным третейским судьей) этих договоров будет она, ибо, как мы видели выше, Англия ни в коем случае не будет гарантировать восточных договоров Германии.

Раздел VI говорит, что все предположенные договоры ни в коем случае не могут отменять прав и обязанностей членов Лиги Наций, вытекающих из устава Лиги Наций.

Наконец, раздел VII предлагает, чтобы все договоры одновременно вошли в силу, и добавляет, что если Америка захочет принять участие в гарантии указанных договоров, то Франция с радостью примет такое предложение.

Такова сущность последней ноты по вопросу о гарантийном договоре. Подобно сообщению Гаваса, цитированному нами выше, и эта нота оставляет ряд неясностей в отношении отдельных частей будущего гарантийного договора. Неясности эти, затрагивающие, казалось бы, детали соглашения, в общем и целом образуют основное темное пятно, расположенное в месте стыка англо-французских противоречий.

После всего сказанного, нельзя не признать, что переговоры о гарантийном договоре весьма еще далеки от своего завершения не только в части, касающейся переговоров между союзниками и Германией, но и между самими союзниками. Соглашение между Англией и Францией, заключенное в Женеве, и французская нота от 16 июня, составленная на основе этого соглашения, не могут рассматриваться иначе, как известный этап в ходе переговоров. Этот этап не следует считать сколько-нибудь прочной базой для последующих переговоров, ибо постоянное изменение соотношения участвующих в переговорах сил имеет тенденцию менять самую базу. Достаточно вспомнить, что начавшееся в Китае национальное революционное движение вызвало во французской печати требование компенсаций на Рейне в пользу Франции за предоставление последней, Англии, свободы рук в Китае. Равным образом не приходится сомневаться в том, что Англия готова (и, несомненно, сделает это) использовать затруднения Франции в Марокко с тем, чтобы добиться более выгодных для себя условий гарантийного договора.

Рассмотрим вкратце движущие мотивы поведения отдельных участников гарантийных переговоров.

Побуждая Германию сделать предложение о гарантийном договоре и всячески оживляя активность германской политики, Англия добивалась, несомненно, разрыва, намечающегося все яснее и яснее стремления германской тяжелой промышленности к соглашению с Францией. Приманкой для германского капитала, по мнению английской политики, могла служить та свобода рук, которую английский проект гарантийного договора готов был предоставить Германии на Востоке по отношению к Чехо-Словакии и Польше. С другой стороны, не менее серьезной целью английской политики вовлечения Германии в гарантийные переговоры являлось и является желание оторвать ее от «восточной ориентации», разорвать линию рапалльской политики и сделать из Германии орудие против СССР. Наконец, третьим, столь же важным, мотивом английской политики было и остается желание ослабить Францию путем отрыва от нее Чехо-Словакии и Польши, границы которых, по смыслу английского проекта, лишаются каких бы то ни было серьезных гарантий.

Основным движущим мотивом в гарантийных переговорах со стороны Франции было и остается желание получить гарантию рейнской границы со стороны Англии. Этот мотив является доминирующим во французской политике. Осуществление его даст возможность французской буржуазии, погружающейся все больше и больше в болото неизбежного финансового кризиса, сократить до известной степени бремя военных расходов и этим самым попытаться достичь бюджетного равновесия. Однако это было бы возможно только в том случае, если восточные союзники Франции, Чехо-Словакия и Польша, будут также обеспечены в своих нынешних границах. Отсюда требование французской политики распространить гарантию, кроме западных границ Германии, и на восточные.

Основной движущей силой, толкающей германскую внешнюю политику на гарантийные переговоры, являются настойчивые требования со стороны германской промышленности. План Дауэса, вливший в германскую промышленность живительную кровь иностранных кредитов, уже приводит к неизбежному тупику. Противоречия в нем, заложенные и коренящиеся в противоположность интересов финансирующих Германию иностранных групп, заинтересованных, таким образом, в развитии германской промышленности и промышленников этих же стран, начинающих уже страдать от конкуренции германской промышленности,—сказываются с каждым днем все ярче и ярче. Германская промышленность видит выход из этого противоречия интересов в виде непосредственного соглашения между ею и промышленным капиталом Франции и Англии. Как известно, двукратные попытки германской промышленности договориться с французской не привели к положительным результатам. Такой исход об'ясняется, в свою очередь, противоречием между интересами французской и английской промышленности. Известно, что почти готовое соглашение между Германией и Францией по этому вопросу, по требованию Лондона, было сорвано Францией. Точно также не привели ни к каким результатам попытки сговориться между Германией и английской промышленностью.

Толкая германскую внешнюю политику на заключение гарантийного договора, германская промышленность считает, что этот га-

рантийный договор послужит основой для будущих промышленных соглашений.

За спиной государств, непосредственно ведущих переговоры о гарантийном договоре, стоит Америка, которую французская нота с радостью приветствовала бы в случае согласия «великой американской нации» принять участие в гарантийном акте. В настоящий момент Америка довольствуется более скромной ролью инспиратора гарантийных переговоров. Американскому капиталу необходим гарантийный договор, поскольку все же он является известным «инструментом мира», ибо ему в настоящий момент необходим мир в Европе.

Такова краткая история и основные линии гарантийных переговоров. Международной политике придется еще много времени посвятить этой теме.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Спектатор.

„Стабилизация" капитализма или шатание мысли.

(Критика антикритики т. Лапинского).

Вопрос о стабилизации капитализма вызвал оживленную дискуссию и справедливо считается основным вопросом текущей политики. Выступление тов. Лапинского по этому вопросу вызвало, по его собственным словам, бесчисленные недоразумения. Это совершенно верно. Это подтвердят все, кому приходилось за последние месяцы сталкиваться с партийными кругами. Но кто в этом виноват, что тов. Л. так «неверно» поняли, так неправильно, «даже забавно» толкуют? Конечно, не зеркало?.. Так по существу начиналась всякая ревизия марксизма. На «недоразумения» ссылались все те, кто начинал ревизию Маркса и кого т.т. Плеханов или Ленин припирали к стене...

И т. Лапинский борется против того, как отражается «в кривом зеркале рутина, косность, банальная неподвижность революционной мысли». Задача важная, что и говорить, если революционная мысль обладает свойствами рутины и косности. Наш «новатор» видит в этом настоящую опасность для развития революционной идеологии. Так говорил в свое время и Бернштейн, начавши борьбу против марксистской ортодоксии, но т. Л. идет дальше и делает открытие, которое «менее всего предусматривал Маркс». Конечно, Маркс очень многое не досмотрел (и это констатировали уже до Л.), но меньше всего он предвидел, по словам Лапинского, что война приведет к валютному и кредитному хаосу. Бедный Маркс! Бедные его ученики, считающие его гениальным пророком развития и смерти капитализма...

Итак, мы имеем тут новое «открытие», которого пишущий эти строки посмел не признать, за что набросился на него с такой свирепостью т. Л. Каюсь, я до сих пор продолжаю упорствовать в своем непризнании этого открытия и смею свое суждение иметь о характере современного кризиса и современного политического положения. Но прежде, чем сказать несколько слов по существу—мы собираемся здесь теперь сказать только несколько слов, откладывая до другого раза более подробный анализ современного положения вещей,—позволим себе остановиться на нескольких возражениях тов. Лапинского против нашей критики его брошюры.

Не дожидаясь появления в печати моего доклада, прочитанного 14 марта 1925 г. в Комм. Академии и, кстати сказать, не встретившего там никакого возражения, т. Л. выступает против рецензии его книжки, появившейся в четвертом номере «Планового хозяйства». В докладе мы подробнее остановились на тех же вопросах, о которых

говорит в своей брошюре т. Лапинский. Относительно этой рецензии Лапинский выражается, что она полна «искажений, недоразумений и недомыслий». Что касается «недоразумений и недомыслий», то мы не единственные виновные в этом. Но что мы исказили мысли Лапинского, он ничем не доказал. В одном месте только он пытается обвинить нас чуть ли не в фальсификации, сравнивая нашу полемику с изготовлением «писем Зиновьева». По какому поводу такой гнев? Тов. Лапинский спрашивает, откуда я взял, что, по его мнению, капитал приостанавливает свое наступление на 8-часовой рабочий день. Тов. Л. в раздражении не вчитался даже в то, что писал я. На стр. 302 цитируемого журнала я писал: «Мы не думаем, что капитал удовлетворяется уже существующим положением вещей и приостанавливает свое наступление на 8-часовой рабочий день (см. стр. 36)». Открываем страницу 36 в книжке тов. Лапинского, и что мы там читаем?

«В области социальной (подч. нами), после отражения первого напора революционных волн, капитализм уже в основном (подч. нами) может удовлетвориться консервативными задачами (подч. нами), кое-какое уже упорядочение основных винтов и приводных ремней капиталистической машины дает возможность приступить к «решению» настоящих, материальных проблем».

Пусть теперь судит читатель сам, кто искажает, кто фальсифицирует. Если капитализм в основном может удовлетвориться консервативными задачами в социальной области, и приступить к решению других каких-то настоящих материальных проблем, то не следует ли отсюда, что социальная борьба ослабевает, что наступление капитала на 8-часовой рабочий день—основная социальная проблема на Западе—ослабевает? Нет, т. Л., ваша книжка является не предвозвестником «новой фазы империализма», а в известном смысле «новой полосы сотрудничества классов»!

Итак, обвинение в искажении мысли автора мы возвращаем обратно. И это мы делаем с полным правом, указывая на следующее полемическое возражение т. Лапинского. Приводя то место из нашей рецензии, где мы говорим:

«Если бы было верно утверждение тов. Лапинского, что так называемые «функциональные нехватки капитализма» преодолены, что стабилизирована валюта европейских стран, то тем самым вопрос о внешнем рынке, который на самом деле стал сейчас же после войны, был бы в значительной мере решен, поскольку он вообще может быть решен при капитализме: этим самым создалась бы возможность развития хозяйства и в европейских странах и расширения потребления продуктов заокеанских стран».

Из этой цитаты Лапинский взял только слова о стабилизированной валюте, выпустив все существенное в ней, нами подчеркнутое, и, совершив такой фокус, он заявляет, что, по моему мнению, отсутствие прочной валюты является единственным фактором расстройства рынка, затруднений сбыта. Прежде всего, если бы я это утверждал, то я бы стал на ту точку зрения, на которой стоял Лапинский, когда он написал свою книжку. Ведь именно он утверждал, что «функциональные нехватки капитализма» мешали постановке вопроса о рынке и что, только преодолев эти нехватки, можно приступить и к решению вопроса о рынке. Так ставил вопрос о рынке т. Лапинский; против этого я все время возражал, и теперь, не замечая того, что он сам себя опровергает, думая, что он возражает мне, он торжественно уличает меня в невежестве! Впрочем, дальнейшая цитата, которую приводит Лапинский, могла бы ему уяснить мою мысль, если бы он в пылу раздражения был бы вообще способен понять своего противника. Он цитирует следующее место из нашей рецензии:

«Мы считаем, что стабильной бумажной валюты нет и быть не может. Но с точки зрения Лапинского чрезвычайно странно говорить о стабилизации валюты и в то же время утверждать, что нет рынка для европейской промышленности». На этом он обрывает свою цитату. А дальше следует: «При отсутствии возможности сбыта, при не стабилизировавшемся хозяйстве—стабильная валюта?».

Итак, для нас стабильная валюта является выражением стабилизировавшегося хозяйства. Об этом скромно умалчивает тов. Л. Если это так, а нам кажется, что это именно так, то естественно, что при стабилизировавшемся хозяйстве вопрос о рынке становится относительно менее острым, чем при разваливающемся хозяйстве. И если верно было бы заявление т. Лапинского, что восстановлена валюта, восстановлен международный кредит, восстановлено единство мирового капиталистического целого и так дальше, то мы имели бы право думать, что европейское хозяйство и что вместе с этим основной вопрос современного кризиса приближается к своему решению. Тов. Лапинский вместо всего этого делает из сказанного следующее заключение: «Достаточно, мол, стабилизировать валюту и от этого волшебства развернутся рынки... больше для этого ничего не требуется». Как называть подобный прием полемики? Совершенно очевидно, что для меня стабильная валюта—выражение стабильного хозяйства вообще, которое является основанием развития рынка. Всякому далее ясно, что если я бы даже утверждал, что при отсутствии рынка нет стабильной валюты в такой вульгарной форме, как мне приписывает эту мысль т. Лапинский, то отсюда все же нельзя было сделать обратное заключение, что при стабилизации валюты создается рынок. Или т. Лапинский очень наивен в этом вопросе и думает, что мне неизвестно, как создается рынок в капиталистическом обществе, или он просто рассчитывал на то, что читатель не полюбопытствует ознакомиться с оригиналом рецензии, против которой он выступает.

Наивность тов. Л. доходит до того, что он, торжествуя, заявляет: «Итак, весь кризис современного капитализма есть чисто валютный кризис». После этого он пускается в длинную ламентацию насчет того, что это—представление буржуазных публицистов. Конечно, это чистейшая выдумка тов. Л. В этой рецензии, которая вызвала такой гнев тов. Л., было сказано:

«Правда, верно его (т. Л.) указание на то, что из войны главнейшие капиталистические страны вышли с производственным аппаратом, более широким, чем до войны. Верно и следствие, вытекающее отсюда, что производительная способность наталкивается на суженную покупательную способность населения. Отсюда и современный кризис. Но хозяйственный кризис именно тем и об'ясняется, что в настоящее время не происходит расширение

производственного аппарата, т.-е. постройка новых предприятий и т. д. Наблюдается теперь только использование старых предприятий с большим или меньшим процентом нагрузки, конечно, за немногими исключениями; последние, однако, не решают проблемы мирового рынка. Следовательно, мы имеем действительное перепроизводство в том смысле, что производственный аппарат превышает покупательную способность европейского и мирового населения, но отнюдь не имеем процесса расширяющегося производственного аппарата. Стадия расширения производственного аппарата означала бы стадию преодоления послевоенного кризиса, стадию повышающейся кон'юнктуры, когда борьба за рынок, как известно, ослабевает...».

Мы спрашиваем совершенно спокойно у читателя, можно ли отсюда делать тот вывод, что, по мнению Спектатора, кризис современного капитализма—чисто валютный кризис. Как квалифицировать подобное утверждение?

Мы переходим через многочисленные другие более мелкие, мягко выражаясь, «недоразумения» т. Л. Отметим только еще следующее: т. Л. утверждает, что, по моему мнению, капитализм беспрерывно падает и разрушается. Такое мнение нельзя было составить себе и по нашей рецензии, а в нашем докладе мы несколько раз подчеркнули ту мысль, что не утверждаем, «что мы переживаем после войны эпоху падения капитализма и так дальше, это было бы неверно». Ссылаясь на Ленина, я сказал, что «безвыходного положения» для капитализма вообще нет, что возможность выхода для капитализма дана. Нашу рецензию мы заканчиваем словами, что капитализм «еще не вышел из послевоенного кризиса. Он силится приобрести известную устойчивость, но решительного успеха в этом отношении еще далеко не имеет». Тов. Л. называет это наше заявление «пошлой филистерской фразой». Итак, с одной стороны, заявление о том, что попытки капитализма стабилизировать себя еще успеха не имели, является для т. Л. пошлостью, с другой стороны, он упрекает меня в том, что я будто бы того мнения, что капитализм беспрерывно сам отмирает и что нет никакой борьбы со стороны капитала за самосохранение. Впрочем, что наше это утверждение о том, что капитализм еще не выбрался из кризиса, было необходимо сделать, показывает не только сама брошюра Лапинского и вызванные ею «многочисленные недоразумения», но и известные течения в наших кругах, выражением которых явилась, например, статья в «Правде» тов. Литвинова. Нам кажется, что констатирование этого факта весьма и весьма важно. И дальше, наша попытка доказать, что «мы переживаем после войны эпоху наименьшей устойчивости положения, которую когда бы то ни было переживал капитализм», имеет огромное значение. Эту мысль мы старались доказать в своем докладе. Дальнейшему доказательству ее будет посвящена наша работа о послевоенном мировом хозяйстве. Для т. Лапинского это—снова филистерская пошлость. Для нас это—констатирование того факта, что никогда еще не было такой революционной эпохи, как теперь, после войны, когда капитализм не приобрел еще своей устойчивости и не в состоянии оказать такого сопротивления растущему революционному движению. Казалось бы совершенно очевидно, что вскрытие слабой стороны противника (неустойчивости занимаемой им позиции) и констатирование того факта, что занятая им в последние годы позиция все еще устойчива (хотя бы и в несколько меньшей степени), должно только укрепить в нас сознание необходимости более дружного напора сил против капитализма как раз в настоящее время. И нам кажется, что это может более содействовать уяснению революционного сознания и действия, чем «открытия» т. Л. и указание его на тот факт, что капитализму нужны рынки России и Китая, что из-за этих рынков возможна борьба и что «в системе взаимных отношений руководящих капиталистических держав пацифизм еще только обрел в Дауэсовской системе свой рабочий механизм и сохраняет свой верховный закон в англо-американском сотрудничестве». Нам кажется, что этот «пацифизм» и это «англо-американское сотрудничество»—перспективы далеко не революционного характера. Но, к счастью, они больше плод слишком смелых обобщений разных политиков, чем действительные факты. Когда мы выступили против т. Лапинского, хозяйственное положение капиталистических стран как-будто укреплялось; но уже тогда мы предсказали новый кризис уже в течение 1925 г., который теперь несомненен. Может быть, т. Л. будет отрицать и теперешний кризис, как он его отрицает для 1924 года? Очевидно, мы видим вещи различными глазами, и сокращение производства на 50 и больше процентов для некоторых «оптимистов» представляет только кон'юнктурное колебание; для нас наступающий кризис—лишнее подтверждение неустойчивости капитализма, как вся эта полемика—отражение с известной точки зрения той же неустойчивости, то поднимающейся, то опускающейся волны капиталистического развития...

P. S. Еще несколько слов по личному поводу:

Тов. Л. ошибается, предполагая, что я имею какую-то «свою» теорию денег. Нет, я держусь только одной теории — Маркса и, исходя от нее, я не считаю бумажную валюту стабильной, не могу разделить взгляда сторонников Рикардо, что стоимость золота зависит от его количества в стране («золотая инфляция»).

Что касается «петитной мудрости» в «Neue Zeit», то я на самом деле очень часто писал в этом центральном органе международного рабочего движения до войны, в котором участвовали все лучшие наши товарищи, и не только «петитом», но и «корпусом», и очень много печатался, гораздо больше, чем окончательно сразивший меня этим ироническим напоминанием т. Л. Но под «петитной мудростью» тов. Л., очевидно, понимает нашу критику буржуазных и социал-патриотических учений, критику, которая велась в этом журнале по большей части в форме рецензий новых книг. «Непомнящие родства» могут теперь высмеивать ту безусловно важную борьбу против буржуазных идеологий, которая велась на страницах этого журнала и, между прочим, и в рецензиях...

Дм. Бухарцев.

О „новой фазе“ и стабилизируемых „революционерах“.

О, эта скромность!

Мы вполне сочувствуем тов. Лапинскому, когда ему сейчас приходится защищать то, что он писал в декабре прошлого года. Мы уверены, что в апреле или мае 1925 года тов. Лапинский вряд ли решился бы обнародовать свой «скромный» труд о «Новой фазе империализма». Нельзя же в самом деле в декабре предугадать то, что будет в мае, особенно нам, простым смертным, или, как вполне резонно уверяет Лапинский, «в ущерб нашему самолюбию», не «китам». Кто мог знать, что, несмотря на «приведение в относительный порядок международного капиталистического механизма, оборота и обмена, упрочения валют» и прочего благоденствия, о котором жирным шрифтом пропечатано па тридцать второй странице книжки тов. Лапинского, хозяйство крупнейших капиталистических стран—мировое хозяйство—окажется снова в стадии сильнейшей депрессии.

Вообще механика мирового хозяйства—хитроумная штука. Как будто все стабилизуется, а глядь не успели еще набрать статьи с самыми розовыми надеждами на стабилизацию, как все полетело вверх тормашками, и приходится, как нашему бедному другу тов. И. Литвинову, выслушивать отеческие наставления тов. Варги (см. «Правда» от 23 июня) на тему о том, как не надо писать о мировом хозяйстве

Где тут в декабре предугадать, что будет в мае!

Тов. Лапинский защищается. Он, понятно, защищает не себя, не свою концепцию (слово, которое почему-то очень не нравится тов. Лапинскому). О, нет! Он защищает «революционную идеологию» от «рутины, косности, банальной неподвижности революционной мысли» и прочих смертных грехов.

Для этой цели мобилизовано все: цитаты Сталина; констатации Варги; «скромные» намеки на то, как тов. Спектатор, так и автор этих строк, выражаясь высоким штилем тов. Лапинского, «грациозно перевели» «слонов» тов. Л. за нашу перегородку; халат, туфли и приват-доцентская мудрость тов. Спектатора, воспоминания о его литературной деятельности и тому подобные аргументы, так сказать, ad hominem. Как видите аргументы, имеющие самую тесную связь с мировым хозяйством.

Вообще тов. Лапинский очень снисходительно относится к нам, «меньшой братии», и чувствуется, что только неусыпные заботы о чистоте «революционной идеологии» заставляют его взяться за перо и воздать должное еретикам, смевшим усомниться в святых истинах стабилизации.

Как это ни странно, но тов. Лапинскому не нравится наша скромность, и он чрезвычайно едко о ней отзывается, в скобках и даже с восклицательным знаком. Сам же тов. Лапинский скромен, аки дева младая: «Небольшая брошюра» (стр. 82), «маленькая брошюра (стр. 88), «скромная попытка показать...» (стр. 95), «конечно, эта брошюрка является не более, как маленьким скромным эскизом» (стр. 95),—и вообще-то «развитые в брошюре весьма бегло мысли» автор обещает еще развить на страницах «Большевика».

Действительно, какая несправедливость! Написал почтенный уважаемый товарищ «скромный труд», имеющий целью всего лишь на всего открыть «Новую (!) фазу (!) империализма» и восполнить пробелы недоглядевшего кой-чего старика Маркса, а в Москве какие-то «революционные консерваторы» «нагородили заросли искажений и недоразумений», пробираться через которые приходится, а главное «возможно быстрее», тов. Лапинскому.

Эта быстрота и натиск соответствующим образом и отразились на убедительности статьи тов. Лапинского.

Тов. Лапинский выпустил книжку «Новая фаза империализма и ее экономические источники», которая, как мы уже указывали в нашей статье-рецензии в восьмой книжке «Большевика», является основной работой в области обоснования пресловутой «стабилизации» мирового хозяйства.

Тов. Лапинский является отцом стабилизации, которая в различных вариациях «относительной», «временной» и т. д., стала почти каноном. Какой уважающий себя секретарь ячейки не показывает своей образованности, начиная свой доклад с канонической стабилизации. И в то же время, по какому вопросу у нас есть столько неясности и взаимного непонимания, как в этом «проклятом вопросе». И в значительной степени вина за это падает на тов. Лапинского, поставившего с самого начала проблему на голову, упрятав в укромный уголок ноги.

У нас вообще мало товарищей, работающих непосредственно над вопросами мировой экономики и ведущих изо дня в день слежку за всеми большими и мелкими событиями, происходящими в мировом хозяйстве. Совсем мало у нас этих товарищей, обладающих серьезной марксистской эрудицией, практическим жизненным опытом и умеющих обобщать отдельные факты и события.

Поэтому особая ответственность ложится на тов. Лапинского, Варгу и еще, может быть, двух-трех товарищей, занимающихся исключительно детальным анализом мировой экономики и политики.

Ни руководящая головка нашей партии, ни высший актив партии, не говоря уже о середняке и низах, не имеет ни времени, ни возможности штудировать динамику мирового хозяйства. Эта обязанность ложится на вас, тов. Лапинский, и других товарищей.

Вот почему особые требования следует пред'явить к вашим, даже «скромным», трудам.

К чему, собственно говоря, сводятся наши разногласия с тов. Лапинским? Речь идет не столько о «мифологической» «стабилизации», сколько об одном конкретном вопросе, выдвинутом т. Лапинским в его книге.

Это вопрос: накопились ли в мировом хозяйстве какие-либо существенные факты, позволяющие

говорить о «новой фазе» империализма, о ликвидации кризиса мирового хозяйства.

В нашей статье о «пафосе восстановления мирового хозяйства» мы пробовали доказать, что все доводы, приводимые тов. Лапинским, недостаточны для того, чтобы прокламировать новую фазу империализма.

Мы полагали и полагаем, что нельзя говорить о каком-либо серьезном переломе в мировом хозяйстве на основании нескольких разрозненных надстроечных аргументов.

Это—покушение с негодными средствами.

О такой методологии по другому поводу писал тов. Ленин в «Империализме».

> «Подменить вопрос о содержании борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о форме борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра — немирной, послезавтра— опять мирной), значит опускаться до роли софиста» [1].

Что же отвечает тов. Лапинский в опровержение наших противопоставлений?

Ему, видите ли, некогда, и он «возможно быстрее», «увы», с пером, а не с топором» (перл остроумия — об'ект для анализа Фрейда) занимается статистикой «оригинальных мыслишек», уворованных нами у «почтеннейшего автора, и всякими «едкими» замечаниями насчет путаницы, вымыслов и недомыслия.

Дело не в том, уважаемый тов. Лапинский, имеются ли у вас те или иные факты, приводимые в нашей статье (эти «оригинальные мыслишки» имеются и в любой буржуазной газете), а в тех выводах, которые вы делаете из этих фактов и самой интерпретации этих фактов [2].

В нашей статье «О пафосе восстановления мирового хозяйства», мы указывали на переоценку сотрудничества английского и американского капитала. По этому вопросу тов. Лапинский не удостаивает нас ответом. Он проезжается лишь насчет тов. Спектатора по поводу его «революционности», заключающейся в том, что он отрицает «эру демократического пацифизма».

Между тем, вряд ли современное политическое положение можно охарактеризовать, как ликвидацию политического хаоса, и еще в меньшей степени считать одним из элементов «новой фазы империализма». Падение кабинета Эррио, болгарские события,

[1] Говоря о «фазах» имеперпализма, мы бы обратили внимание читателя на прекрасную статью тов. Д. Марецкого «На путях стабилизации» («Спутник Коммуниста» № 6/15). В этой статье тов. Марецкий делает попытку проанализировать, поскольку это можно в журнальной статье, тип империалистических противоречий, свойственных капитализму периода его «довоенного молодецкого процветания и роста» с послевоенным. Такое деление на фазы существенно отличается от «фаз» тов. Лапинского.

За время войны в капиталистическом обществе накопились такие количественные изменения, которые позволяют говорить о переходе количества в качество. В капитализме же послевоенном, т.-е. после-Версальском, новых качественных изменений нет. Во всяком случае тов. Лапинский не доказал их наличности.

[2] Тов. Лапинский утверждает, что тов. Варга согласен с ним в оценке положения. Тов. Варга, может быть, и согласен с ним, что произошло «относительное преодоление расстройства механизма обращения», но вряд ли он согласен с наличностью «новой фазы империализма». В докладе о «стабилизации капитализма», прочитанном т. Варгой в клубе Плановых Работников Госплана СССР он говорит:

«В заключение мы должны поставить себе следующий вопрос: являются ли указанные мною структурные видоизменения столь значительными по своему количеству, чтобы можно было признать, что они составляют также нечто новое качественно, новый период капитализма. Возьмем, например, образование монополий, составлявшее сущность перехода от капитализма к империализму. Я полагаю, что на этот вопрос еще слишком рано отвечать («Плановое хозяйство» № 6, стр. 168).

Разве это не то же, что писал Спектатор? И почему, тов. Лапинский, вы, столь свирепо атаковавший Спектатора чуть ли не с предложением подвергнуть его остракизму со страниц нашей прессы? («И вот эта-то, мы помним, столь скромная когда-то приват-доцентская буквоедская мудрость теперь кичится и вольничает (?! *Дм. Б.*) на страницах наших органов и т. д.», не указали заодно и тов. Варге его заблуждения. Получается немного неудобно, тов. Лапинский, что-то вроде путешествия слонов из одной перегородки в другую, столь остроумно вами подмеченную.

Марокко, Китай, Гинденбург, ряд мелких политических трансформаций, как, например, в Греции—вот краткий перечень тех событий, имевших место за тот небольшой период, который отделяет нас от того момента, когда было зачато «откровение» тов. Лапинского.

Оккупация Рура—это, по Лапинскому, «явление сверх'естественной политической неурядицы», «война во время мира», характеризовавшее «старую фазу послевоенного капитализма». Ну-с, а Марокко и Китай, уважаемый товарищ, это по вашему «мир во время мира», нежные созвучия эоловых арф пацифизма?

Валюта и хозяйство.

Восстановление валюты целого ряда стран—вот один из основных доводов тов. Лапинского и иже с ним в пользу стабилизации мирового хозяйства.

Тут вопрос следует поставить в двух плоскостях:

1) Можно ли говорить о серьезном, длительном восстановлении валют в масштабе мирового хозяйства?

2) Какую роль играет восстанавливающаяся в отдельных странах валюта в деле хозяйственной стабилизации данной страны?

Мы не отрицаем того факта, что в ряде одних стран буржуазия сумела прекратить катастрофическое падение валюты, доведя се, как, например, в Англии до золотого паритета или, прекратив дальнейшее падение, как, например, в Германии. Никто однако и не будет отрицать факта наличия падающей валюты в ряде других стран, как, например, во Франции. Важна, однако, не констатация самого факта. Важно выяснить, каким образом стабилизировалась валюта в этих странах, и это поможет нам ответить и на второй вопрос.

В своем ответе нам тов. Лапинский указывает, что относительная, частичная, неполная стабилизация европейских валют означает «новый факт в развитии послевоенного капитализма, который следует учесть».

Ну, что же, против этого мы не будем спорить. Все, что поддается учету, следует учесть, оставаясь, однако, марксистом-диалектиком.

Однако, одно дело—учет, а другое превращение факта частичной стабилизации валют в краеугольный камень какой-то «новой фазы империализма».

Мы никак не можем, анализируя положение валют в масштабе мирового хозяйства, говорить о каком-либо переходе количества в качество.

Валюта ряда стран еще далеко не стабилизирована.

Французский и тесно связанный с ним бельгийский франк находятся в катастрофическом положении. Итальянская лира, несмотря на 50-миллионную (в долларах) морганизацию, далеко еще не стабилизована, и, по сообщению «Popolo d'Italia». Муссолини, констатируя крайне печальный денежный кризис, сваливает ответственность на «кучку бессовестных лиц». «Corrière d'Italia» об'ясняет падение лиры маневром союзников с целью заставить Италию принять условия оплаты военного долга. Как бы там ни об'яснялись причины—факт остается фактом, и мы видим, как медленно, но уверенно падает лира.

Возьмем к примеру соотношение лиры с долларом:

	В среднем	
Ноябрь	1922 г.	23.07 долл.
„	1923 г.	21,83 „
I полов.	1924 г.	22,85 „
II „	1924 г.	23,01 „
Январь	1925 г.	24,06 „
Февраль	1925 г.	24,34 „

	В среднем	
Март	1925 г.	24,58 долл.
Апрель	1925 г.	24,39 „
1 июня	1925 г.	25,24 „
17 „	1925 г.	26,13 „
18 „	1925 г.	27,40 „

(«Frankf. Zeitung» 21/VI—23»).

Как видите, это еще далеко от стабилизации.

Да и вообще следует чрезвычайно осторожно подходить к современной стабилизации валют отдельных стран Зап. Европы, происшедшей не на основе внутреннего хозяйственного оздоровления, как это имело место в СССР, а, как мы это уже указывали в нашей статье, за счет иностранных кредитов.

Этот характер стабилизации отражается и на роли, которую играет «стабилизованная» валюта в деле оздоровления народного хозяйства каждой страны.

Самое характерное для современного экономического положения стран со стабилизованной валютой—это то, что стабилизация валюты не только не сопровождалась улучшением хозяйственного положения, но, наоборот, серьезным ухудшением. В Англии — колоссальный рост безработицы, в Германии—сильная промышленная депрессия.

Германская пресса обсуждает это положение и недоумевает. как, например, «Bergwerkszeitung» в своей передовице от 16 июня 1925 г.: зачем собственно нужна была вся эта валютная стабилизация, если результаты ее для германского народного хозяйства таковы, как в годы жесточайшей инфляции: «Операция,—пишет газета,—может удаться, а пациент умрет». («Die Operation wäre gelungen, der Patient aber tot»).

В этой же передовице приводится характерная цитата из Люксембургского «Handels und Gewerbeblatt».

«В первые годы после войны превалировали у нас в Германии профессиональные идеи (Gewerkschafts-Ideen) над хозяйством. В 1923 году во время занятия французами Рура был лозунг: превалирование политики над хозяй-

ством. Наконец, в 1924 году мы имеем: превалирование валюты над хозяйством. Теперь, когда бы нам хотелось выдвинуть на первое место хозяйство, мы, к сожалению, видим, что так многое ставилось над хозяйством, что его за это время раздавили (man so viel auf und über die Wirtschaft gestellt hat, dass man sie inzwischen zerquetschte).

Подобное же противопоставление стабилизации валюты стабилизации хозяйства делается и в ряде заявлений видных промышленников. Положение ясно. Современная «стабилизация» валют, вскормленная американскими долларами, есть колосс на глиняных ногах. Эта стабилизация является результатом ряда хитросплетений, которые, улучшая валюту, ухудшают обще-экономическое положение страны, даже помимо того простого факта, что стабилизация валюты означает ухудшение конкурентоспособности на мировом рынке и, следовательно, уменьшение экспорта. Таким образом такая валютная стабилизация ни в коем случае не может обусловить какого-либо перелома в мировом хозяйстве.

Сумерки «плана Дауэса».

Наконец, последним козырем в защиту «новой фазы» является рост международного кредита, который, главным образом, сводится к «плану Дауэса». И по этому поводу тов. Лапинский не удостаивает нас серьезного ответа. В нашей статье мы указывали, что план Дауэса означает дальнейшее обострение противоречий мирового капитализма. Тов. Лапинский же, вместо опровержения этого положения, постулирует: что «кредитование американским капиталом европейского хозяйства» является фактом, свидетельствующим о восстановлении «единства» капиталистического мира, хотя, правда, в «новых сугубо антагонистических формах».

Что же собой представляет это новое фантасмагорическое, антагонистическое «единство капиталистического мира», понять довольно трудно.

Если тов. Лапинский под этим подразумевает обычное положение мирового хозяйства с обычными противоречиями, то почему это самое единство должно свидетельствовать о восстановлении мирового хозяйства. Если же план Дауэса, по мнению тов. Лапинского, восстанавливает единство мирового хозяйства, то это уже по одному тому неверно, что единство, т.-е. связи обмена мирового хозяйства, никогда не прерывались. Это очень обстоятельно и популярно об'яснял еще в 1917 году тов. Ленин тов. Сокольникову, критикуя его проект программы партии.

«Ни протекционизм,—писал тов. Ленин,—ни таможенная война обмена «не разрывают», а только временно видоизменяют или прерывают в одном месте, продолжая в другом. Обмен не разорван данной войной, он только затруднен в одних местах, передвинут в другие места, он остался, как мировая связь» (Н. Ленин, Собрание сочинений, т. XIV, ч. 2).

Так что же остается от плана Дауэса: приток иностраных, преимущественно американских кредитов.

Здесь мы, во-первых, сталкиваемся с фактом, что приток этих кредитов в 1925 году в значительной степени ослаб и, во-вторых, все эти кредиты вряд ли означают восстановление мирового хозяйства. Улучшение положения в отдельных странах отнюдь не означает стабилизации мирового хозяйства.

Мы считаем излишним возвращаться здесь к популяризации фактической подоплеки плана Дауэса, но ясно, что он ни в коем случае не определяет «новой фазы империализма». Если в начале появления на свет плана Дауэса кой у кого еще затаились опасения, что он поможет буржуазии выбраться из тупика послевоенного кризиса, то теперь эти опасения исчезают.

План Дауэса переживает свои сумерки.

Не только рабочий класс, не только буржуазия Германии, но и буржуазия стран инициаторов плана Дауэса бьют отбой.

Чрезвычайно показателен в этом отношении интернациональный с'езд торговых палат, имевший место недавно в Брюсселе. Этот с'езд, на котором отсутствовали немцы, но были бельгийцы, американцы и друг., прошел под знаком ревизии и разочарования в плане Дауэса. И, что особенно характерно, это разочарование сквозило, по сообщению «Deutsche Allgemeine Zeitung», и в речах мистера Буса, председателя американской торговой палаты. Таким же пессимизмом в отношении плана Дауэса охвачены и значительные круги германских и английских промышленников.

Крах Стиннеса в Германии и все увеличивающаяся безработица в Англии—это лишь первые цветочки плана Дауэса, этого существенного элемента «новой фазы империализма» тов. Лапинского.

«Перуне, выдыбай!»

Таковы основные элементы «новой фазы империализма» и такова их состоятельность. В своем ответе нам тов. Лапинский мило «скромничает», что он-де всего лишь на всего констатирует «относительную частичную стабилизацию», «которая вносит нечто новое в интересующую нас картину капиталистической современности», что и было отмечено последним Пленумом ИККИ. Мы в свой очередь преклоняемся перед «достойной быть отмеченной» интуицией тов. Лапинского, но все же позволяем себе усомниться в том, что Пленум ИККИ признал «новую фазу империализма». Если же вы, т. Лапинский, сознаетесь, что вы с «фазой» переборщили и что гора родила мышь в виде стабилизации «относительной», «частичной», «временной» и прочих оговорок, которые, собственно говоря, сводят на-нет самую стабилизацию; то заявите об этом прямо, без всяких экивоков, и нам не о чем будет спорить. А то заявления, что «фаза»—это не «фаза», а лишь «полоса», что не следует «фазу» понимать «мифологически», «педантически» и т. д., да и что «дело не в заголовке»,—лишь запутывают дело.

Понятно, что дело не в заголовке, а в содержании самой работы. Но на 7-й странице «Новой фазы империализма» черным по белому написано, и мы это приводили уже в нашей статье:

«Можно ли утверждать, что за последний год-два произошли или, по крайней мере, наметились некоторые основные перемены в положении послевоенного капитализма, перемены, которые можно зачислить в целую отдельную крупную экономическую категорию. По нашему мнению, без сомнения — да».

А нам представляется, что без сомнения—нет.

И дело вовсе не в том, что мы «хотим безусловно отрицать,

игнорировать возможность дальнейшего развития роста капитализма».

Совершенно излишне нас убеждать в этом ссылками на Ленина и Сталина, так как мы и не собираемся игнорировать эти возможности. Мы лишь считаем, что покуда этих признаков «дальнейшего развития роста капитализма» в смысле ликвидации послевоенного кризиса еще нет. Капитализм зализывает свои послевоенные раны кое-где удачно, кое-где неудачно, и еще рано судить о том, пережил ли он фазу послевоенного кризиса и вступил ли в новую фазу своего развития.

«Не мир, но растущее беспокойство, растущее порабощение побежденных народов победившим капиталом — таков результат всех стараний мирового капитала внести какой-нибудь порядок в растущий мировой хаос. Капиталистическая пресса всего мира говорит теперь о политическом успокоении во всем мире, потому что немецкая буржуазия покорилась верховной воле союзников и потому что она для спасения своей власти отдала немецкий народ на с'едение шакалам парижской и лондонской биржи. Но, в то же время, эта биржевая пресса полна сообщений о все усиливающейся экономической разрухе Германии, о чрезвычайных налогах и т. д.».

Это цитировано из воззвания III конгресса Коминтерна, происходившего, как известно, в 1921 году. Что можно прибавить к этому воззванию нового, что говорило бы о «новой фазе»? Разве не происходит и сейчас с'едение германского народа шакалами не только указанных, но еще и нью-йоркской биржи?

Разве сейчас зарубежная экономическая пресса не полна сообщениями о тяжелом экономическом положении не только Германии, но и Англии, а отчасти, и Франции?

Мы позволим себе еще остановиться на одной «петитной мудрости» тов. Лапинского. Тов. Лапинский считает наше утверждение о том, что С.-А. С. Ш. переживали в первой половине 1924 года хозяйственный кризис, «забавным недоразумением».

Нам придется нарушить заповедь о почтении к старшим и упрекнуть тов. Лапинского в некоторой «легкости мыслей».

Понятно, если мы займемся софистикой на тему, когда куча песчинок становится горой, а депрессия—кризисом, то вряд ли это даст возможность нам договориться. Назвать состояние хозяйства С.-А. С. Ш. в 1924 году «обычным колебанием кон'юнктуры», когда 50% американских прядилен было вынуждено сократить свое производство, когда железная, стальная, медная и last but not least автомобильная индустрия были вынуждены сократить в весьма ощутимых размерах свое производство, когда уменьшилась подача электрической энергии и т. д., и т. п., в самом деле «забавно». «Обычное колебание кон'юнктуры», результатом которого явилась новая Гуверская политика товарной экспансии С.-А. С. Ш. на внешних рынках! «Обычное колебание кон'юнктуры», результатом которого явился план Дауэса!

Мы не считаем нужным останавливаться на целом ряде «возражений», тов. Лапинского, ибо там по сути нечего сказать. Ну, что, к примеру, можно сказать по поводу реплики тов. Лапинского по поводу проблемы рынков? Мы указывали в нашей статье, что проблема рынков есть основное препятствие на пути восстановления капитализма.

Что же отвечает т. Лапинский? «Это я, Петр Иванович, сказал первый—э». Это т. Лапинский открыл, что проблема рынков обостряется, при том еще так, что «количество переходит в качество и наступает полоса более ожесточенных империалистических противоречий». Очень приятно.

Так что ж, это и есть «перелом в мировом хозяйстве»? Об этом не стоило спорить.

Такого же порядка и другие реплики тов. Лапинского, вроде открытия нео-экономизма и т. п.

Итак, резюмируем: во второй половине 1924 года в ряде отраслей мирового хозяйства и ряде стран появились некоторые признаки улучшения положения, вызванные в значительной степени притоком кредитов из Америки.

Это положение, однако, длилось недолго. Уже начало 1925 г. сигнализирует ухудшение положения, размеры которого определяются достаточно явственно к концу I-й и началу II-й четверти 1925 года.

Все это показывает, что вся концепция тов. Лапинского о «новой фазе», о каком-то переломе в мировом хозяйстве себя, ни теоретически, ни практически, не оправдала.

Кризис мирового хозяйства не изжит еще, несмотря на все теории «стабилизаторов» и заклинания буржуазных экономистов: «Перуне, выдыбай!».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

И. Сталин. Вопросы и ответы. Изд. Свердловского Ун-та. Стр. 48. 1925 г.

Брошюра представляет речь т. Сталина, построенную в форме ответов на актуальнейшие вопросы, поставленные перед партией «новым курсом в деревне», суть которого была сформулирована в решениях XIV партконференции.

Отличительными чертами брошюры, впрочем, характерными вообще для устных и письменных выступлений автора, являются: отчетливость формулировок, максимальная сжатость изложения при насыщенности содержания и, наконец, выпуклое выявление основной перспективы нашего строительства.

Проведение «нового курса» приковывает наше внимание к вопросу о взаимоотношении промышленности и сельского хозяйства, к вопросу о взаимоотношении пролетариата и крестьянства. А последний вопрос «составляет основной вопрос проблемы построения социалистического хозяйства».

Центральной, стержневой проблемой у т. Сталина является проблема построения социализма. В ней имеют свою логическую увязку, ею охватываются все остальные разбираемые им вопросы, как, например, вопрос об условиях укрепления смычки пролетариата и крестьянства в обстановке затяжной стабилизации капитализма, вопрос об опасностях нашего партийного перерождения, вопрос о разжигании классовой борьбы в деревне и т. д.

Построение социализма в одной стране без предварительной победы пролетариата в других странах возможно. Не воспроизводя блестяще развернутой аргументации этого положения, данной в речи активу Московской организации, т. Сталин рядом ссылок доказывает, какое огромное значение вопросу, как одному из важнейших в нашей практике, придавал т. Ленин.

Вопрос о возможности строительства социализма в нашей стране получил исключительное обострение к настоящему времени вследствие усиления борьбы между социалистическими и капиталистическими тенденциями нашего хозяйства и особенно вследствие временной стабилизации капитализма.

«В чем состоит важность этого вопроса с точки зрения партийной практики?»—спрашивает т. Сталин.

«В том, что он затрагивает вопрос о перспективе нашего строительства, о задачах этого строительства. Нельзя строить по настоящему, не зная—во имя чего строишь. Нельзя двигаться ни на шаг, не зная направления движения. Вопрос о перспективе есть важнейший вопрос нашей партии, привыкшей иметь перед собою ясную и определенную цель. Строим ли мы во имя социализма в расчете на победу социалистического строительства, или строим на-авось, в-слепую, для того, чтобы «в ожидании социалистической революции во всем мире» унавозить почву для буржуазной демократии,—в этом теперь один из основных вопросов. Нельзя работать и строить по настоящему, не имея ясного ответа на этот не менее ясный вопрос. Сотни и тысячи партийных работников, профессионалистов и кооператоров, хозяйственников и культурников, военных работников и комсомольцев обращаются к нам, спрашивают нас, спрашивают нашу партию—к чему вести дело, во имя чего строить?»

«Великое значение ленинизма в том, между прочим, и состоит, что он не признает строительства на-авось, в-слепую, что он не мыслит строительства без перспективы, что он дает на вопрос о перспективе нашей работы ясный и определенный ответ, заявляя, что мы имеем все данные для построения социалистического хозяйства в нашей стране, что мы можем и должны строить полное социалистическое общество» (стр. 44).

Итак, под углом зрения возможности построения социализма, в свете этой генеральной перспективы и ведет свой анализ т. Сталин.

Вот как ставит т. Сталин вопрос об укреплении смычки по линии административно-политической:

«Социализм есть переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному». Этот переход может осуществиться через соответствующую переделку государственного аппарата. Оживление советов, насаждение советской демократии в городе и в деревне, приобщение лучших элементов рабочего класса и крестьянства к непосредственному управлению страной—весь этот ряд мероприятий и должен служить нашей цели.

Здесь т. Сталин возражает тем коммунистам, которые полагают, что государственный аппарат может быть исчерпан несколькими сотнями тысяч членов партии, которые иногда отождествляют партию с государством. Это совершенно неверно. «Советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова состоит из советов плюс миллионные организации всех и всяких беспартийных и партийных об'единений, соединяющих советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением» (стр. 8).

Из предыдущего вытекает следующий вопрос: изменяется ли характер власти в стране вследствие расширения демократии для крестьянства. Тов. Сталин дает на это отрицательный ответ. Уступки крестьянству такого порядка ни в коей мере не ослабляют систему пролетарской диктатуры. Наоборот. Диктатура пролетариата от этого только укрепляется. Выигрывает в последнем счете пролетариат, следовательно, обеспечиваются наилучшие условия для социалистического строительства. «Руководство пролетариата в отношении крестьянства не только сохраняется благодаря расширению демократии, но приобретает еще новую силу, создавая атмосферу доверия вокруг пролетариата. А ведь это главное в диктатуре пролетариата, когда речь идет о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в системе диктатуры».

Выступая против точки зрения, которая представляет диктатуру только как насилие, т. Сталин подчеркивает три стороны, которые могут дать цельное понятие диктатуры пролетариата. «Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в отношении помещиков и капиталистов, 2) руководство пролетариата в отношении крестьянства и 3) строительство социализма в отношении всего общества» (стр. 29).

Обратим теперь внимание на вопрос, выяснение которого имеет чрезвычайное значение для понимания сложнейшего переплета противоречий в обстановке социалистического строительства в нашей стране.

Это—вопрос об опасностях «нашего партийного перерождения в связи со стабилизацией капитализма, если эта стабилизация продержится долго».

Здесь имеются три основных реальных опасности:

Первая. «Опасность потери социалистической перспективы строительства нашей страны и связанное с этим ликвидаторство». Питается эта опасность усилением буржуазного влияния на партию в условиях обостренной борьбы капиталистических и социалистических элементов внутри нашей экономики. На этой почве появляются два типа ликвидаторов. Ликвидаторы первого типа прикрываются меньшевистской, по существу, «теорией производительных сил». Ликвидаторы второго типа—левыми, якобы революционными фразами о мировой революции. Тов. Сталин обезоруживает обе группы ликвидаторов такой альтернативой: «Одно из двух: либо мы рассматриваем нашу страну как базу мировой революции, имеем, как говорит Ленин, все данные для построения полного социалистического общества, и тогда мы можем и должны строить такое общество в расчете на полную победу над капиталистическими элементами нашего хозяйства; либо мы базой мировой революции не считаем нашу страну, данных для построения социализма не имеем, построить социалистическое общество не можем, и тогда, в случае оттяжки победы социализма в других странах, должны мириться с тем, что капиталистические элементы нашего хозяйства возьмут верх, советская власть разложится, партия переродится» (стр. 12).

Вторая. «Опасность потери международной революционной перспективы и связанный с этим национализм». Неверие в международную победу пролетариата, неверие в освободительное движение колоний и полуколоний, непонимание того, что победа социализма в одной стране не может быть окончательной, без победы революции хотя бы в ряде стран—вот какие представления связаны со второй опасностью. Усиление буржуазного влияния на партию по линии внешней политики и давление на наше государство капиталистических государств, толкающих нас на путь национализма—вот откуда идет эта опасность. «Ясно,—говорит тов. Сталин,—что только на основе последовательного интернационализма, только на основе внешней политики Октябрьской революции может сохранить за собою первая победившая страна роль знаменосца мирового революционного движения, что путь наименьшего сопротивления и национализма во внешней политике означает путь изоляции и разложения первой победившей страны» (стр. 14).

Наконец, изменение классов, пред'являющих требования на новые методы руководства, рост и повышение удельного веса аппарата государственных и общественных организаций, втянувших в себя сотни тысяч новых людей, главным образом, беспартийных и усложнение и дифференцированность нынешней строительной работы, требующей повышения квалификации партийных работников, на достижение чего требуется известное время—вот почва для возникновения третьей опасности: «опасности падения партийного руководства и связанной с этим возможности превращения партии в придаток государственного аппарата».

Вскрыв характер и источники опасностей нашего партийного перерождения, т. Сталин особенно подчеркивает необходимость решительной борьбы партии против этих опасностей.

В заключение отметим еще один вопрос, постановка которого у т. Сталина вызывает большой интерес. «Возможно ли развитие крупной советской промышленности в условиях капиталистического окружения без кредитов извне». Да, возможно, отвечает т. Сталин, хотя трудности здесь будут велики. История дает образцы трех методов, по которым складывались мощные индустриальные государства. Первый метод «захват и ограбление колоний» (прим.: Англия). Второй метод «военный разгром и контрибуция, проводимые одной страной в отношении другой страны» (прим.: Германия в отношении Франции в 1871 г.). Третий метод: «кабальные концессии и кабальные займы, идущие от стран капиталистически развитых, в страну капиталистически отсталую» (прим.:

царская Россия). В истории отдельных государств наблюдались и сплетения этих методов (прим.: Соед. Шт. Сев. Америки).

Вполне ясно, что эти методы «заказаны» для индустриализации советского государства.

Какой же метод развития крупной промышленности без кредитов извне возможен и необходим для советского государства. Это метод, о котором говорит т. Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше»: «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценою величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной индустрии, для развития электрификации».

Действительно — снос перегородок, который произвела пролетарская революция, уничтожившая частную собственность на основные средства производства и средства обращения, «освободил» значительное количество «средств». И эти средства по мере овладения нами наукой организации во все большем размере будут реализоваться для восстановления и расширения основного капитала крупной промышленности советской страны. «Национализированная промышленность, национализированные транспорт и кредит, монополизированная внешняя торговля—все это,—говорит т. Сталин,—такие новые источники «добавочных капиталов», могущих быть использованными для развития нашей промышленности» (стр. 39).

Мы только бегло остановились на некоторых проблемах, разобранных т. Сталиным. Но и отсюда видно, каков «удельный вес» этих проблем. Уяснение их помогает не только понять переломный характер нынешнего момента, но и научает, как действовать в настоящих условиях. «Вопросы и ответы» дают не только анализ современного положения, но и намечают практику партии в теперешней обстановке. Поэтому ни один партиец не сможет обойтись без «Вопросов и ответов».

Г. Марецкий.

В. Чернышев. Букварь политической экономии. Изд. «Прибой». Ленинград. Стр. 80.

Собственно говоря, «букварь» вовсе не букварь. Сам автор определяет его, как «теоретико-экономический словарь... для читателя, приступающего к изучению теории политической экономии»...

Слов нет—идея хорошая. И для начинающего читателя такая книжка, да еще удачно выполненная, явилась бы сущим кладом.

Но одно дело идея, другое—ее выполнение.

Начнем с построения этого «теоретико-экономического словаря». Внешне—как будто бы все и хорошо. В словаре имеется ряд основных терминов политической экономии, расположены они по алфавиту, каждый термин в меру авторского умения об'яснен (как об'яснен—это мы увидим дальше), одним словом, если книжка Чернышева и не букварь, то словарь, как словарь. Имеется одно только маленькое «но».

В былое время гимназисты первого класса занимали себя на скучных уроках такой игрой. Передает один (опытный) другому (неопытному) раскрытую книгу, пальцем в страницу ткнет и таинственным шопотом сообщает: смотри. А там написано «смотри стр. 17». Раскроет стр. 17, а там написано «см.—9», и начнет «неопытный» по всем страницам бегать, пока на одной из страниц не найдет вежливую ссылку на обложку, а на обложке красноречивую надпись «дурак». Мы извиняемся перед автором рецензируемой книжки, но должны признать, что его метод построения словаря сильно напоминает нам шутки матерого (обязательно второкурсника) гимназиста.

Судите сами, читатель.

Представьте себе, что вы захотели узнать, что такое «стоимость». Разворачиваете стр. 67, начинаете читать и узнаете, что в об'яснительном тексте автор предусмотрительно настаивал 22 «смотри» к 22 новым терминам, без которых стоимость, по Чернышеву, очевидно, понять нельзя. Представьте себе, что вы, читатель,—человек терпеливый и твердо решивший добраться до самых «корней». Нашли эти «22». Прочли. А по прочтении увидели, что эти «22» отсылают еще к «79».

Дальнейших изысканий мы не производили, но едва ли можно сомневаться, что эти «79», в свою очередь, отошлют к новым терминам, пока вы не прочитаете весь словарь от начала до конца.

Впрочем, хорошо уже будет, если раздраженный мытарствами по 80 страницам и ничего не понявший читатель по-просту бросит «словарь» в корзину. Значительно хуже, если, набравшись терпения, он словарем пользоваться все-таки будет и об'яснениям Чернышева поверит

Посмотрим, как об'ясняется «теоретико-экономическим словарем» ряд наиболее важных категорий политической экономии.

Начнем с об'яснения Чернышевым движения заработной платы и предложения рабочей силы. «При повышении заработной платы выше суммы (!) средств существования (выше прожиточного минимума) в течение длительного промежутка времени, рабочее население быстро (!) размножается, предложение труда увеличивается, и под давлением увеличения предложения рабочей силы заработная плата опускается к минимуму средств существования вследствие конкуренции между рабочими».

Если этот «закон» имеет отношение к марксизму, то только, так сказать, «косвенное». Маркс в высокой мере ядовито и зло высмеивал этот вульгарный закон, ставивший «движение капитала в зависимость от абсолютного движения численности населения вместо того, чтобы регулировать спрос и предложение труда расширением и сокращением капитала». «Прежде, чем вследствие повышения заработной платы могло бы наступить какое-нибудь положительное увеличение действительно работоспособного населения, при этих условиях несколько раз успел бы миновать первый срок, в течение которого необходимо провести промышленную кампанию и дать решительную битву» (К. I, стр. 629—630).

Пусть читатель судит, насколько соответствует об'яснение движения рабочей силы и заработной платы Чернышева Марксу!

Непосредственно перед этим следуют об'яснения Чернышева к «железному закону заработной платы». «Железный» закон—поучает Чернышев—теряет свое прежнее значение «особенно при законодательном установлении минимума заработной платы и коллективных договорах». «В Советской России, как государстве, проводящем плановое хозяйствование, «железный закон» теряет свой характер». И заключает: «Этот железный закон заработной платы, как его окрестил (!) Фердинанд Лассаль... характерен для капитализма, но не для планомерно организованного хозяйства», как будто в планомерно организованном хозяйстве вообще будет существовать заработная плата!

В об'яснении денег Чернышев «количество потребных стране денег» выражает следующей формулой: $\frac{СТ}{ОБ} +$ К—С, где СТ есть стои-

мость всех обращающихся товаров, ОБ—быстрота обращения денег, К—сумма денег, хранящихся в кассах, и С—суррогаты денег, т.-е. векселя, чеки, расчетные операции, заменяющие деньги». И здесь имеется существенное отличие от марксистского определения количества необходимых для обращения денег, исходящего из следующей формулы:

«При данной быстроте циркуляции средств обращения и платежа» общая сумма денег, находящихся в обращении, «равняется сумме подлежащих реализации товарных цен плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно уравновешивающиеся платежи и, наконец, минус число оборотов, в которых одна и та же монета функционирует попеременно то как средство обращения, то как платежное средство» (К. I, стр. 108).

В высокой мере «своеобразно» об'яснение понятия «капитал». По Чернышеву, «капиталом обычно (!) называют часть имущества (!), отчужденного с целью получения прибыли или (!) предназначенного для нового производства».

Если в первой части понятие капитала фетишизировано (вместо общественного отношения—имущество!), то вторая часть представляет сущую бессмыслицу. «Капитал—часть имущества (!), предназначенного для нового производства». По этой формуле понятие капитала не только фетишизируется, но и превращается в категорию, свойственную всем временам и народам. Ведь коммунистическое общество также будет вынуждено выделять «часть имущества (какая ясная терминология) для нового производства» (расширенного воспроизводства). И не злая ли в таком случае шутка утверждение, что коммунистическое общество обойдется без капитала? Впрочем, если допустить в коммунистическом обществе заработную плату, то почему не допустить и капитал?

Весьма неудачным надо признать об'яснение земельной ренты. Указав в связи с изложением существа абсолютной земельной ренты, что «чем более органическое строение земледельческого капитала приближается к среднему строению органического капитала в промышленности, тем земельная рента ниже», Чернышев не указывает влияния повышения органического состава капитала на дифференциальную ренту (дифференциальная рента тоже повышается) и тем самым создает общее неверное впечатление, что земельная рента (вообще вне зависимости от ее характера) с ростом органического состава капитала понижается. Анализу дифференциальной ренты Чернышев отводит непропорционально, по сравнению с абсолютной, мало места, хотя именно эта форма ренты характерна для капиталистического производства.

Явно невразумительно об'яснение кризисов.

Вот как об'ясняет их Чернышев (извиняемся за длинную цитату): «Взаимная конкуренция побуждает каждого отдельного капиталиста стремиться к наиболее дешевому производству, что достигается увеличением постоянного капитала. С другой стороны, относительное уменьшение вследствие этого переменного капитала, т.-е. рабочей силы, сужает рынок потребления производимых товаров. В результате (!) товары периодически переполняют рынки, образуется перепроизводство товаров, которые не находят себе сбыта ни по какой цене. Эти периоды и называются кризисами. Они, следовательно, вызываются анархией, т.-е. отсутствием планомерности в производстве и распределении при все сужающемся базисе (основа) потребителей по сравнению с постоянным капиталом».

Здесь Чернышев с головой выдает себя в абсолютном непонимании существа кризисов. Если в первой части (сужение рынка потребления вследствие роста постоянного капитала) Чернышев воссоздает теорию

народников и их теоретического (в этой части) предтечи Сисмонди, то во второй части (суживающийся базис потребителей по сравнению (!) с постоянным капиталом) Чернышев преподносит совершенно очевидную бессмыслицу. Разве рост постоянного капитала не есть рост производительного потребления?

Нам думается, что вместо того, чтобы давать либо неверные, либо совершенно путаные определения, было бы несравненно лучше для дела, если бы Чернышев пользовался готовыми формулами, даваемыми хотя бы самим Марксом или Лениным, или, наконец, блестяще ясными и точными определениями Н. И. Бухарина, в его работе против Р. Люксембург.

К своей работе «К характеристике экономического романтизма» (Сисмонди и отечественные сисмондисты) Ленин, критикуя вредную мелкобуржуазную точку зрения этих экономистов, писал: «Теоретическая политическая экономия, примкнув в своем дальнейшем развитии к классикам, установила с точностью именно то, что хотел отрицать Сисмонди, именно, что развитие капитализма вообще и фермерства в частности, не сокращает, а создает внутренний рынок» (Ленин, т. II, стр. 166). Это, конечно, в корне отлично от того, что говорит Чернышев. Наконец, Маркс дает на этот же вопрос совершенно ясный, не допускающий никаких сомнений, ответ: «Границы потребления раздвигаются (а не сужаются, как это думает Чернышев. *К. Р.*) напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производительного потребления» (Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 21). Таким образом, теория, по которой результатом кризиса является увеличение постоянного капитала — теория не марксистская.

Бухарин в своей работе дает классически ясную и сжатую формулировку существа «анархии» капиталистического производства и кризисов. Анархия производства и кризисы результат того, что «нет пропорции между отдельными отраслями производства и, вместе с тем, в том, что нет пропорции между размерами производства и размерами личного потребления».

Не менее «блестяще» определяет Чернышев и понятие империализма. «Империализм есть та стадия развития об'единенного в тресты капитализма, которая заставляет его, ввиду переполнения товарами и капиталами старых стран, усиленно стремиться к расширению и экономическому (!!!) завоеванию колоний!»

Это поистине нечто чудовищное!

Любой слушатель школы политграмоты, мы в этом не сомневаемся, не даст такого пренебрежительно-безграмотного определения империализма, какое дает «преподаватель 1-го МГУ». Неужели Чернышеву неизвестны работы такого «небезызвестного» последователя эпохи империализма, как Ленин? Неужели ему неизвестна такая работа, как «Империализм, как новейший этап капитализма»? Иного мы, к сожалению, предположить не можем, потому что каждый знакомый с этой работой не дал бы такого вопиюще безграмотного определения империализма.

Послушаем Ленина: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, и начался раздел мира международными трестами и за-

кончился раздел всей территории капиталистическими странами». И Ленин дает об'яснение тому, что означает «раздел мира»: «Раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на неиспользованной ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорий земли, поделенной до конца» (курсив наш. *К. Р.*). Итак, империализм есть борьба международных трестов за монопольное обладание колониями (уже поделенных) и не экономическая, вернее не столько экономическая, сколько вооруженная борьба за рынки сбыта товаров, рынки сырья, рынки приложения капитала.

И когда Чернышев превращает эту борьбу в борьбу «экономическую», а потом заявляет, что, «с другой стороны, империализм в его наиболее наступательных (!) формах (!) создает трения (!!!) и (ах, это и!) между державами по поводу (!) эксплоатации их колоний, а поэтому всегда грозит военными осложнениями», то приходится только удивляться наивности автора «Букваря».

«Пикантно» об'яснение «теории воздержания». Указав, что эта теория основывает прибыль на воздержании капиталиста от потреблении благ», Чернышев меланхолически замечает: «теория эта, однако (!), ни мало не способствует (!) выяснению источника прохождения этой «награды».

Не правда ли недурно это «однако»!

Нам думается, что этой вульгарнейшей теории, которую только знает политическая экономия, теории, которая была сработана по рецепту и заданиям капиталистов, теории, в которой наиболее отчетливо сказалось прислужничество буржуазных ученых перед своими хозяевами, экономист-марксист мог сказать «несколько» больше и яснее, ибо она «способствует» об'яснению очень многого!

Приведем еще наиболее характерные определения отдельных слов по «теоретико-экономическому словарю» Чернышева:

«Аграрии—класс землевладельцев, заинтересованных в высоких ценах на с.-хоз. продукты и поэтому обычно (!) враждебный промышленной буржуазии».

Ну, а каковы отношения между аграрием, как землевладельцем, и работающим у него батраком? каковы взаимоотношения аграрня и землевладельца, арендующего у него землю (за неимением ими, за нехваткой своей собственной)? или для Чернышева это не существенно? Едва ли, однако, «обычные» противоречия между аграриями и промышленной буржуазией более остры и социально более важны, чем не менее «обычные» противоречия между землевладельцами и земледельцами!

И, наконец, весьма интересен здесь же был бы анализ того социального переплета, особенно в наших «необычных» условиях времени, когда «обычно» враждовавшие между собой классы аграриев и капиталистов весьма «обычно» об'единяются против пролетариата, как городского, так и сельского, в целях совместного его удушения? Нам думается, что нашему рабочему читателю было бы особенно интересно получить на эти вопросы ответ.

«Профессиональные союзы—организации рабочего класса,—пишет Чернышев,—для защиты своих экономических интересов».

Не спутал ли Чернышев меньшевистско-тред-юнионистского определения задач профсоюзов с тем, которое давали большевики?

Еще в 1902 году («Что делать?») Ленин писал: «Профессиональные организации не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным

пособником политической агитации и революционной организации». Пусть,—говорил Ленин,—в профсоюз входит каждый рабочий, думающий только об экономической борьбе с хозяином, пусть эти организации будут возможно более широкими. Потому что «чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей».

Таким образом, и здесь получается не совсем так, как у Чернышева. Об'единить рабочих на основе экономической борьбы в профсоюзы, подвергнуть их, уже как членов профсоюза, «воздействию» социалистов, или, попросту говоря, развить среди них политическую пропаганду, превратив «стихийную» экономическую борьбу в сознательно революционную, использовав их, наконец, как пособников «политической агитации и революционной организации».

«Независимость» профсоюзов, ограничение их задач задачами экономическими—вот та линия, по которой меньшевики вели борьбу с большевиками. В наших же условиях (СССР), когда профсоюзы являются крупнейшими не только экономическими, но и политическими организациями, сыгравшими решающую роль именно в политической борьбе (гражданская война), осуществляющими ту «школу коммунизма», проходя через которую миллионы рабочих втягиваются в политическую жизнь страны, такое определение звучит, по меньшей мере, не серьезно.

Едва ли нужно увеличивать еще примерами ту кучу несуразностей, которая преподносится в качестве «теоретико-экономического словаря» читателю, «приступающему к изучению теории политической экономии».

Мы вынуждены были так подробно остановиться на этой, по сути дела вредной книжонке только потому, что напечатана она в большом тираже с явно подкупающим заголовком и, безусловно, отвечает нужде на подобного рода пособия.

Своей рецензией мы и пытаемся предостеречь читателя от подобного рода «азбуки».

К. Розенталь.

М. Нахимсон (Спектатор). Валютные реформы на Западе. Гиз. 1925 г.

Одним из основных признаков, определяющих современный период «стабилизации» капитализма, является ликвидация «валютного хаоса» послевоенной эпохи. Упрочение валют в ряде стран Западной Европы, являясь показателем укрепления экономии этих стран, в то же время ведет к возможности дальнейшего под'ема народного хозяйства, так как этим создаются об'ективные предпосылки для эмиграции капиталов, оздоровлении промышленности, внешней торговли и восстановлении кредитных связей между отдельными государствами. Все это заставляет нас с сугубым вниманием относиться к проблемам денежного обращения на западе. Изучение этого вопроса дает чрезвычайно много для понимания положения современного мирового хозяйства. В этом отношении, работа т. Нахимсона, впервые пытающаяся дать обзор итогов валютных реформ в Западной Европе, следует всячески приветствовать.

Основной задачей, которую поставил себе автор, сводится к доказательству того положения, что говорить об окончательной стабилизации валют еще слишком рано. Проведенные в ряде статей реформы

еще далеко не закончены и наибольшие трудности удержания устойчивой валюты еще впереди.

Насколько автор справится со своей задачей, мы покажем в дальнейшем; следует, однако, оговорить, что уже предисловие к книге не очень располагает к тому, чтобы считать авторитетными выводы автора.

Тов. Нахимсон пишет:

«Многим кажется, что Европа стоит накануне введения золотого обращения, и не сегодня—завтра Англия перейдет к свободному обмену на золото, и вместе с Англией установят у себя свободное золотое обращение и остальные страны. Однако это не больше, как иллюзия...» (стр. 4).

По отношению к Англии эта «иллюзия» превратилась в реальный акт...

Приходится опасаться, что и другие выводы автора не оправдаются. Будем, однако, надеяться, что действительность окажется более милостивой к нашему автору, и обратимся к содержанию книги.

Вполне правильно автор посвящает первые две главы общему анализу денежного обращения и новейшим теориям денежного обращения.

В первой главе много новых интересных данных о стоимости войны, финансировании ее, о золотых запасах отдельных стран, денежном обращении до и после войны и т. д.

Говоря о регулировании валютных курсов воюющими государствами во время войны, автор, однако, допускает грубую ошибку, когда пишет: «Гораздо более существенное влияние на курс денег должно было оказать стремление к регулированию внешней торговли, и в этом отношении снова приходится констатировать, что Англия, страна свободной торговли, раньше других взялась за регулирование внешней торговли. Уже в начале 1916 г. она запретила ввоз автомобилей, музыкальных инструментов, крепких напитков и т. д., а к концу 1916 г.—ряда других предметов роскоши. То же самое сделала и Италия в 1917 г., между тем, как Россия только 14 февраля 1917 г. запретила ввоз предметов роскоши. Германия и Австро-Венгрия, не издав таких указов относительно торговли, пытались, однако, урегулировать внешнюю торговлю путем концентрации иностранной валюты» (стр. 18).

Между тем, как известно, Германия первая вступила на путь строжайшего регулирования внешней торговли. Уже в 1915 г. были изданы первые законы, затрудняющие ввоз ряда товаров, в 1916 г. запрещается ввоз предметов роскоши, и 16 января 1917 г. был издан закон о всеобщем запрещении ввоза товаров в Германию (цит. Grünfeld.—Die deutsche Aussenhandelskontrolle. Leipzig, 1922 г., стр. 13).

Теоретическая часть работы не дает ничего нового. Чрезвычайно ярко у автора подчеркнута социальная сущность господствующей теперь на Западе теории «номиналистов». В эпоху империализма, когда борьба из-за колоний ведется капиталом с помощью государственной власти, когда твердая и сильная власть нужна для борьбы против растущего рабочего движения, не могла не родиться теория, которая приписывает государственной власти и способность создания денег» (стр. 32).

В остальном критика номиналистов, количественной теории, Касселя и Кейнс, не выходит из рамок общеизвестной марксистской критики.

Вообще теоретический анализ не относится в этой работе к сильным сторонам автора. Говоря о проектах валютных реформ в Германии, автор стремится доказать, что при параллельном бумажном обращении не происходит вытеснения неустойчивой валюты более устойчивой. Правда, критикуя проект реформы Марты Браун в Германии, которая пишет: «Обращение двух валют ведет к вытеснению худшей валюты лучшей», тов. Нахимсон подчеркивает: «до известной степени, это верно, но все же в России, напр., совзнак не вытеснил червонца из обращения, так как последний имел свой определенный круг хождения» (стр. 4).

Последнее замечание автора вообще основано на недоразумении: речь идет не о вытеснении лучшей валюты, каким был червонец, худшей, а наоборот. И это вытеснение действительно происходило у нас в течение всего 1923 г. Особенно великолепно следующее «доказательство автора»: «Если сопоставить движение курса совзнака и германской марки за 1923 г., то ясно станет, что говорить о том, будто обращение двух нот ускоряет падение курса бумажной ноты, нельзя, ибо в Германии не существовало двух нот, и, наоборот, бумажная марка была признана единственным легальным средством платежа и обращения, а все-таки темп ее падения был гораздо более быстр, чем темп обесценения совзнака» (стр. 45).

Такое доказательство совершенно никуда не годится: что выпуск червонца способствовал ускорению падения совзнака, это общеизвестно, а катастрофическое падение марки в Германии было вызвано общими условиями развития германского хозяйства в 1923 г. и которое было совершенно отлично от экономики нашего Союза.

Кроме того, автор глубоко ошибается, когда считает, что в Германии не было параллельного обращения. Известно, что летом и осенью 1923 г. в обороте начинают циркулировать в довольно больших размерах иностранная валюта, облигации золотого займа, а также деньги местных республик, отдельных областей и городов, которые отчасти выпускаются и в твердой валюте. Это безусловно имело значение для ускорения падения курса бумажной марки. Вполне правильно тов. Трахтенберг в выпущенном на-днях новейшем издании своей книги «Бумажные деньги», анализируя денежное обращение в Германии осенью 1923 г., пишет относительно роли, обращающей твердой валюты. «Таким образом сфера обращения банкнот Рейхсбанка все более и более суживалась и это не могло оставаться без влияния на темп падения ее ценности» (стр. 322 ук. соч.).

Но оставим теории в покое и перейдем к конкретным материалам. Автор последовательно останавливается на денежной реформе в Чехо-Словакии, Австрии, Германии, Прибалтийских государствах, Польше и Венгрии. Он дает интересную картину роли Лиги Наций в «оздоровлении» народного хозяйства в Австрии, Венгрии и Польше, оздоровлении, сводящем к активческому закабалению этих государств Антантой.

Товарищ Нахимсон не ограничивается только описанием проведения денежной реформы, а затрогивает и положение внешней торговли каждой страны, платежного баланса, сельского хозяйства и промышленности и т. д. Такая трактовка вопроса значительно облегчает понимание всех особенностей реформы и оживляет работу. Обилие цифрового материала, которому, однако, не всегда дается достаточно глубокий анализ, придает работе местами характер простого справочника. Ясной картины реформы, особенно в отношении Чехо-Словакии, Австрии и Венгрии, нет, выводы разбросаны, часто противоречат друг другу и не всегда убедительны.

Несколько примеров:

На стр. 65 автор, подводя итоги реформы Чехо-Словакии, пишет: «В самое последнее время (книга написана в течение 1924 г. *М. И.*) положение денежного рынка несколько улучшилось»... А двадцатью пятью строками ниже на той же странице буквально написано следующее: «В 1924 году положение ухудшается». Остается непонятным, ухудши-

лось или улучшилось в 1924 году финансовое положение в Чехо-Словакии. Говоря о положении финансов Австрии, автор указывает, что на 1925 г. бюджет составлен с дефицитом 0,3 милл. золотых крон. За первые семь месяцев 1924 года дефицит получился 4½ милл. золотых крон, а предполагаемый дефицит на следующие пять месяцев 1924 года исчисляется в 16½ милл. крон. Следовательно, в 1924 году дефицит государственного бюджета составил 21 милл. золотых крон, а в 1925 году предполагается, что дефицит будет равен 40,3 милл. крон. Из этого каждому должно быть ясно, что финансовое положение Австрии сильно ухудшилось. Автор, однако, после всего вышесказанного, неожиданно заявляет: «Финансовое положение Австрии укрепилось». Хорошее укрепление! Выводит он это, однако, из того, что она значительно повысила налоговое обложение. Чистый расход без переходящих статей составляет 494,8 милл. золотых крон, что означает на голову населения (6½ милл.) 76 крон, между тем, до войны обложение в Германии составляло всего 31 марку» (стр. 80).

В этом отрывке целый ряд неточностей: о каком расходе идет речь, и если это бюджетный расход, то это совершенно не значит, что он весь покрывается налогами с населения, поэтому сравнение с Германией совершенно неприменимо. К сведению автора можно сообщить, что, по новейшим данным (ст. тов. Менкеса, «Экономические проблемы в Австрии» в «Социал. хозяйстве», книга 2) налоговое обложение составляло в 1924 году на душу населения в Австрии 37,7 зол. крон (15,8 крон прямых налогов и 21,9 крон косвенных), таким образом это обложение почти равно обложению в Германии, если, конечно, цифра 31 марка у автора названа правильно (у Конрада, «Финансовая наука», немецк., изд. 1923 г., для 1913 г. названа цифра 49 марок, стр. 384). Вообще работа производит впечатление как будто богато собранный материал был обработан наспех. Только этим можно об'яснить целый ряд ляпсусов. Так, у автора всюду фигурируют деньги, как мера стоимости. Между тем, у Маркса, как известно, речь идет о мериле ценности. Перлом путаницы является и следующий отрывок, касающийся внешней торговли Венгрии. Превышение вывоза над ввозом хлебов, которое до войны было довольно значительно, за время и после войны совершенно сошло на-нет. В 1923 г. вывоз снова поднялся по сравнению с ввозом. В связи с этим и торговый баланс Венгрии сильно ухудшился. Ввоз превышает вывоз весьма значительно. Почему в связи с повышением вывоза по сравнению с ввозом торговый баланс ухудшился, совершенно непонятно и противоречит даже начаткам политической экономии. Если от текста обратиться к приведенной затем автором таблице, то можно усмотреть, что, начиная с 1920 г., ввоз все время выше вывоза, в 1923 году вывоз относительно возрос, но все же баланс был пассивен. В 1924 году снова наступило ухудшение. Таким образом только внимательно изучая таблицу и не читая вышеуказанный текст, можно получить правильное представление о внешней торговле Венгрии. Но ведь вообще текст создан для того, чтобы раз'яснять таблицы, а не их запутывать. Еще последнее замечание. В самом конце книги мы встречаем фразу: «что касается Франции и Германии, то здесь снова выдвигался вопрос о междусоюзнических долгах, который является решающим и для валютной проблемы» (стр. 55).

Спрашивается: какое значение имеет разрешение проблемы междусоюзнических долгов для валюты Германии, и не должно ли было бы в тексте вместо Германии стоять Англия? Мы не имеем возможности останавливаться на других небрежных фразах, вроде таких: «Разразившаяся мировая война сразу оборвала взаимные отношения между

всеми странами Европы...» (стр. 2) или «что добыча золота составляла за года 1909—10—13—14—222 миллиона унций чистого серебра» (примечание к стр. 25)... Но как же дело обстоит с основными выводами автора?

Автор почти каждый отдел кончает фразой, проникнутой скептицизмом к только что описанной им денежной реформе. Так о Венгрии он пишет: «По соглашению с английским банком, последний поддерживает курс крон на уровне английского фунта. Надолго ли?» (стр. 148). О Польше, говоря, что об'екты привлечения иностранного капитала, без которого невозможна дальнейшая стабилизация польской валюты, все уже разобраны, автор восклицает: «чем Польша будет в дальнейшем поддерживать свою валюту» (стр. 42), и, наконец, в заключении он утверждает:

«Словом, до действительной стабилизации валют на Западе еще далеко!» (155 стр.). Мы совершенно согласны с этим выводом автора, мы также считаем, что проблема стабилизации валют в мировом масштабе еще не решена.

Но автор слишком упрощенно подходит к разрешению этой проблемы: нельзя судить о перспективах развития денежного обращения по отдельным признакам, вроде ухудшения или улучшения торгового или платежного баланса, увеличения или уменьшения бюджетного дефицита или количества обращающихся бумажных денег или, наконец, роста или падения товарных цен. Судьба валют тесно связана с развитием народного хозяйства в целом. Только на основе всестороннего и глубокого анализа экономики страны может быть дан прогноз, и то приблизительный, судьбы ее валюты. Этого анализа автор почти не дал и вот почему, не все его выводы убедительны и часто должны приниматься просто на веру. Все же благодаря чрезвычайно добросовестному и богато собранному материалу книга принесет пользу желающему ознакомиться с новейшими факторами денежного обращения на Западе. Тем более, что идеологически работа вполне выдержана.

М. Иоэльсон.

Роберт Лифман. Картели и тресты. «Проблемы мирового хозяйства», под ред. проф. Фалькнера. Изд. «Эконом. Жизнь». Москва. 1925 г.

Книга Роберта Лифмана считается в иностранной экономической литературе одной из лучших работ, посвященных вопросу о формах концентрации промышленности. Центр тяжести ее лежит в описательном материале. Как теоретическое пособие для изучения проблемы трестирования и синдицирования она русскому читателю не принесет пользы. Зато книга содержит богатейший фактический материал, сравнительно исчерпывающую, главным образом, для германских условий, классификацию крупно-капиталистических об'единений, анализ действующих правовых норм по этому вопросу и т. д. Однако и в этом отношении работа имеет ряд существенных пробелов.

Книга вышла первыми изданиями задолго до войны, затем одно издание появилось во время войны, и, наконец, последние два издания были выпущены в 1922 и конце 1923 г. в моменты глубочайшего развала народного хозяйства Германии и наивысшего обострения классовых противоречий. При каждом новом издании, автор пересматривал свою работу, добавляя ее наиболее характерными чертами эпохи. В то же время автор не совсем заботился о том, чтобы создать известную цельность содержания, сохраняя отдельные выводы, не имеющие в

настоящее время уже никакого значения. Вследствие этого работа носит отпечаток трех периодов—резко отличающихся друг от друга. Вот почему встречается, например, такая фраза: «несомненно, то, что сравнительный застой во французской промышленности облегчает монополистические об'единения» (стр. 127). Это было написано давным давно, когда действительно французская промышленность была одной из самых отсталых в Западной Европе. Для настоящего времени эта характеристика французской промышленности совершенно не подходит и, конечно, должна была бы быть выброшена.

От «военного периода» у автора остались глубокие антипатии к странам, воевавшим против Германии. В то время, как автор, говоря о Германии, повсюду, как мы увидим, старается смягчить отрицательные стороны деятельности капиталистических об'единений, он не жалеет мрачных красок для описания американских и английских трестов. Здесь он даже готов сослаться на ненавистных ему социалистов. И так же, как во время войны буржуазия всех воюющих стран ругала своих социалистов—противников войны, но превозносила социалистов - антимилитаристов враждебных ей государств, так же по Лифману социалисты оказываются правы, но только—в Соединенных Штатах. Так он пишет: «социалисты правы, когда они говорят, что Америка вступила в мировую войну, прежде всего, из-за этих капиталистических тенденций» (стр. 154). И далее, описывая борьбу нефтяных трестов, он указывает: «во всяком случае необходимо признать, насколько тесно связаны в этих вопросах (борьба за нефть. *М. И.*) империализм и капитализм и, конечно, социализм в этом отношении прав, когда он борется с ним, как с главным основанием мировых войн» (стр. 210). Он подвергает даже сомнению американскую «демократию» и считает, что в Америке все можно купить за деньги. Совсем другие нотки слышатся у автора, когда он переходит к Германии.

Автор проникнут совершенно невиданной озлобленностью против рабочего класса, он считает, что рабочие организации в результате революции чрезвычайно усилились, и все их старания направлены к тому, чтобы добиться неслыханно высокой заработной платы, совершенно не заботясь об интересах нации в целом. В своих рассуждениях автор доходит до того, что стремится доказать, что в 1922 и 1923 г.г. доля заработной платы, в готовом продукте, была выше, чем до войны. И, не жалея слов для обсуждения непатриотического, эгоистического движения германских рабочих, он не забывает, однако, отпускать комплименты по адресу «разумных» вождей социал-демократии. Насмешкой звучит после всего того, что было написано о роли Стиннеса и других магнатов германской индустрии, в хозяйственной и политической жизни страны, следующее утверждение автора: «несомненно, сильная «демократизация» Германии за время войны, усиление влияния левых партий, включая и социал-демократию, все это оказывает противодействие эксплоатации германского народного хозяйства со стороны капиталистических монопольных образований» (стр. 197). Но оставим эти глубокомысленные рассуждения, они у нас никого не убедят. Отражение германской действительности эпохи инфляции нашло себе место также и в анализе влияния картелей на потребителей. Автор пишет: «фабриканты уже не ищут больше потребителей, но, наоборот, потребители вырывают друг у друга выброшенный на рынок товар» (стр. 91). Это, конечно, правильно для положения в 1922—23 г. в Германии, но на этом нельзя строить характеристику деятельности картелей в остальных странах, а также в настоящее время в Германии, где свирепствует жестокий кризис сбыта.

Вообще автор имеет почти исключительно, при анализе крупных капиталистических об'единений, в виду Германию. На остальных странах он останавливается только мельком. Этим и об'ясняется, что большую часть своей книги Р. Лифман посвящает картелям, форме об'единений, не получившей широкого развития вне Германии.

Переходя теперь к теоретическим положениям автора, нужно отметить, что они сводятся к тому выводу, что современный процесс концентрации ведет к сосредоточению в руках небольшой группы населения всех богатств страны, что грозит обострением классовых противоречий и вследствие этого может иметь катастрофические последствия для всего народного хозяйства.

Доктрину социализма автор отвергает. Он считает, что социализм, уничтожив возможность индивидуального стремления к прибыли и заменив его «распределительным принципом», вместе с этим уничтожит основной движущий фактор хозяйственного развития. В предисловии к русскому переводу дана правильная критика этого положения. Р. Лифман выдвигает свой проект реорганизации капитализма. В качестве мероприятий для борьбы с нежелательными последствиями современного процесса концентрации, автор предлагает ввести более строгую налоговую политику в целях справедливого распределения народного дохода; должно быть введено строгое наблюдение над деятельностью монополистических об'единений, и, наконец, как излюбленный вообще проект буржуазных реформаторов, у автора фигурирует необходимость широкого распространения акций среди рабочих.

Этими немногими мероприятиями автор думает спасти мир от классовых противоречий? Утопичность возможности проведения всех этих реформ в рамках капиталистического государства вряд ли требует доказательств.

Но характерно: автор сам не замечает, что в тексте он неоднократно констатирует безуспешность всяких попыток законодательными мерами остановить концентрацию капитала. Так, например, говоря о новейшем законодательстве Норвегии, он замечает: «Очень многое без сомнения останется на бумаге, как это было с американскими законами о трестах. Столь далеко идущий, почти всеоб'емлющий контроль над промышленностью возможен к тому же лишь в небольших странах. В Германии он был бы неосуществим. Здесь следует также обратить внимание на то, что и радикальные норвежские постановления ничего не достигают в смысле борьбы с финансовыми злоупотреблениями крупных предприятий» (стр. 231).

Таким образом законодательство против трестов и картелей бессильно в крупных капиталистических государствах и в частности ничего не может сделать в отношении финансовых об'единений (наиболее распространенных в настоящее время).

Предлагая распространение акций среди рабочих, автор, однако, пока не совсем в восторге от результатов этих мероприятий. Известно, что наибольшего распространения распределение акций имеет место у американского Стального треста. Описывая деятельность этого треста, Лифман замечает: «Для улучшения положения рабочих трест сделал очень мало. Правда, он хотел заинтересовать рабочих в предприятии предоставлением им акций, но заботы его о рабочих, как и в большинстве крупных предприятий Америки, ничтожны» (стр. 142). И далее выясняется, что большинству рабочих приходится работать 12 часов в день, при чем 7 дней в неделю. И после всего этого автор имеет смелость утверждать, что «частная заинтересованность в прибыли одушевляет также и рабочих» (стр. 260).

Наконец, автор несколько раз в тексте подчеркивает, что крупные капиталистические об'единения перекладывают налоги на мелкого торговца и на потребителя. Одним словом, три кита, на которых должна быть построена предлагаемая автором реформа, разбиваются им самим.

«Теоретические» претензии автора не умаляют, однако, основную ценность книги для русского читателя: познакомить его с сложной структурой организационных форм современного капитализма.

Русскому переводу все же нужно было бы предпослать более обстоятельную критическую статью. Предисловие проф. Фалькнера, хотя и дает критику некоторых положений Р. Лифмана, но не вскрывает классовой сущности его философии. Ведь Лифман является типичнейшим представителем буржуазной экономической мысли современной Германии, безоговорочным апологетом капиталистического строя. И если он позволяет себе легкую критику существующих условий, заигрывает с идеями социализма, допуская, что «основная идея социализма—уничтожение нетрудовых доходов—является вполне справедливой», то это обстоятельство об'ясняется только тем, что в 1920—1923 г.г., когда работа подвергалась коренной переделке, Германия быстро катилась к социалистической революции, буржуазия совершенно не была уверена в завтрашнем дне.

Характерно: в книге все время слышатся пессимистические нотки, и в заключение Р. Лифман пишет: «может быть, и необходимо, чтобы германский народ вступил на этот тернистый путь (социалистической революции. *М. И.*) для искупления всего человечества» (?) (стр. 261). Своей пропагандой «социальных реформ» Р. Лифман надеется отвлечь внимание всех недовольных от «вредных и пагубных» идей о возможности «притти к новому хозяйственному строю с помощью политической власти, а не путем... внутреннего духовного преобразования» (?!) (стр. 261).

Весь «прогрессивизм» и «об'ективизм» автора—это лишь тактический прием защиты капитализма более умным буржуазным ученым.

Только так мы должны подходить к теоретической стороне рецензируемой работы.

М. И.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.